ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 15 (810)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 15 (810)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 15 (810)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М.С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О.К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г.Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С.С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А.И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сорокина Т. С.
Динамика функционирования репрезентантов концепта «состояние» в новоанглийский период 9

Салькова М. А., Мачина О. А.
Двойная модальность и корпусный анализ: актуализация обучения грамматическому аспекту современного английского языка 19

Грибанова Т. И.
Хеджирующие средства в английском языке: история, подходы и классификации 34

Анисимова В. Б.
Функционально-когнитивная семантика репрезентантов концепта «отношение» в английском языке 44

Смурова О. В.
Эпистемический гештальт 62

Лебедева И. С., Романова И. Д.
Модальные глаголы как средство воздействия в персональном и институциональном дискурсе 77

Ванько Т. Р.
Синтаксические характеристики политического медиадискурса «Твиттера» 88

Попова Е. А.
Родительный падеж и конструкция с предлогом «of»: современные тенденции использования в английском языке 101

Климик В. А.
О чем рассказывает графологема, или Зачем писателю ошибки 111

Маркова Ю. Б.
Качественные ассимилятивные изменения ударных гласных в древнеанглийском и древнеисландском языках (перегласовки) 121

Таунзенд К. И.
Наблюдения за процессом работы русского переводчика XVIII в. 127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Смирнова И. Б.
Астрология литературоведения, или Рождение и перерождение западноевропейского романа. *Цикл*: «Стрелка часов» 145

Сомова Е. В.
Традиция «Школы катастроф» в историческом романе Дж. Уайт-Мелвилла «Гладиаторы» 167

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бобкова П. В.
Лингвистические исследования явлений духовной культуры 181

Брусиловская Л. Б.
Диалог и полилог в кинематографе М. Хуциева («Застава Ильича», «Июльский дождь», «Послесловие») 189

Ильина Т. А.
Концепция очевидности истины 200

Козьякова М. И.
Утилитаризм и духовная культура в отечественной образовательной парадигме 215

Кутьева М. В.
Духовные символы в переводах Библии на русский и испанский языки: различия образных реализаций 229

Лебедева А. А.
Значение контекста для корректного перевода текстов правовой направленности: лингвокультурологический аспект 241

Осьминина Е. А.
Сакральный текст как источник прецедентных феноменов (на примере поэзии З. Н. Гиппиус) 251

Свиридова Л. К.
Лексические формы выражения тождества в сфере духовно-родственных отношений 265

CONTENTS

LINGUISTICS

Sorokina T. S.
Representatives of the Concept "State": Dynamics in New English 9

Salkova M. A., Machina O. A.
Double Modality and Corpus-Based Analysis:
Actualization of Teaching Modern English Grammar 19

Gribanova T. I.
Hedges in English: History, Approaches and Classifications 34

Anisimova V. B.
Functional and Cognitve Representaton
of the Concept 'Relation' in English 44

Smurova O. V.
The Epistemic Gestalt 62

Lebedeva I. S., Romanova I. D.
Modal Verbs as Means of Persuasion
in Personal and Institutional Discourses 77

Vanko T. R.
The Twitter Political Media Discourse Syntax 88

Popova E. A.
The Genitive Case and the "of" Structure:
Modern Tendencies of Their Use in English 101

Klimik V. A.
What Can a Graphologeme Reveal, or Why Do Writers Make Spelling
Mistakes? 111

Markova Y. B.
Qualitative Assimilative Changes of Stressed Vowels
in Old English and Old Icelandic (mutations) 121

Taunzend K. I.
Watching the Russian Translator of the 18th Century at Work 127

LITERARY STUDIES

Smirnova I. B.
Astrology of the Literary Studies or Birth and Renewal of the Western European Novel 145

Somova E. V.
The «School of Catastrophe» Tradition in the Historical Novel «The Gladiators» by George J. Whyte-Melville 167

CULTUROLOGY

Bobkova P. V.
Linguistic Research of Spiritual Culture 181

Brusilovskaya L.
Dialogue and Polylogue in M. Khutsiev's Cinema ("Zastava Ilyicha", "July rain", " Afterword") 189

Ilina T. A.
The Concept of the Evidence of Truth 200

Kosyakova M. I.
Utilitarianism and Spiritual Culture in the National Educational Paradigm 215

Kutieva M. V.
Spiritual Symbols in the Translations of the Bible into Russian and Spanish: Differences in Figurative Realizations 229

Lebedeva A. A.
Context Significance for Correct Interlinguistic Transfer of Legal Texts: Linguo-Cultural Aspect 241

Osminina E. A.
The Sacred Text as a Source of the Precedent Phenomena (based on the poetry by Zinaida N. Gippius) 251

Sviridova L. K.
Lexical Forms of the Expression of Identity in the Sphere of Spiritual and Family Relations 265

УДК 811.111

Т. С. Сорокина

доктор филологических наук, профессор;
профессор каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: sotanl462116gmail.com

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ» В НОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

В данной статье предлагается рассмотрение диахронных изменений в функционировании репрезентантов концепта «состояние» и направлений их метафоризации в новоанглийский период XVII–XX вв.). Состояние понимается здесь как онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о языке, о ситуации и о мире. Прототипическим репрезентантом концепта «состояние» является пропозиция, реализующаяся в высказывании, дискурсе и фоновых знаниях. В основе описания репрезентантов данного концепта положены принципы конструктивной грамматики (Construction Grammar), так как понимание конструкции как результата сложного взаимодействия множества свойств отдельных компонентов вплотную подводят исследователей этого направления к пониманию конструкций как гештальта, прототипически репрезентирующего концепт «состояние». Историческая изменчивость конструкций затрагивает как функционирование репрезентантов концепта «состояние» – предикатно-аргументных структур, представленных в виде структурно-семантических моделей, так и процессы их метафоризации. Исследование показало, что диахронные изменения репрезентантов концепта «состояние» наблюдаются, главным образом, в росте их употребительности, в изменении частотности и наполнения их гештальт-функций (наиболее абстрактных значений, составляющих содержание концепта), в составе и частотности структурно-семантических моделей, реализующих гештальт-функций. При этом развитие метафоризации осуществляется в направлении от абстрактного к конкретному в семантике глагола и в результате действия процесса аналогии. Всё это является следствием внутриязыковых процессов, характерных для исследуемого периода, и отражает исторические изменения в языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт; гештальт; гештальт-функции; структурно-семантические модели; грамматическая метафора; концептуальная метафора; физическое состояние; психологическое состояние; метафоризация; фрейм.

T. S. Sorokina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of Grammar and History of English, English Language Department, MSLU; e-mail: sotanl462116gmail.com

REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT "STATE": DYNAMICS IN NEW ENGLISH

This contribution provides the diachronic treatment of the concept "state", its representatives and their metaphorization in the New English period (17–20 cc.). State is regarded as ontological and linguistic, partially verbalized, lexically, morphologically and syntactically represented concept, as a unit of knowledge gestalt-packaging language representation of linguistic knowledge, contextual information and worldview. The description is based on Construction Grammar which implies that the form of a construction can be associated with different kinds of grammatically relevant information that can be semantic, pragmatic, syntactic, morphological, phonological, or lexical in nature. The interface (but not a sum) of construction components licenses the treatment of constructions as gestalt prototypically representing the concept "state". Historical dynamic changes cover representatives of the concept – predicate argument structures (forming structural and semantic patterns) together with their metaphorization processes. The article shows that the diachronic data point to an expansion of the state representatives from very specific instantiations to progressively more general types, to growth of their usage, to changes of frequency of occurrence and content of their gestalt-functions, to evolution of composition and frequency of structural and semantic patterns, actualizing the gestalt-functions. The metaphorization processes are elaboration of abstract verb semantics into concrete and analogy. All this can be treated as consequence of internal linguistic modifications reflecting historical changes in linguistic worldview.

Key words: gestalt; gestalt-functions; structural and semantic patterns; grammatical metaphor; conceptual metaphor; physical state; psychological state; metaphorization; frame.

Введение

Состояние как онтологическая и семантическая категория имеет длительную историю изучения в философии и лингвистике. В философии состояние – это категория, отражающая способ существования субстанции, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях и характеризующаяся преходящей природой и потенциальной изменчивостью [Матханова 2002; Филиппова 2011]. В языкознании состояние – это семантическая категория, отражающая в языке специфическую форму бытия

предмета, не влияющую на его сущностные свойства и характеризующуюся целостностью, устойчивостью, «стабильностью в течение некоторого периода времени и потенциальной изменяемостью». Таким образом, состояние понимается как фаза в существовании, характеризующаяся сохранением качественно-количественных и пространственно-временных свойств. Состояние как семантическая категория исследовалось на уровне словоформы (слова категории состояния), высказывания и целого текста (семантические предикаты состояния), а также рассматривалось как синтаксический концепт и как особый языковой формат знания, под которым понимается определенная форма или способ представления знаний в языке [Болдырев 2008, с. 51; Павлова 2016].

Состояние понимается здесь как онтологический и лингвистический, частично вербализованый, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире. В концепт «состояние» входят максимально абстрагированные смыслы – разные виды состояния (гештальт-функции). Сочетания этих абстрактных смыслов и составляют концептуальные характеристики концепта «состояние», формирующие его содержание.

Как онтологический концепт состояние имеет два субконцепта: нерезультативное состояние и результативное (актуальное и потенциальное) состояние. Нерезультативное состояние не обладает признаком связи с результатом действия, а результативное является результатом предшествующего действия и связано с актуальностью его последствий. Результативное состояние детально исследовалось в виде так называемых нерезультативных конструкций представителями конструктивной грамматики – Construction Grammar (C_XG), теория которой была предложена Ч. Филлмором [Fillmore 1989] и развита А. Гольдберг [Goldberg 1995] и Г. Боасом [Boas 2003]. В основе описания репрезентантов данного концепта положены принципы конструктивной грамматики.

В Construction Grammar под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей. Их элементами могу быть морфемы, слова, предложения» [Goldberg 1995, с. 4].

Отсюда основные постулаты конструктивной грамматики:

1) элементы одного уровня постоянно взаимодействуют с элементами другого уровня;
2) анализ на различных уровнях происходит не последовательно, а одновременно;
3) значение конструкции, хотя и определяет наполнение ее компонентов, является не простой суммой, а результатом сложного взаимодействия множества свойств отдельных компонентов. При этом свойства одного компонента выбираются в зависимости от каждого из остальных.

> «...Construction grammar integrates different kinds of linguistic information -semantic, pragmatic and syntactic information among others – in such a way that allows to determine the extent to which the different kinds of information are related and influence each other» [Boas 2003, c. 85].

О свойствах конструкции Г. Боас, ведущий представитель конструктивной грамматики, пишет:

> «The form of a construction can be associated with different kinds of grammatically relevant information that can be semantic, pragmatic, syntactic, morphological, phonological or lexical in nature» [Boas 2003, c. 87].

Вышеизложенные идеи, на наш взгляд, вплотную подводят исследователей этого направления к пониманию конструкций как гештальта, прототипически репрезентирующего концепт «состояние».

4) конструкция способна изменяться: семантически, морфологически и синтаксически. «Это значит, что грань между синхронией и диахронией, на которой так настаивал структурализм и которая до сих пор существенна для формальных теорий, оказывается настолько зыбкой, что в рамках данного подход впору о ней забыть: даже если мы занимаемся конструкциями сегодняшнего дня, нам поневоле приходится заглядывать и в прошлое, и в будущее, обращая внимание как на утраты, произошедшие в данном семействе конструкций, так и на новые, только рождающиеся возможности его развития» [Лингвистика конструкций 2010, с. 23].

Именно изменчивая природа конструкций как раз и дает возможность языку гибко и плавно изменяться, не теряя связи со своим предшествующим временным срезом. С лингвистической точки зрения важно знать, как происходит такая перестройка, в частности,

насколько она связана с такими известными типами семантических переходов, как метафора.

Целью статьи является рассмотрение диахронных изменений в функционировании репрезентантов концепта «состояние» и направлений их метафоризации. Диахронический пласт бытия концепта, способный дать более полное представление о его содержании и структуре, изучается в русле нового направления когнитивной лингвистики – диахронической концептологии.

Методология

Методологией, исходной для предлагаемой дискуссии, является конструктивная грамматика (Construction Grammar), структурно-семантическое моделирование и концептуальный анализ.

Обсуждение. Результаты

А. Диахронные изменения репрезентантов концепта «состояние»

Репрезентация концепта «состояние» выражается на уровне языка пропозициональными (главным образом, предикатно-аргументными) структурами в формате предложения, текста и с учетом экстралингвистической (энциклопедической) информации, что на уровне речевой коммуникации реализуется как высказывание, дискурс и фоновые знания, а на когнитивном уровне как знания о языке, о ситуации и о мире. Эти предикатно-аргументные структуры сформированы в виде определенного числа моделей, таких, например, как:

[NP V (lex)] (e.g. My feet *ache*)

[NP V (link) AP] (e.g. The beautiful *is empty*)

[NP V **(lex) NP]** (e.g. He adores *this painting*)

[NP V(result) PP] (e.g. The vase broke *to pieces*)

[NP V (trans) NP AP] (e.g. Polly carefully wiped the area *dry*) и др.

Эти структурно-семантические модели демонстрируют разную частотность в современном английском языке. История этих моделей (с разной структурой и семантикой) восходит к древнеанглийскому периоду, когда обнаруживаются их единичные употребления типа *He*

slept himself sober, He roared himself hoarse, He shrove himself clean, I painted the door green [Visser 1963, с. 659]. Однако регулярное их функционирование отмечается, начиная с XVI в. В новоанглийский период (с XVII по XX вв.) наблюдаются заметные изменения в репрезентации концепта «состояние»:

1) растет общая частотность употребления моделей для обоих субконцептов, хотя и в разной степени (соотношение нерезультативных и результативных структур остается стабильным – 6:1);

2) количество гештальт-функций (ГФ) варьируется в разных субконцептах. При этом наиболее частотными для концепта в целом стабильно остаются две ГФ: «физическое состояние» и «психологическое состояние». Их частотность неодинаково распределяется по субконцептам: в субконцепте «нерезультативное состояние» превалирует ГФ «психологическое состояние», для «результативного состояния» более характерна ГФ «физическое состояние»;

3) частотность употребления этих ГФ обнаруживает заметные колебания: XIX век является точкой бифуркации, где направление изменения меняется на противоположное. Однако в целом, при сопоставлении результатов в конечных точках видно, что эти ГФ сохраняют доминирующую позицию на протяжении всего исследуемого периода.

4) субконцепт «нерезультативное состояние» сохраняет качественный и количественный состав структурно-семантических моделей на протяжении исследуемого периода (4): **[NP V (lex)]**, **[NP V (link) AP]**, **[NP V (lex) NP]** и **[NP V (link) PP]**. Субконцепт «результативное состояние» наращивает число и состав структурно-семантических моделей с двух в XVII в. до четырех в XX в. Сравним:

XVII в. **[NP V (lex) NP]** e.g. His fiery eyes are fixed upon the earth (*Chr. Marlowe*)

[NP V (link) AP] e.g. Yet was his mother fair (*W. Shakespeare*)

и

XX в. (наблюдаются две новых модели): **[NP V (result)]** e.g. The lake froze

[NP V (lex) NP PP] e.g. The earthquake destroyed buildings to pieces.

5) наиболее частотными моделями для субконцепта «нерезультативное состояние» являются **[NP V (link) AP]** и **[NP V (link) PP**, а для субконцепта «результативное состояние» – [**NP V (link) AP]** и **[NP V (lex) PP**].

Таким образом, диахронные изменения репрезентантов концепта «состояние» происходят, главным образом, в росте их употребительности, в изменении частотности и наполнения их гештальт-функций (наиболее абстрактных значений, составляющих содержание концепта), в составе и частотности структурно-семантических моделей, реализующих гештальт-функции.

Б. Динамика процессов метафоризации в новоанглийский период

Если принять, что основной когнитивной схемой пропозиции, репрезентирующей в разных форматах концепт «состояние», является «носитель состояния + статальная характеристика», то соотношение центральных компонентов этой когнитивной схемы может реализоваться как структура отношений между членами ситуационного (событийного) фрейма (Event-frame) двумя путями: логически и метафорически. Инференция путем логических отношений между компонентами конструкции лежит на поверхности при конвенциональном употреблении главного члена пропозиции – глагола. Например: *He sneezed his nose red*. Однако в «неканонических» случаях [Boas 2003, с. 113] возможность употребления той или иной конструкции как репрезентанта концепта «состояние» представляется проблематичной в силу метафорического характера глагольного члена пропозиции. Например:

They laughed the poor guy out of the room.
Frank sneezed the tissue off the table.
Lilly coaxed George under the table.

Подобные случаи употребления результативной конструкции расцениваются нами одновременно как грамматическая метафора (High-Level metaphor), фиксирующая изменение транзитивности глагола, и как концептуальная метафора.

Согласно теории концептуальной метафоры она рассматривается как принцип аналогии, действующий в семантике [Лингвистика

конструкций 2010, с. 295], при котором «переносу» подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), которая актуализируется некоторым словом в сознании носителя языка благодаря связи данного слова с данной конвенциональной структурой [Кобозева 2002]. В вышеуказанных случаях глаголы, превращаясь из непереходных в переходные и используя свой лексико-семантический потенциал, реализуют «побочную» силовую динамику, заложенную в семантике глагола. При этом ситуационный фрейм заменяется на каузирующий (Caused Motion-frame) – X causes Y to move Z.

Исследование показывает, что в древнеанглийский период обнаруживается мало метафорических конструкций [Broccias 2008]. Они впервые появляются в среднеанглийский период как модели типа *He talked himself hoarse*, т. е. конструкции с квази-возвратными глаголами. Например:

> Men ***laughe*** hem selve ***to deaþ***.
> men laugh themselves to death (1387; Trevisa, *Higden* (Rolls) I. 305) [Broccias 2008].

Развитие метафоризации идет в направлении от абстрактного к конкретному в семантике глагола и в результате действия процесса аналогии. Так, широкозначный древнеанглийский глагол *don* (близкий к современному *make*) заменяется, в частности, глаголами с более конкретной семантикой разультативности и образа действия. При этом действие метафорически интерпретируется как сила, воздействующая на объект. Уже начиная с времен У. Шекспира, встречаются структуры, где объект не является регулярным членом актантной группы. Например:

> a lover's eyes will gaze an eagle blind (1588)
> he drinks you with facility y our Dane dead drunk (1604)

В этих примерах действия, выражаемые глаголами *gaze* и *drink*, могут интерпретироваться как силы, каузирующие состояние метафорически манипулируемого объекта.

Выводы

Исторические изменения в функционировании репрезентантов концепта «состояние», равно как и динамика процессов их

метафоризации, в полной мере вписываются в общую картину внутриязыковых процессов, характерных для исследуемого периода:

1) сокращение морфологического потенциала английского языка и необходимость опереться на лексико-синтаксический межуровневый резерв при выражении грамматических значений;
2) возрастание роли синтаксиса в истории английского языка: «Функционально, в плане выражения грамматических значений, синтаксис новоанглийского периода нагружен значительно больше, чем в среднеанглийский и тем более древнеанглийский периоды» [Шапошникова 2017, с. 396–397];
3) «разрастание» сочетаемости глагола по мере включения в глагольную парадигматику всё большего количества классов референтов глагола (новые группы «объектов);
4) развитие у глагола новых синтаксических валентностей;
5) изменение транзитивности глаголов и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. Вып. III. С. 25–36.

Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] // Proceedings 2002. URL : www.dialog-21/ru/archive_article.acp?param=7339&vol=6077

Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

Матханова И. П. Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб. : Наука, 2002. С. 101–119.

Павлова А. В. Состояние как формат знания (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Тамбовский госуниверситет им. Г. Р. Державина. 2016. № 3. С. 96–102.

Филиппова О. В. Подходы к исследованию результативных конструкций в современной англистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 27 (633). Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 22–49. (Сер. Языкознание).

Шапошникова И. В. История английского языка. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017. 508 с.

Boas H. C. A Constructional Approach to Resultatives. Stratford : CSLT Publications, 2003. 400 p.

Broccias Cr. Towards a history of English resultative constructions: the case of adjectival resultative constructions // English Language and Linguistics. 2008. № 12. P. 27–54. doi: 10.1017/S1360674307002493.

Goldberg, A. Constructions: A Constructional Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 265 p.

Fillmore C. Y. Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // Language Processing in Social Context / eds. R. Dietrich and C. F. Graumann. Amsterdam : Elsevier, 1989. P. 17–38.

Visser F. Th. An historical syntax of the English language. Vol. 1. Leiden : E. J. Brill, 1963. 2470 p.

УДК 81'3-13

М. А. Салькова, О. А. Мачина

Салькова М. А., кандидат филологических наук, доцент,
зав. каф. грамматики и истории английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Мачина О. А., кандидат филологических наук, доцент,
доцент каф. грамматики и истории английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ДВОЙНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОМУ АСПЕКТУ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается проблематика явления, которое, исходно относясь к разряду низкочастотных в стандартном английском языке, тем не менее, существует, развивается и успешно используется англоговорящим сообществом. Речь идет о так называемой двойной модальности и двойном / многочленном модальном сказуемом (*probably should, might can / could* и пр.), до недавнего времени относимых к области ошибок узуса, либо к области диалектных употреблений, либо к особенностям креолизованных языков.

С профессиональной точки зрения, реальность современного межкультурного диалога и формирование международного (глобального) английского языка важны не только своими общечеловеческими гуманитарными ценностями, повышением толерантности и установлением прочных связей между людьми, но и в лингвистическом смысле изменением списка наблюдаемых в языке единиц, обогащением номенклатуры языковых (грамматических) средств тонкими индивидуально культурными и межкультурными нюансами. Отсюда – неизбежное внимание к тем структурам, которые, согласно своей природе, в концентрированной форме передают отношение говорящего к содержанию сообщаемого. Следствием этих процессов становится необходимость обновления методик обучения иностранному языку на всех уровнях, включая грамматический.

В то время как комбинации, репрезентирующие двойную модальность, в целом демонстрируют достаточно высокую степень вариативности, привлечение данных корпусов позволяет выделить доминанты по частотности, к которым относятся сочетания *might could, might can, might would u might should*. Признаками их регулярности в рамках грамматической системы английского языка является то, что все они имеют вопросительную форму, образующуюся с помощью инверсии, и отрицательную форму, образующуюся присоединением отрицательной частицы *not* к одному из модальных глаголов. Отмечается также, что дополнительная интенсификация выражаемых модальных смыслов может достигаться включением в состав предложения модальных наречий.

В отношении функционирования наиболее частотных структур двойного модального сказуемого был сделан ряд наблюдений, касающихся передаваемых ими

дополнительных смысловых нюансов, в том числе, имеющих прагматическое обоснование: смысловые возможности двойной (множественной) модальности зависят от возрастных, гендерных и культурных характеристик говорящего, территориальных параметров, устного / письменного режима общения и т. д.

Поскольку в диахроническом ракурсе частотность двойного модального сказуемого демонстрирует не только стабильность, но и некоторую тенденцию к увеличению, а в синхронном смысле расширяет коммуникативные возможности говорящего, преподаватели грамматического аспекта англоязычной речи имеют реальный шанс повысить эффективность профессионально ориентированного обучения английскому языку, обсуждая с аудиторией комплексы двойной / множественной модальности в качестве контекстно-детерминированных образований, составляющих неотъемлемую часть современного англоязычного полилога. В этом смысле эксперимент, проведенный с обучающимися, стал показательным: современные студенты-лингвисты демонстрируют живой интерес к обсуждению периферийных явлений английской грамматики, что является достаточным поводом для дальнейшей исследовательской деятельности с целью заполнения лакун в знаниях будущих специалистов.

Ключевые слова: модальность; двойная / множественная модальность; модальный глагол; двойное / многочленное модальное сказуемое; корпус; нормативный (стандартный) английский; ошибка.

M. A. Salkova, O. A. Machina

Salkova M. A., PhD (Philology), Assoc. Prof.,
Head of Department of Grammar and History of English,
Faculty of English, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Machina O. A., PhD (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof.
at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of English, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ru

DOUBLE MODALITY AND CORPUS-BASED ANALYSIS: ACTUALIZATION OF TEACHING MODERN ENGLISH GRAMMAR

The article considers some low-frequency phenomena of Standard English, the so-called double modality and double / multiple modal predicate (*probably should, might can / could*, etc.), that nevertheless exist, develop and are accepted by many modern English-language speakers. Curiously enough, double / multiple modals have been placed as usage mistakes and condemned as obsolete only recently; alternatively, they used to appear in the descriptions of dialects and creole languages.

In a professional perspective, numerous cross-cultural and cross-linguistic contacts as well as the development of Global English that makes the reality of today, attach importance to the general humanitarian values, tolerance and generous contacts between peoples, thus processing new scientific findings. For a linguist, these processes bring about changes in the language taxonomy, enrichment of language units with subtle cultural connotations and cross-cultural loads. Inevitably, what calls

for attention is the structures focusing on man's attitude to speech, the consequence being actualization of teaching foreign languages at all levels.

While double modals tend to display combinability variation, corpus data bases suggest that the most frequent combinations be *might could, might can, might would* and *might should*. Their systematic status is supported by the presence of the interrogative form built with inversion, and negation built with the help of the particle NOT thus meeting the requirements of grammar. Additional shades of modal meanings may be intensified by modal adverbials included in the sentence.

The more frequently used structures have been analyzed to discover some pragmatically determined nuances; these prove to depend on such characteristics of speakers as age, gender, cultural preferences, territory, oral or written mode of communication etc.

Since in a diachronic perspective double / multiple modals show a mild tendency towards growing frequency, while synchronously they add to communication making it more expressive, teachers of grammar may can make classroom treatment of modality more effective. Double / multiple modals introduced in the extracurricular discussions of professional linguists are sure to expand context-of-language-in-use awareness that is one of the teaching objectives. Analysis of the experiment carried out by the authors makes it clear that modern students are very much interested in the tendencies of evolving English and motivates further research into peripheral but no less important elements that should become an integral part of a linguist's professional knowledge.

Key words: modality; double / multiple modality; modal verb; double / multiple modal predicate; corpus; Standard English; usage mistake.

Введение

Прогнозирование, выявление и коррекция ошибок является одним из ключевых умений компетентного преподавателя, в том числе преподавателя иностранного языка. Однако в нашем случае вопрос о том, что считать ошибкой, не столь однозначен, как это может показаться на первый взгляд. Действительно, если считать ошибочным любое употребление языковой единицы, выходящее за рамки, например, нормативного (стандартного) английского языка, в определенный момент мы столкнемся с явлениями, не описанными в нормативных грамматиках (или даже запрещаемыми ими), которые, тем не менее, с той или иной степенью регулярности используются носителями языка, и которым приписывается определенное значение. Следовательно, отношение к подобным формам и их идентификация как ошибочных в значительной мере зависит от лингвистического опыта обучающихся и должно основываться на определенной градации и детализации,

связанной с разновидностями компетенций, которые формируются в ходе приобретения профессионального знания.

Проблематика нашей статьи затрагивает не только интересы профессиональной педагогической практики, но и основывается на фактах объективной реальности сегодняшнего дня: мы имеем дело с параллельным и, безусловно, *взаимопроникающим* существованием двух вариантов английского языка: стандартного английского (во всем богатстве его функциональных и региональных вариантов) – Standard English – и международного / глобального английского – Global English – с которым, вероятнее всего, предстоит иметь дело большинству обучающихся, и проблема даже не в том, что последний может немного отличаться от первого, а в том, что их механизмы и скорость происходящих изменений сегодня не совпадают. Проявлением этого может послужить тот факт, некоторые языковые единицы из разряда «ошибок» в стандартном английском переходят в расширяющийся класс вполне допустимых и работоспособных комбинаций в глобальном английском языке. Так, высокая степень толерантности уже сформирована по отношению к употреблению формального согласования в высокочастотных конструкциях с глаголом BE, где приоритетом пользуется форма глагола третьего лица единственного числа настоящего и прошедшего времени индикатива, например: *There's a few slices of pizza in the fridge* (*www.redlinels.com/theres-with-plural-nouns/*) или *Where's my keys?* (*blog.oxforddictionaries.com/2012/11/21/subject-and-verb-agreement/*); использование неодушевленных существительных в форме родительного падежа (*the dress's blue colour*), устранение предлога в сочетаниях, описывающих локальное положение «вне какого-либо замкнутого пространства» типа *out the window* / *room* / *door* / *car* и т. д.

К областям развития английского языка, чутко реагирующим на изменения в социуме, безусловно, относится модальность – наиболее антропоцентричная и поэтому многомерная, многоплановая и востребованная составляющая дискурсивной практики человека. Об этом и пойдет речь ниже.

Методология

Двойное / многочленное модальное сказуемое (double / multiple modals) – одна из реализаций множественной модальности. Последняя

представляет собой выразительный феномен, проявляющийся в параллельном использовании различных средств выражения модальности в одной синтаксической конструкции, чаще всего это могут быть сочетания модальных глаголов и модальных наречий типа *probably, possibly, maybe* и т. д., а также их комбинации с модальными выражениями, такими как *I think, I wonder, no doubt, to be sure*, например:

a. Then I *should probably* go into the V.I.P. room.

b. *Maybe* we *should* start doing all that stuff.1

Двойное / многочленное модальное сказуемое образуется комбинацией последовательностей модальных глаголов, сопровождаемой смысловым глаголом в форме инфинитива. Данная конструкция не представлена в традиционных грамматиках, поскольку считается ошибочной или не существующей в современном стандартном английском языке [Greenbaum 1996]. В то же время в сетевой коммуникации (в Интернете) имеется большой объем примеров этой структуры, взятых из реальной коммуникативной практики, и их обсуждений. Речь может идти как о достаточно серьезных университетских проектах, связанных с изучением региональной языковой вариативности (MultiMo – проект университета Южной Каролины, Yale Grammatical Diversity Project), отдельных лингвистических исследований (J. D. Hasty, M. Montgomery, E. L. Battistella и др.), так и частных вопросах носителей английского языка относительно сочетания двух или более модальных глаголов в единой фразе. Не пересказывая всей дискуссии, ограничимся следующими тезисами: 1) в настоящее время статус данной конструкции в стандартном варианте английского языка Британских островов определяется как периферийный; 2) использование нескольких модальных глаголов подряд является характерной чертой языка носителей некоторых региональных диалектов американского (юг, юго-восток) и британского (север, Шотландия) английского.

Не любое сочетание модальных глаголов может функционировать в качестве многочленного модального сказуемого – набор допустимых комбинаций достаточно ограничен (что привело некоторых исследователей к выводу о идиоматическом характере данной конструкции).

[1] Оба примера заимствованы из сериала *How I Met Your Mother* и любезно предоставлены выпускницей кафедры М. А. Лихачевой (2017).

Различные источники [Battistella 1995; Hasty 2012; Novich i Moré 2016] отмечают следующие комбинации:

might could	must can	might should ought to
might can	must could	may might can
might would	may can	might would ought to
might should	may could	
might will	may will	
might ought to	will can	
would could	may should	
would ought to	must have to	
could ought to		
should ought to		

Если нестрого относиться к терминологии и включать в состав многочленного модального сказуемого модальные слова, то состав возможных комбинаций пополнится следующими сочетаниями:

might better	may / might used to
might had better	may / might supposed to
should might better	might should better

Из всего этого списка наиболее употребительными, как в США, так и в Великобритании, по мнению наблюдателей, являются конструкции ***might could***, ***might can***, ***might would*** и ***might should***. Все они имеют вопросительную форму, образующуюся с помощью инверсии, и отрицательную форму, образующуюся присоединением отрицательной частицы *not* к одному из модальных глаголов:

a. *Could* I *might* possibly bother you for a minute?
b. She said she *might wouldn't* mind going with us if we had time to wait. / They *might not could have gone* over the state line to get her.[1]

Возможны также сочетания многочленного модального сказуемого с модальным наречием:

a. *Maybe* we ***might should*** wait till next week.
b. ***Would*** there ***might*** *possibly* be any more of those forms in the office?

Рассмотрев вопрос о статусе многочленного модального сказуемого в современном английском языке, для дальнейшего уточнения его валидности мы использовали корпусные данные. С этой целью

[1] Здесь и далее примеры из базы MultiMo.

мы обратились к корпусам Global Web-Based English (GloWbE) и Corpus of Historical English (COHA). Первый содержит данные из текстов из Интернета с сайтов, зарегистрированных в 20 различных странах, объемом 1,9 млрд слов. Второй включает тексты с 1810 по 2000 гг. (объем 400 млн слов), предоставляя, таким образом, возможность рассмотреть изучаемую единицу в диахронической перспективе. Надо отметить, что источники данных корпусов не пересекаются, так как второй имеет дело, в основном, с художественной литературой различных временны́х периодов, значительно предшествующих появлению Интернета. Поскольку рассматриваемые конструкции нельзя назвать частотными в силу их периферийного статуса, мы сосредоточили свое внимание только на наиболее распространенных из них.

Обсуждение. Результаты

Согласно специальным исследованиям, структуры ***might could***, ***might can***, ***might would*** и ***might should*** чаще всего признаются валидными и продуктивными носителями английского языка на юге и юго-востоке США (по данным Harvard's Dialect Survey (2003)):

В то же время некоторые из вышеперечисленных структур отмечаются на севере Великобритании, что приводит исследователей к выводу о шотландско-ирландском происхождении двойного модального сказуемого. Более ранние источники данной конструкции дискуссионны, кто-то видит в них следы скандинавского влияния [Fennel 1993, цит. по: Novich i Moré 2016]; отмечается также, что конструкция является грамматически корректной и продуктивной в современных

немецком и голландском языках. Причем, как описывают данные структуры сами носители языка, они не совсем равнозначны предлагаемым «стандартным» синонимам, а несут дополнительные смыслы[1] или прагматическую нагрузку[2].

Изучение многочленного модального сказуемого среди носителей южного диалекта американского варианта относительно социолингвистических переменных (возраст, образование и гендер) показало, что данная структура пользуется наибольшей популярностью среди молодых респондентов, вне зависимости от их гендерных и культурных характеристик (около 70%). Респонденты старшего и среднего поколений, признающие данную конструкцию валидной, – в основном, мужчины, не имеющие высшего образования [Hasty 2011], что говорит о ее «низком престиже» среди этих возрастных групп населения США. Что касается молодых «пользователей» двойного модального сказуемого, по их собственному мнению, присутствие в их речи данной конструкции, с одной стороны, идентифицирует их как носителей южного американского английского и, с другой – как было упомянуто выше, позволяет выразить более тонкие нюансы модального значения высказывания.

---

[1] Автор блога Mr. Verb в посте More on double modals (от 26.11.2007) приводит следующее объяснение:

«Допустим, вашего соседа обвиняют в мелкой краже на работе, и спрашивают ваше мнение, виновен ли он. Вы можете ответить:

1. “Maybe.” (или “Perhaps.”)
2. “Might could be.”

В первом случае оба варианта нейтральны и просто обозначают, что вы допускаете возможность того, что он виновен. Во втором случае ваша оценка более субъективна: вы считаете, что он невиновен либо у него была какая-то серьезная причина совершить этот поступок, которая его оправдывает». – *Перевод авт*.

[2] Так, автор поста Everything You Wanted to Know about Double Modals & Descriptive Grammar (от 26.07.2016) выдвигает предположение, что многочленное модальное сказуемое используется в речи для того, чтобы усилить вежливость высказывания («that good ol’ fashioned southern politeness»), поскольку многие южане чувствуют, что фраза «you should do something» звучит гораздо напористей, чем «you might should do» или даже «might oughta should do that».

Запрос в COHA принес вполне ожидаемый результат: из четырех сочетаний наиболее распространенным является *might could* (36 случаев использования), остальные конструкции встречаются только окказионально (10 случаев использования *might can*, 6 – *might would*, и 3 – *might should*). В основном, двойное модальное сказуемое используется авторами художественных произведений в прямой речи персонажей, видимо, для создания образа южанина-американца, как в следующем примере:

> At first, Walter's face would go slack when Luke acted nice toward him, but in no time he began to buy it. “He’s not so bad,” Walter said. “Me and him ***might could*** be buddies” (*Yarbrough, S. Angel, hold your horses. The Southern Review: Spring 1996:. Vol. 32, Iss. 2; pg. 288, 17 pg*).

Исключение составляет конструкция *might would*, которая используется только в авторской речи, но с той же целью:

> From his Boston days, he had always believed any woman who ***might would*** accept him. He had no doubt now (*Gordon C. None Shall Look Back. Dodd, Mead and Company 1931*).

Эта же конструкция в 2003 г. появилась в статье в журнале US News and World Report в следующем контексте:

> In 1966, as Johnson was preparing to escalate the war, he told aides that America's technological ***might would*** easily overcome what he called a “raggedy-ass little fourth-rate country” (*U.S. News & World Report: 11/13/2006: Vol. 141 Issue 18, p28-35, 5p, 7c TWO TEXANS IN TROUBLE Walsh, K. T.; Brush, S.; Marek, A. C.*).

Однако название статьи TWO TEXANS IN TROUBLE позволяет предположить, что авторы также имитируют диалектные особенности речи южан.

Данные из GloWbE подтвердили основную тенденцию частотности использования: комбинация *might could* (71 случай использования) является более употребительной, чем *might can* (58) и *might should* (32), но в то же время в этом плане сопоставима с *might would* (71). Удивительным оказался тот факт, что примеры с двойным модальным сказуемым фиксируются не только на американских доменах (сайты и блоги), но и в других странах, в том числе, не входящих во «внутренний круг», т. е таких, где английский язык не является родным (терминология Б. Качру, цит. по: Д. Кристал), но имеет

официальный статус второго государственного языка и изучается большинством населения страны. Из стран «внутреннего круга», кроме США, использование двойного модального сказуемого окказионально отмечается в интернет-ресурсах Великобритании, Ирландии, Канады, Австралии и Новой Зеландии, причем не только в личных блогах, но и на официальных сайтах, в том числе новостных агентств, например:

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ – Although Tesco has curtailed its expansion, analysts said its ***might would*** not be diminished, as its store opening plans remained the biggest in the industry (*Tesco's UK profits fall for first time in two decades. The Guardian. www.guardian.co.uk/business/2012/apr/18/tesco-uk-profits-fall-makeover*).

АВСТРАЛИЯ – This would cut off communication and supplies between Australia and the United States, thereby isolating Australia and negating its potential as a supplier of fighting personnel and commodities, and a base from which resurgent American military ***might could*** be applied against Japan? s new possessions. # The Navy, however, advocated either a direct invasion of Australia, or a western advance against India and Ceylon (*The Battle for Australia – Battle of the Coral Sea. www.anzacday.org.au/history/ww2/bfa/coralsea.html*).

ИРЛАНДИЯ – Somebody ***might should*** also look at the current athletic function whilst holding out or perhaps doesn't prefer to skip their particular area team's big video game because they're away from town when they come in the shop (*Arnica Serum – Erase Dim Sectors and also Luggage Within Your own*).

Среди стран, в интернет-ресурсах которых GloWbE обнаружил двойное модальное сказуемое, также находятся государства южной и юго-восточной Азии (Индия, Пакистан, Гонконг, Сингапур, Бангладеш, Малайзия), африканские страны (Нигерия, Замбия, Гана, Танзания), Карибский бассейн (Ямайка).

ФИЛИППИНЫ – On June 28, 2011, the US Senate unanimously passed a resolution condemning the increasing use of force by China against smaller nations in Southeast Asia and affirmed the use of U.S. military **might should** this become necessary (*In a war with China, will the US fight on the side of the Philippines. globalnation.inquirer.net/37743/in-a-war-with-china-will-the-us-fight-on-the-side-of-the-philippines*).

ГОНКОНГ – The cabarets are often unobjectionable spectacles of dance, music and costume for tourists. While the salaries are small much more **might can** be earned from tips given by tourists taking photos (*Why are there so many kathoey in Thailand – The University of Hong Kong http://web.hku.hk/~sjwinter/TransgenderASIA/paper_why_are_there_so_many_kathoey.htm*).

ЯМАЙКА – Gargamel Music quotes Buju as saying: «All the songs on this album were written before I and I found I self in this current situation, yet they all speak profoundly to what I and I am going through right now... You ***might can*** lock the flesh but you can never lock the spirit of Rasta" from JamaicaObserver, 11.10.2010 (*REGGAE EUROPE. reggaeeurope.com/*).

Следующим этапом нашего исследования стала проверка понимания смысла и оценки приемлемости данной конструкции студентами-лингвистами. С этой целью мы предложили им одиннадцать предложений, содержащих двойное / многочленное модальное сказуемое (как валидную[1], так и несуществующую форму) и попросили оценить данные предложений как возможные либо ошибочные. В случае положительного ответа необходимо было объяснить значение предложения (шкала оценки: 1 – totally incorrect, impossible, a grammatical error, 2 – grammatically incorrect but still possible, 3 – totally correct, no error. In case you graded the sentence 2 or 3, explain its meaning in other words). Требовалось оценить следующие предложения (звездочкой помечены однозначно ошибочные):

1. I think he might could do it. I just don't know if he will.
2. *I thought you could might help me.
3. Maybe we might should plan to eat out.
4. You might ought to have the oil changed.
5. They're saying we may shall get some rain.
6. *If it is that close, you must ought to reconsider the issue.
7. They might can break one of us, but they can't break all of us.
8. *You oughtn't should have done it.
9. I can't turn on this computer – you must have to know the password.

[1] Валидные предложения заимствованы из базы MultiMo (кроме № 9 – источник M. Hewings. Advanced Grammar in Use 2005).

10. You'll have to can do it whether you want to or not.
11. I really don't want to cook tonight, but I guess I must needs[1].

Результаты исследования были получены следующие:

1. I think he might could do it. I just don't know if he will.	7	30,43 %	11	47,83 %	5	21,74 %
2. I thought you could might help me*.	15	65,22 %	6	26,09 %	2	8,70 %
3. Maybe we might should plan to eat out.	16	69,57 %	6	26,09 %	1	4,35 %
4. You might ought to have the oil changed.	8	34,78 %	10	43,48 %	5	21,74 %
5. They're saying we may shall get some rain.	15	65,22 %	7	30,43 %	1	4,35 %
6. If it is that close, you must ought to reconsider the issue*.	17	73,91 %	4	17,39 %	2	8,70 %
7. They might can break one of us, but they can't break all of us.	5	21,74 %	12	52,17 %	6	26,09 %
8. You oughtn't should have done it*.	19	82,61 %	4	17,39 %	0	0,00 %
9. I can't turn on this computer – you must have to know the password.	7	30,43 %	12	52,17 %	4	17,39 %
10. You'll have to can do it whether you want to or not.	12	52,17 %	8	34,78 %	3	13,04 %
11. I really don't want to cook tonight, but I guess I must needs.	13	56,52%	3	13,04 %	7	30,43%

[1] Структура этого предложения не имеет отношения к рассматриваемой конструкции, более того, *needs* является наречием, а не модальные глаголом, что очевидно по форме этого слова. Однако данный пример может быть показательным в плане оценки студентами самой возможности сочетания этих слов.

Выводы

Итак, известно, что в ***современном стандартном*** английском языке использование двойного / многочленного модального сказуемого НЕ признается грамматически корректным. Однако обращение к корпусным данным позволяет признать, что целый ряд двойных / многочленных модальных сказуемых действительно может присутствовать в англоязычной речи по всему миру, хотя положение этих структур среди прочих языковых единиц отнюдь не однозначно. Следовательно, можно сделать вывод, что, с позиции носителя английского языка, данные конструкции являются не грамматической ошибкой, а скорее фигурой речи и признаком статуса своего «пользователя», отражением прагматической нагрузки высказывания. В практическом смысле владение ими может оказаться своего рода лингвистическим ключом к организации успешного межкультурного взаимодействия и шире – ведения диалога с представителями поколения Global English, к которым относится современная учебная аудитория.

Поскольку данная статья не претендует на полноту теоретического обзора по проблеме двойной модальности и является в значительной мере прикладным мини-исследованием, мы не будем строить серьезных предположений о причинах появления двойного модального сказуемого в устной / письменной речи и делать свои прогнозы о его будущем. Наша сдержанность основывается, в том числе, и на том, что историческая тенденция частотности использования в случаях с сочетаниями *might can, might would* и *might should* не прослеживается, хотя и наблюдается стабильное увеличение популярности *might could* с середины XX в., а наибольший рост частотности данной конструкции фиксируется с начала 1990-х гг.

Обработка экспериментальных данных позволила заключить, что большинство студентов четко определили неверные модальные сочетания (**could might, *must ought, *oughtn’t should*), но в то же время интерпретировало как некорректный фразеологизм *must needs*. Также многие студенты не признали валидность словосочетаний *might should, may shall* и *have to can*, в то время как *might could, might can* и *might ought* многими были идентифицированы как возможные и даже правильные. Корректное сочетание *must have* не было оценено как таковое примерно 1/3 опрошенных. Что касается значения многочленного модального сказуемого, то в большинстве случаев оно

было интерпретировано верно, иными словами, интуитивно семантика данной конструкции понятна, однако ее прагматический компонент студентам неизвестен, о чем сами студенты в ходе обсуждения сделали соответствующие комментарии.

С учетом результатов проведенной работы мы готовы предположить, что двойное / многочленное модальное сказуемое может быть факультативно рассмотрено в лингвокультурном ракурсе в процессе изучения грамматики в лингвистическом вузе.

По-видимому, с помощью таких аккуратных и выверенных шагов, подкрепленных обращением к корпусам, предоставляющим доступ в ту или иную лингвистическую реальность, современное преподавание иностранных языков в отечественных вузах сможет вовремя присоединиться к общемировым образовательным процессам, где, по мнению Д. Кристала и журналистов газеты Guardian, акцент делается на контекстность грамматических построений, а задача грамматики – обеспечение понимания в наиболее широком и демократичном смысле этого слова [Brown 2014].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Greenbaum S. Oxford English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Mishoe M., Montgomery M. The pragmatics of multiple modal variation in North and South Carolina. American Speech 69. 1994.

Battistella E. L. The Syntax of the Double Modal Construction. URL : journals.lib.unb.ca/index.php/la/article/download/22489/26146

Corpus of Historical American English. URL: http://corpus.byu.edu/coha/

Corpus of Global Web-Based English. URL: http://corpus.byu.edu/glowbe/

English Language and Usage. URL : english.stackexchange.com/questions/3211/is-might-could-a-correct-construct

Brown J. Why grammar lessons should be renamed ‘understanding language’ URL : www.theguardian.com/media/mind-your-language/2014/jul/11/mind-your-language-grammar-day

Hasty D. J. We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English. 2012. URL : msu.edu/~hastyjam/images/Double%20Modal%20Reanalysis.pdf

Hasty D. J. I Might Not Would Say That: A Sociolinguistic Study of Double Modal Acceptance, 2011. URL : repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1197&context=pwpl

Krumholz M. Everything You Wanted to Know About Double Modals & Prescriptive Grammar, 2016. URL : www.blogmutt.com/blog/double-modals-descriptive-grammar

Mr. Verb. URL : mr-verb.blogspot.ru/2007/11/more-on-double-modals.html

MultiMo. The Database of Multiple Modals. URL : artsandsciences.sc.edu/multimo/welcome

Novich i Moré A. Double Modals in the British Isles: Scotland and Northern England, 2016. URL : core.ac.uk/download/pdf/78545842.pdf

Yale Grammatical Diversity Project. English in North America URL : ygdp.yale.edu/phenomena/multiple-modals

УДК 316.776.33

Т. И. Грибанова

доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета ФАЯ МГЛУ; e-mail: tigribanova65@yandex.ru

ХЕДЖИРУЮЩИЕ СРЕДСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ, ПОДХОДЫ И КЛАССИФИКАЦИИ

Данная статья посвящена хеджированию, одному из наиболее противоречивых явлений в современной лингвистике. При наличии общего взгляда на хеджирование как способа смягчения или усиления коммуникативной интенции говорящего, не существует единого понимания того, что представляет собой этот процесс и какие языковые средства используются для его реализации. Статья представляет собой обзор исследований, посвященных изучению данной проблематики и современных подходов к классификации хеджирующих средств.

Ключевые слова: хедж; хеджирующие средства; интенсификация; компенсационные тактики.

T. I. Gribanova

Associate Professor, Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU;
e-mail: tigribanova65@yandex.ru

HEDGES IN ENGLISH: HISTORY, APPROACHES AND CLASSIFICATIONS

The present article discusses hedging, a controversial though pragmatically valuable linguistic phenomenon. Hedges are generally understood as means of either attenuating or reinforcing the communicative message. Linguists provide different definitions of what hedges are, thus applying different labels to the same mitigators. The article is aimed at presenting a survey of approaches to research on hedges in modern linguistics, as well as most accepted ways to classify them.

Key words: hedge; means of hedging; reinforcement; mitigation.

It is common knowledge that while talking we mainly exchange information with our interlocutors. This is one of the main purposes of human communication. At least, this is a traditional view of it. In fact, now it is proved that in the process of interaction we do not only exchange facts and information but also convey interpersonal messages which can be expressed by different grammatical means including hedges.

What do we call a hedge in our everyday life? It is a means of protection or defense which can be formed of shrubs or low-growing trees

which form a fence or boundary serving as a barrier. Applying this term to linguistics we may say that we use our words and phrases just like these shrubs and trees as a kind of protection. But in this case the impact is rather psychological rather than physical.

The notion of "hedge" evolved through the history of linguistic research. Undoubtedly, hedges had appeared straight after people learned to talk, however they became the object of linguistic research only in the second half of the 20th century.

Analyses of the process known as hedging first appeared only in the 1960s. It was explored in different areas: logic, semantics, philosophy and later in pragmatics. Taking this into account, it is necessary to say that in each of these fields, the term "hedging" is defined differently. Today the hedge is mainly viewed as a concept of pragmatics.

U. Weinreich (1966), a Polish-American linguist, dealt in his article "On the Semantic Structure of English" with "metalinguistic operators" (163) which a bit later would be defined as "hedges" by other linguists. He argued that "for every language "metalinguistic operators" such as (in) English *true, real, so-called, strictly speaking*, and (in) German *eigentlich*, and the most powerful extrapolator of all – *like* – function as instructions for the loose or strict interpretation of designata" (1966: 163).

The term "hedge" first appeared in 1972 when it was introduced by G. Lakoff (1972), a famous American cognitive linguist. His studies later became the starting point for many analyses of the topic. In his article "Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts" Lakoff analyzed the usage of hedges and tried to throw some light on their theoretical significance. He believes that hedges are words or expressions which are used to "make things fuzzier or less fuzzy" (1972: 195). He says, "For me, some of the most interesting questions are raised by the study of words whose meaning implicitly involves fuzziness – words whose job it is to make things fuzzier or less fuzzy. I will refer to such words as 'hedges'. (1972: 195). He regarded hedges as lexical items which cannot exist out of context. So, according to Lakoff, context is very important in assigning hedges their meaning. He focused mainly on the pragmatics rather than on the semantic aspects of hedges. The communicative value of the use of hedges did not interest him, as he was mainly concerned with the logical properties of phrases such as *sort of*, *kind of*, *rather*, and *largely* (1972). He believed that hedges were used to attenuate the

meaning of a given expression (1), or, on the contrary, could reinforce its class membership (2). For example,[1]

(1) John is ***sort of*** smart.
That is ***technically*** a bookcase.

(2) He is ***very***, ***very*** smart.
I ***really*** love you.

In his research Lakoff touches upon only one aspect of hedges – *propositional hedging*, capable of affecting the truth value of the proposition. He also gives quite an illustrative example of hedges modifying the degree of the category of membership (1972: 460):

a) A robin is ***sort of*** a bird. [false, no questions it's a bird]
b) A chicken is ***sort of*** a bird. [true, or very close to true]
c) A penguin is ***sort of*** a bird. [true, or close to true]
d) A bat is ***sort of*** a bird. [false, or very close to false]
e) A cow is ***sort of*** a bird. [false]

G. Lakoff's follower L. A. Zadeh (1972) continued investigating hedges in written and oral speech from the point of view of their semantics and logic. In his article "Fuzzy-Set – Theoretic Interpretation of Linguistic Hedges" (1972) he proves that hedges are contextually dependent and cannot exist out of context.

Later a new term *hedged performative* was introduced by B. Fraser (1975). The term was applied to combinations of different modal verbs with certain verbs such as *apologize, request, promise*. These structures were considered a means of in softening the illocutionary force of the utterance.

e.g. I ***must request*** that you sit down
I ***should apologize*** for running over your cat.
I ***can promise*** I will never again smoke grass.

A few years later the focus in researching hedges shifted to their pragmatics. Trying to shed some light on the notion of hedges from the point of view of politeness P. Brown and S. C. Levinson (1978) first introduced the term "face threatening acts"[2] and developed strategies of

[1] The examples are obtained from B. Fraser's scientific research "Pragmatic competence: the use of hedging" (2010: 17) , they represent the BNC, texts, papers, everyday conversations, etc.

[2] Term "face" – Goffman (1955: 338).

positive politeness, in other words strategies that are intended to avoid giving offense by highlighting friendliness. Hedges became part of their methods intended to "save face", due to their ability to soften and reinforce a particular expression.

In the early 80s the investigation in hedging continued. Prince, Bosk & Frader (1982) conducted research among doctors working in a pediatric intensive care unit. As a result, they divided all hedges into two groups: "approximators" and "shields" according to the speaker's commitment to the truth of the proposition.

Hübler (1983) in his book "Understatements and Hedges in English" compared such notions as "hedges" and "understatement".

Caffi (1999, 2007) looked into *mitigation* – lessening the intensity or force of something unpleasant or attenuation of unfortunate effects on the hearer (Fraser, 1980) and introduces his own division of mitigating mechanisms. There are three of them: *bushes, hedges and shields*.

Since the 1980s linguists have been very much interested in the properties of the individual hedges and begun to explore the use of hedges within different areas and genres such as political talk and scientific discourse research articles, language learners' speech, courtroom discourse, medical discourse, mathematics, etc. The use of hedges will depend on the genre to a large extent.

Linguists of all times provided a large number of definitions which are sometimes controversial. That is why sometimes it is quite difficult to understand the process of hedging.

As it was mentioned earlier, the term "hedge" in linguistics was introduced by G. Lakoff who defined these phenomena as expressions to make things "fuzzier or less fuzzy" (1972: 195). That was the first definition of hedges in linguistics. Lakoff's approach later was criticized by various linguists. For example, Lewin (1998) believed that Lakoff (1972) viewed hedges as a definite range of utterances which can be added to lexical and grammatical devices to distort the truth of the utterance. Lewin argues that "natural language concepts have vague boundaries and fuzzy edges… and consequently, natural language sentences will very often be neither true, nor false, but rather true to a certain extent and false to a certain extent" (Lewin 1998: 90).

Numerous dictionaries provide the following definitions of hedging and, hence, hedges:

Longman Dictionary of Contemporary English (1987: 488) defines the term "hedge" as something that "gives protection" while the verb "to hedge" as a means which is used to "to refuse to answer directly";

Collins English Online Dictionary (1997: 365) claims that "to hedge" is "to evade decision or action, especially by making noncommittal statements" while the noun "hedge" is defined as "a cautious or evasive statement";

The Dictionary of Stylistics (Wales, 1989) defines the process of "hedging" as "qualification and toning-down of utterances and statements in order to reduce the riskiness of what one says" (215). This dictionary mainly refers to the semantic origin of "hedging" and regards it as a part of the speech act theory.

It is also worth mentioning that today's hedges are regarded in a slightly different way from whom they used to be treated even a century ago. Though many linguists including Lakoff (1972), Prince, Frader, Bosk (1982) focus on both the reinforcement and attenuation aspects of hedges, it is worth mentioning that now reinforcement as a function of hedging is often laid aside. In the sentences below the words *certainly* or *extremely* are not considered as instances of hedging and have their own sphere of usage being generally called "intensifiers".

e.g. I ***certainly*** do insist that you sit down. He is ***extremely*** tall.

The reason for this is probably the fact that hedges are capable of reducing the force of a statement while intensifiers, on the contrary, tend to increase it. Wright and Hosman (1983) studied the interactive effects of intensifiers and hedges in speech and came to conclusion that hedges have an influence on perceptions of attractiveness and credibility, but intensifiers do not. This is, probably, the main difference between these two notions.

It is also very important to bear in mind the fact that not all expressions such as *sort of*, *I think*, *in a way* and all others should be always regarded as hedges in any sentence. It often happens that they are employed in their literal meaning. B. Fraser (2010) gives examples to clarify this difference:

e.g. I will be coming in **a few** minutes.
I think that politics is sleazy.
Can you see the deer over here?

I appreciate that **kind of** help.
Blair and I were able to talk **in a way** that reduced ambiguity.

I always admired the fact that a person who was **relatively** comfortable in life would be willing to help the less fortunate.

In other words, it is crucial to tell free word expressions used in their direct meaning from cases of hedging which is based on context and the situation where they are employed.

The complexity of the notion and the variety of approaches to its study bring about a number of hedges classifications.

Prince, Bosk and Frader (1982) classify hedges into two main groups: *approximators* and *shields*.

In this classification approximators reflect G.Lakoff's (1972) definition of hedges as words and expressions making the propositional context fuzzy and affecting the truth conditions of a given proposition. However, for Prince and al. (1982) this devision seems to general to cover all the instances of hedging. They elaborate on the following subtypes of the linguistic phenomenon in question: approximators then fall into *adaptors* and *rounders,* while shields can be either *plausibility* or *attribution*.

Adaptors are preferred when the speaker talks about less representative members of a category. Typical examples of adaptors are "sort of", "kind of", "somewhat", "a little bit", etc.

e.g. He also has a ***somewhat*** low interior larynx.
She noticed that he was ***a little bit*** blue.
I wasn't really aware of who he was, he was just ***a kind of*** mate.

Rounders, on the contrary, are used quite frequently when we talk about measurements whose reference to a precise term is not relevant. To rounders belong "almost", "about", "approximately", "something between".

e.g. His weight was ***approximately*** 3.2 kilograms.
The baby's blood pressure was ***something between*** forty and fifty.
Done in a sympathetic way, a loft conversion can blend in ***almost*** anywhere.
A gamma spectrometer cannot be used because a hole ***about*** 5 cm in diameter is required for the probe.

As for shields, they, unlike approximators, do not affect the truth conditions of a proposition. They can be of two types. *Plausibility shields* are used when the speaker expresses different degrees of uncertainty as

in phrases “I believe, perhaps”, “I think, probably”, “as far as I can tell you”, etc.

e.g. ***I think*** we can just slow him down to a little over maintenance.
As far as I can tell you, you do not have anything to lose by taking this path.
Now ***I believe*** things are starting to change.

Attribution shields are used when everything the speaker says is acquired via information received from other people that one cannot adequately substantiate. For example,

e.g. He was not very ill, ***according to her estimates***.
There was no reason to worry, ***as far as anyone knew***.

Prince and al. (1982) believe that shields affect the degree of the speaker’s commitment, the speaker being hedged, while due to approximators we hedge the proposition itself.

Later on Prince and al.’s classification (1982) was often criticized. Other linguists (Skelton, 1988) claimed that this distinction of hedges into approximators and shields could be applied only to theoretical part but they believed it has nothing to do with authentic language use. Thus, Skelton (1988) believes that approximators could easily function as shields. As an example he uses a phrase “It’s made of something like rock”. He claims that “something like” here is an approximator as it makes the context fuzzier. But if we use “I suspect” in the same context, it will be regarded as a shield. On the whole, shields are more frequent in speech and can extend over more than one sentence.

Hubler (1983) suggests another classification which is in some respects similar to Prince, Frader and Rask’s (1982). He divides words and expressions into two main groups: *hedges* and *understatements*. He argues that they both express a lack of determination and at the same time points out that there are two kinds of indetermination: *phrastic* and *neustic*. The former deals with the propositional content of the sentence, while the latter pertains to the validity of the proposition made by the speaker. So, in other words, understatements deal with phrastic indetermination and hedges are expressions of neustic indetermination, thus the sentence “It’s a bit cold in here” will be described as an understatement while “It is cold in Alaska, I suppose” will definitely be a hedge. (Markhanner & Schroder: 1997). Comparing Hubler’s classification (1983) with the classification given by

Prince, Frader &Rask (1982) we may conclude that their approximators were used as Hubler's understatements while shields as hedges. So two these opinions overlap and have a lot of common features.

F. Salager-Meyer (1995), a famous French linguist who has published several articles on linguistic, rhetorical and discourse analysis, draws taxonomy of hedges including word classes which can be used as hedging devices. They are as follows (1995):

1) *Shields*: can, could, may, might, would, to appear, to seem, probably, to suggest.
2) *Approximators of degree*, *quantity, frequency and time:* approximately, roughly, about, often, occasionally, etc.
3) *Hedges expressing authors' personal doubt and direct involvement:* I believe, to our knowledge, it is our view that ...
4) *Emotionally-charged intensifiers:* extremely difficult/interesting, of particular importance, unexpectedly, surprisingly, etc.
5) *Compound hedges:* could be suggested, would seem likely, would seem somewhat.

Salagan-Meyer's theory (1995) not only classified hedges into several groups, she aso tried to analyze the frequency of their occurrence and distribution in different genres. Her findings suggest that case reports and research papers contain fewer hedges than editorials and reviews where the passive voice as one of hedging devices is more frequent.

C. Swee and H. Tan (2002) elaborate on their own analysis of the types of hedges based mostly on Salagan-Meyer's theory. According to their linguistic investigation all hedges can be grouped into[1]: *adverbials (a), epistemic verbs such as suggest, seem, appear (b), modal verbs (may, can, would, etc.)(c), cognition Verbs like believe, suppose, think, surmise (d), hypothetical constructions (if-clauses + adjectives, adverbs, nouns expressing modality) (e), anticipatory it- clause and there is/are(f):*

e.g. a) The length of the metal bar was ***approximately*** 22 cm.
Generally, girls are more eloquent speakers compared to boys.
His views on the matter were ***quite*** well received.

C. Swee and H. Tan comment (2002) on the position of these hedges in the sentence. They say that some adverbials may be placed after the verb

[1] The examples are given in Chan Swee and Heng-Helen's article available on the site *www.melta.org.my/ET/2002/wp09.htm*

(*approximately*), whereas others usually modify an adjective or even the whole idea expressed in the sentence (for example, the adverb *generally*).

e.g. b) The graph ***suggests*** that there was a dip in the sale of Proton Saga cars between the months of January to March.

It ***seems*** that the football team manager will be replaced soon.

The new regulations ***appear*** to safeguard the interests of women, but they do not.

e.g. c) Gases ***may*** be changed into liquids.

It ***would*** be inappropriate to discuss the matter with your colleagues.

According to C. Swee and H. Tan modal verbs have different usage and hence differently express the strength of the claim made by the speaker. This is quite obvious because they all carry out different functions in speech.

e.g. d) I ***believe*** that we need to further explore the causes behind child abuse.

I ***surmise*** that there is a need for a more intensive English language programmes.

I ***think*** it is not a sound method for increasing productivity.

e.g. e) ***If*** we agree on the report, then it can be handed up now.

Unless we attend to it now, we will not get the target results.

The machine could ***possibly*** be repaired for RM500.

e.g. f) ***It is likely*** that the experiment will stretch on for another hour.

There is a tendency to underdeclare the amount of taxes to be paid.

With English becoming more important, ***it is probable*** that more students will take the subject seriously.

Crompton (1997) suggests another typology dividing hedges into the following types:

– copulas other than be (*e.g.* The result appears to be that…);
– lexical verbs (*e.g.* The result suggests that…);
– modal verbs (*e.g.* The result might be that…);
– probability adverbs (*e.g.* The result possibly is that…);
– probability adjectives (*e.g.* It is possible that the result…); (Crompton 1997: 280).

Thus, we can conclude that the linguistic phenomenon of hedging is a controversial but most interesting linguistic issue, contributing to investigating the processes of mitigation, face saving and effective interaction at large.

REFERENCES

Brown, P. and Levinson, S. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.

Caffi C. On mitigation. Journal of pragmatics. 1999. No 31. P. 881–909.

Caffi C. Mitigation. Amsterdam : Elsevier, 2007.

Chan Swee Heng and Helen Tan. Making claims and the use of hedges. 2009. Universiti Putra Malaysia. URL : www.melta.org.my/ET/2002/wp09.htm

Crompton P. Hedging in Academic writing: Some theoretical problems. English for Specific Purposes. 1997. Vol. 16, No. 4. P. 271–287.

Fraser B. Pragmatic competence: The case of hedging // Studies in Pragmatics 9. New approaches to hedging / ed. by G. Kaltenbock, W. Mihatsch, S. Schneider. 2010. P. 15–34.

Hübler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam : John Benjamins, 1983. 192 p.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts, Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1972. P. 183–228. Reprinted in: Journal of Philosophical Logic. 1973. 2:4. P. 458–508.

Lewin B. A. Hedging: Form and function in scientific research. – 1998.

Prince E., Bosk C. and Frader J. On Hedging in Physician-Physician Discourse // di Pietro, J. (ed.): Linguistics and the Professions. Norwood / New Jersey : Ablex, 1982. P. 83–97.

Salager-Meyer F. Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. English for Specific Purposes. 1994. 13(2). P. 149–171.

Skelton J. The care and maintenance of hedges // ELT Journal. 1988.Vol. 42(1). P. 37–43.

Wales K. A dictionary of stylistics. Pearson Education, 2001. 429 p.

Weinreich U. On the Semantic Structure of English // Greenberg J. H. (ed.): Universals of Language. Second Ed. Cambridge / Mass. : MIT Press, 1966. P. 142–217.

Wright J. W. & Hosman L. A. Language style and sex bias in the courtroom: The effects of male and female use of hedges and intensifiers on impression formation. Southern Speech Communication Journal. 1983. Vol. 48. P. 137–152.

Zadeh L. A. Fuzzy-Set – Theoretic Interpretation of Linguistic Hedges // Journal of Cybernetics. 1972. Vol. 2(3). P. 4–34.

УДК 81-112

В. Б. Анисимова

аспирант каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: anisimovamslu@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ОТНОШЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются методы исследования, применимые в сфере диахронической концептологии с целью реконструкции исторических изменений в структуре языковых концептов. Предложено сочетание методов на стыке функционализма и когнитивизма: метод функционально-семантического анализа и метод гештальт-анализа. В работе также рассматривается понятие концепта в целом и языкового концепта, в частности. За основу берется лингвокогнитивное понимание концепта. В результате дается определение языкового концепта «отношение», который в целях исследования подразделяется на субконцепты: отношение действия к предмету и отношение предмета к предмету.

Сочетание методов, предложенное в статье, применяется для исследования диахронных преобразований в структуре языкового концепта «отношение» в английском языке с позднедревнеанглийского по классический новоанглийский период. На материале девяти письменных источников, относящихся к пяти исследуемым периодам (позднедревнеанглийский, раннесреднеанглийский, классический среднеанглийский, ранненовоанглийский, классический новоанглийский) составляется корпус репрезентантов концепта «отношение» (основными репрезентантами субконцепта «отношение предмета к предмету» являются субстантивные сочетания, а субконцепта «отношение действия к предмету» – глагольно-объектные структуры), проводятся функционально-семантический анализ и гештальт-анализ.

В результате анализа выявляется набор семантических и гештальт-функций, составляющих содержание концепта «отношение»; реконструируется структура концепта «отношение» для каждого из пяти исследуемых периодов; устанавливаются прототипические компоненты содержания концепта и его субконцептов. После этого проводится сопоставление полученных данных по всем пяти периодам и определяются ключевые тенденции исторических преобразований концепта «отношение». Делаются выводы о том, какие именно изменения в большей степени влияют на структуру концепта.

Ключевые слова: концепт «отношение»; гештальт-функция; семантическая функция; гештальт-анализ; функционально-семантический анализ; диахронические изменения; языковые концепты.

V. B. Anisimova

Post-graduate student, Chair of Grammar and History of English,
English Department, MSLU; e-mail: anisimovamslu@gmail.com

FUNCTIONAL AND COGNITVE REPRESENTATON OF THE CONCEPT 'RELATION' IN ENGLISH

The article discusses methods of research in diachronic conceptology aimed at reconstructing historical transformations in the structure of linguistic concepts. Blending together the functional and the cognitive approach, we suggest employing a combination of two methods, namely, functional semantic analysis and gestalt analysis. The article also investigates into the notion of concept in general and linguistic concept in particular, adopting the cognitive linguistic approach to the issue. Based on the above, a definition is given to the linguistic concept 'relation' which, for the purposes of the present research, is subdivided into two subconcepts: the Action-Object relation and the Object-Object relation.

The suggested combination of methods is applied to a study of diachronic transformations of the concept 'Relation' in the English language over five historical periods from Late Old English to Classical New English. Using written records belonging to Late Old English, Early Middle English, Classical Middle English, Early New English, and Classical New English, the author created a corpus of noun and verb-noun phrases representing the Object-Object and the Acton-Object subconcepts of the concept 'relation'. Functional semantic analysis and gestalt analysis are carried out.

As a result of the analysis, the author reveals a set of semantic functions and gestalt functions that form the content of the concept 'relation'; reconstructs the structure of the concept for each of the five periods under analysis; determines the prototypical content components for the concept and its subconcepts. The data for all the periods are compared and the most prominent trends of diachronic changes within the concept are revealed. Conclusions are made cocerning the strongest changes that shape the structure of the concept.

Key words: concept 'relation'; gestalt function; semantic function; gestalt analysis; functional semantic analysis; diachronic changes; linguistic concepts.

Введение

Понятие концепта. Концепт «отношение»

Предлагаемое исследование выполнено в русле диахронической концептологии, которая является относительно новым и недостаточно разработанным направлением когнитивной лингвистики. Предмет диахронической концептологии в широком плане – это установление когнитивных оснований структурирования и категоризации действительности лингвистическим сообществом в определенный

исторический период [Кузнецов 2007]. По мнению ведущих когнитологов, в частности И. С. Шевченко, «диахронический пласт бытия концепта, способный дать более полное представление о его содержании и структуре, остается пока намеченным и нуждается в разработке. Диахронический подход в когнитивной лингвистике удовлетворяет назревшую потребность в расширении на область диахронии превалирующих сегодня синхронных исследований концептуализации и категоризации»[1]. Вместе с тем актуальной задачей диахронической концептологии признается разработка собственной методологии – совокупности приемов и методов исследования.

В качестве основных методов данного исследования рассматриваются функционально-грамматическое описание и гештальт-анализ.

Прежде чем перейти к описанию методологии функционально-семантического и гештальт-анализа, обратим внимание на следующие положения относительно статуса и содержания понятия «концепт» в современной лингвистике:

1. В современной лингвистике нет единого понимания концепта, что является следствием многоаспектности этого явления (Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Бабушкин 1996; Ляпин 1997; Попова, Стернин 1990, 2002; Болдырев 2001, 2004; Карасик 2002; Кубрякова 2002, 2004; Никитин 2004 и др.).

2. С лингвокогнитивной точки зрения концепт – это оперативная содержательная единица концептуального уровня (концептуальной системы), или концептуальной картины мира, и как таковая отражает результаты познавательной деятельности человека в виде определенных идеальных и абстрактных единиц. Именно такое понимание концепта разрабатывается в когнитивно-дискурсивной парадигме отечественной лингвистки (Кубрякова 1997, 2004; Беляевская 2000; Болдырев 2001; Ирисханова 2004; Фурс 2004; Беседина 2006).

3. Хотя концепт по своей природе является невербальным образованием, получить доступ к его содержанию возможно только посредством языка. Вместе с тем ни один из концептов не находит свою языковую объективацию полностью, *вербализуется не весь концепт*, а лишь его часть: лексически (через словарные толкования и контексты употребления слов), фразеологически, грамматически (словосочетаниями, предложениями, грамматическими категориями и формами)

[1] Цит. по: [Кузнецов 2007, с. 26].

или целыми текстами. Кроме того, в объективации концепта, как правило, задействованы средства не одного, а *нескольких уровней.*

4. Содержание концепта отличается *динамичностью*, что проявляется как в появлении новых значимых признаков, которые обогащают структуру концепта, так и в исчезновении ранее существовавших признаков, что также ведет к изменениям в его структуре.

5. Концепт многоаспектен, поэтому моделирование его структуры носит, как правило, условный характер. Структура концепта в зависимости от типа и цели исследования моделируется по-разному. Многомерность концепта обусловлена структурой действительности, в ней могут присутствовать несколько качественно отличных составляющих.

Концептуальный анализ заключается в выявлении специфичных для конкретного языка концептуальных оснований, на которых базируется семантическое содержание языковой формы.

6. Концептуальная система включает в себя всё многообразие концептов: в нее входят как концепты естественных объектов, так и собственно *языковые концепты.* В процессе лексической концептуализации формируются структуры внеязыковых знаний о естественных объектах, явлениях, их характеристиках, о различных концептуальных областях. В процессе синтаксической и морфологической концептуализации формируются структуры языковых знаний. Это наиболее обобщенные, максимально абстрагированные смыслы, репрезентируемые пропозициями / предложениями и морфологическими категориями и формами. Различаются *морфологически и синтаксически репрезентируемые концепты.*

7. Внутри самоорганизующейся концептуальной системы концепты связаны разными взаимоотношениями, что приводит к видоизменению концептов, их модификации и интеграции. Таким образом, концепт – это и *единица знания, и структура знания*, выраженная в языковых формах. Из этого положения следует, что грамматически репрезентируемые концепты – это, с одной стороны, определенные *единицы категориальной части концептуального уровня*, репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм и синтаксических структур, а с другой – это *концепты, лежащие в основе формирования собственно морфологических и синтаксических категорий* и реализующиеся в виде конкретных грамматических смыслов.

8. Содержание грамматически репрезентируемых концептов составляют стабильные элементы смысла, которые кодируются с помощью грамматических показателей. Такого рода концепты обеспечивают стабильность концептуальной системы. Однако стабильность имеет относительный характер, так как зависит от особенностей человеческого знания. Изменчивость и динамичность грамматически репрезентируемых концептов связаны с возможными *изменениями в содержании грамматических форм*, что обеспечивается условиями дискурса или *некоторыми факторами исторического развития языка.*

9. Грамматически репрезентируемые концепты, ориентированные на систему языка, оказываются элементами, которые формируют концептуальное пространство морфологии и отражают наиболее существенные аспекты концептуальной картины мира, без которых невозможно мышление о мире и формирование самой картины мира. Соответственно, их содержание характеризуется понятийной абстрактностью. В языке это проявляется в обобщенном характере соответствующих грамматических смыслов, передаваемых грамматическими формами. Иными словами, грамматически репрезентируемый концепт сам по себе представляет *гештальт*. Гештальтность состоит в максимально обобщенных и абстрагированных концептуальных характеристиках, составляющих его содержание [Сорокина 2012, с. 10–12].

10. Общие закономерности представления в языке концептуального содержания отражают несколько этапов концептуализации:

а) первоначально концепты как единицы знания или единицы концептуальной системы существуют в нашем сознании в виде целостных, гештальтных единиц, не структурированных до своей вербализации [Кубрякова, Демьянков 2007];

б) в процессе вербализации концепта (или его части) активизируется множество характеристик концепта или смыслов разной степени абстракции. Эти характеристики составляют содержание концепта и репрезентируются с помощью разноуровневых средств (лексически, морфологически, синтаксически и т. п.);

в) далее происходит уточнение и конкретизация обобщенных смыслов на уровне предложения / высказывания при участии дополнительных лингвистических факторов, а именно, формирование конкретных лексико-грамматических

смыслов. К числу дополнительных лингвистических факторов относятся лексическая семантика (семантический фактор), структура предложения / высказывания (синтаксический фактор), ближайший лингвистический контекст (контекстуальный фактор).

Поскольку грамматика связана с лексикой, а морфология – с синтаксисом, т. е. эти уровни не существуют автономно, концептуальные характеристики, как правило, получают репрезентацию на различных языковых уровнях. Так, один и тот же признак может репрезентироваться на разных уровнях с помощью различных средств, и одно и то же языковое средство может репрезентировать одновременно несколько концептуальных признаков.

Вышеизложенные положения имеют два следствия, важных для настоящего исследования:

1) концептуальные характеристики, формирующие содержание концепта и конкретизируемые на третьем этапе концептуализации как лексико-грамматические смыслы (в нашем случае, семантические функции (СФ)) могут репрезентироваться на трех уровнях – лексическом, морфологическом и синтаксическом;

2) поскольку получить доступ к содержанию концепта возможно только посредством языка, реконструкция концепта может пройти этапы концептуализации как бы в обратном порядке: от конкретных лексико-грамматических смыслов (семантических функций) – к обобщенным смыслам (концептуальным характеристикам) – от них к самому вербализованному концепту [Сорокина 2012, с. 10].

Исходя из представленных выше теоретических посылок, содержание концепта «отношение» составляют *максимально обобщенные, абстрагированные*, смыслы (концептуальные характеристики, или компоненты концепта), которые представляют собой результат объединения и обобщения семантических функций (СФ), выделенных путем функционально-семантического анализа (т. е. результат обобщения конкретных лексико-грамматических смыслов).

Структурно концепт «отношение» в целях настоящего исследования делится на два субконцепта – субконцепт «отношение действия к предмету» (Д–П) и субконцепт «отношение предмета к предмету» (П–П). Данные субконцепты могут различаться набором компонентов, их наполнением и реализацией.

Основными репрезентантами субконцепта «отношение предмета к предмету» являются субстантивные сочетания, а субконцепта «отношение действия к предмету» – глагольно-объектные структуры.

Концепт «отношение» в силу максимальной обобщенности и абстрактности составляющих его концептуальных характеристик (компонентов) представляет собой гештальт и как таковой может быть подвергнут гештальт-анализу.

В итоге, применительно к данному исследованию, концепт «отношение» может быть охарактеризован как *языковой, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт, как единица языкового знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире* [Сорокина 2013, с. 10].

Историко-грамматические исследования [Историко-типологическая морфология германских языков 1977], описывая изменения падежной системы германских языков и английского языка в частности, представляют категорию падежа как морфологическую категорию, как микросистему, реализующую синтаксические потенции существительного (способы выражения субъектно-объектных отношений, способы выражения глагольно-объектных, глагольно-обстоятельственных, атрибутивных связей и т. п.), что предполагает связь этой категории с синтаксической организацией предложения или, иными словами, экстраполирует способы передачи падежных отношений на уровень синтаксиса. При этом отмечается, что глубокие изменения, происходившие в системе склонения существительного на протяжении истории германских языков, касались как формальной структуры именной парадигмы, так и смысловой структуры и содержания падежных отношений. Исследование показало, что эти исторические изменения отразились прежде всего на функциональной семантике репрезентантов субконцептов концепта «отношение».

Методология

А. Функционально-семантический анализ

Напомним, что функционально-семантический подход предполагает, что: 1. СФ есть реально существующий аспект языкового семантического содержания и 2. СФ реализуются в высказывании разными языковыми средствами, в том числе грамматическими средствами.

Критерии выделения СФ следующие:

1. СФ, которые лежат в основе функционально-грамматического описания, извлекаются из значений языковых средств, выступающих в высказываниях. В частности, подобные смыслы могут вычленяться в результате сопоставления разных высказываний (текстов), характеризующихся различиями их языкового содержания, но общностью некоторых инвариантных содержательных элементов.

2. СФ должны иметь грамматическое формальное выражение (наряду с возможным неграмматическим).

3. СФ – это наиболее обобщенные смыслы, не сводимые к индивидуальным значениям отдельных лексических единиц, т. е. смыслы, соответствующие той степени абстрактности, которая характерна для грамматической семантики. Это те смыслы, которые находят воплощение в значениях грамматических форм, в служебных (грамматических) словах, в специальных типах синтаксических конструкций или в значениях лексико-грамматических разрядов слов [Бондарко 1983, с. 51–52].

Все эти критерии учитывались нами при выделении падежных отношений, они же позволяют представить отношения П-П и Д-П как семантические функции (СФ).

Б. Гештальт-анализ

Гештальт занимает особое место в инструментарии когнитивного подхода. Хотя это понятие активно используется, оно не получило единой трактовки. Сам термин «гештальт» заимствован из нейропсихологии. Наиболее общее определение таково: гештальты – это интегрированные и единые концептуальные структуры с широким значением, не образующиеся путем простого сложения информации о их составляющих. Признается, что любому образу мира, неважно, простому или сложному, сознание способно поставить в соответствие целостный феномен, называемый гештальтом этого образа [Чесноков 2009]. Абсолютный лингвистический эквивалент немецкому слову *Gestalt* в русском языке найти трудно. Точнее, это специфическая организация частей, которые составляют органическое целое.

Гештальт-теория, наряду с когнитивизмом, находит все большее применение в разных областях науки: социальной психологии, психологии личности, гештальт-консалтинге, в менеджменте и др.

В настоящее время разработку гештальт-теории ведут такие известные исследователи, как Д. Хэффлер (1998), Ф. Перлз и П. Гудмэн (2001), А. Рамат (2002), Ирвин и Мириам Польстер (2004), Дж. Скилтерс (2007). В своей работе «Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике» С. В.Чесноков пишет: «Все феномены сознания объясняются только через гештальты, связи между ними, средства создания (удаления) и актуализации гештальтов. <...> Сознание оперирует исключительно гештальтами…» [Чесноков 2009, с. 49].

В когнитивной лингвистике принято считать, что гештальтность восприятия – это одно из проявлений базовых когнитивных способностей человека к восприятию и осмыслению информации о мире.

В лингвистические исследования понятие гештальта ввел Дж. Лакофф в своей работе «Лингвистические гештальты». Он, в частности, пишет: «…мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык организованы с помощью одних и тех же структур, которые я называю гештальтами» [Лакофф 1981, с. 359].

При этом автор замечает, что термин «гештальт» в его понимании несколько напоминает понятие с тем же названием, использовавшееся в гештальтпсихологии, «однако очевидным образом во многих отношениях отличается от последнего» [Лакофф 1981, с. 361]. Дж. Лакофф приводит пятнадцать характеристик лингвистических гештальтов. Хотя, по признанию самого автора, предлагаемое им понятие гештальта весьма неопределенно, и у него нет четко сформулированной теории, некоторые из характеристик лингвистических гештальтов могут быть использованы в настоящем исследовании, а именно:

1. Гештальты являются одновременно целостными и анализируемыми. Они разложимы более, чем одним способом в зависимости от принятой точки зрения.
2. Части гештальта связаны внутренними отношениями, которые подразделяются на ряд типов. Способ соотношения частей в рамках гештальта входит в содержание самого гештальта.
3. Гештальты – это структуры, используемые в процессах – языковых, мыслительных, перцептуальных, моторных или других.
4. Лингвистические гештальты могут включать несколько типов свойств – грамматические, семантические, фонологические, функциональные.

5. Лингвистические гештальты можно рассматривать как способ соотнесения значений с поверхностными формами.

Два из этих положений: а) о включении в гештальт, по крайней мере, двух типов свойств – грамматических и семантических; и б) о гештальте как способе соотнесения значений с поверхностными формами представляются ключевыми для нашего понимания гештальта. Отсюда как минимум следует, что если концепт «отношение» – это гештальт, он представляет собой объединение грамматических и семантических свойств, а его репрезентация есть разные способы соотнесения падежных отношений и форм их выражения.

В этой связи основной целью гештальт-анализа признается исследование способов соотнесения компонентов содержания концепта «отношение» и их языковой репрезентации. Для этого в данной работе вводится понятие «гештальт-функция».

Гештальт-функция – это результат объединения (укрупнения) семантических функций (СФ). Гештальт-функции, как наиболее обобщенные смыслы, являются концептуальными характеристиками – компонентами содержания концепта «отношение» и двух его субконцептов: «отношение действия к предмету» и «отношение предмета к предмету» [Сорокина 2013, с. 12]. Выделяются субъектная, объектная, определительная функции, функция необходимого информативного восполнения, а также их производные, образованные из сочетания двух функций (например, объектно-определительная). Они и составляют содержание концепта «отношение».

Обсуждение и результаты

А. Функциональная семантика репрезентантов концепта «отношение»

Нами были исследованы девять письменных памятников, относящихся к пяти временны́м периодам, а именно – позднедревнеанглийский период: Wulfstan's *Homilies*; раннесреднеанглийский период: *The Peterborough Chronicle;* Layamon's *Brut*; классический среднеанглийский период: *The Canterbury Tales* (G. Chaucer); ранненовоанглийский период: *Hamlet, Twelfth Night*, *The Taming of the Shrew* (W. Shakespeare); классический новоанглийский период: *The Conquest of Granada* and *Marriage à la Mode* (J. Dryden), в результате чего сформирован корпус

из 3360 репрезентантов концепта «отношение». На основании проведенного анализа нами были выделены 75 семантических функций репрезентантов концепта «отношение». Также было установлено, что в соотношении субконцептов, входящих в концепт, значительных изменений не происходит (см. рис. 1).

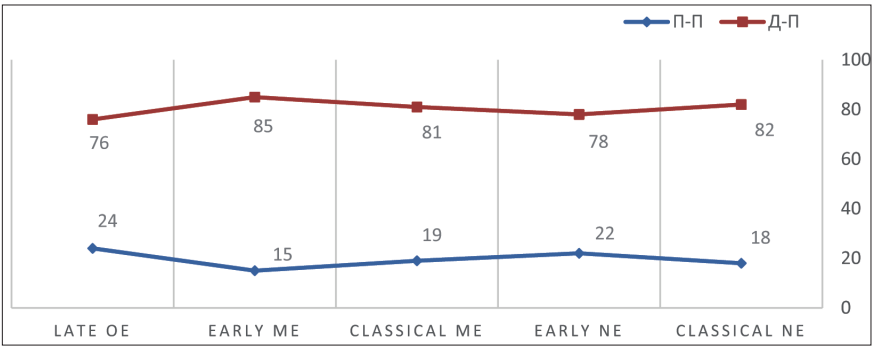

Рис. 1. Доля субконцептов П-П и Д-П

Из них для субконцепта П–П в *позднедревнеанглийский период* наиболее частотными были: СФ 4 (характеристика имени, обозначающего действие / результат по действующему субъекту) – 24,6 %; СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) – 26 %; СФ 7 (участники общественных / родственных / личностных отношений) – 22 %.

Для субконцепта Д–П: СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение, восприятие) – 33,3 %; СФ 10 (объект-адресат или тот / то, на кого / что обращено внутреннее состояние, ощущение, восприятие) – 8 %; СФ 12 (характеристика по месту) – 9,7 %; СФ 38 (характеристика по опосредующему способу) – 10,8 %.

В ***раннесреднеанглийский период*** наиболее частотными для субконцепта П-П являлись: СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) – 8 %; СФ 7 (участники общественных / родственных / личностных отношений) – 8 %; СФ 9 (характеристика субъекта по действию / его результату) – 27 %, СФ 12 (характеристика по месту) – 8,5 %, СФ 26 (характеристика по источнику / исходному пункту) – 8,5 %.

Для субконцепта Д–П: СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение, восприятие) – 28 %, СФ 12 (характеристика по месту) – 12 %, СФ 13 (характеристика по времени) – 13 %, СФ 46 (характеристика по конечному пункту) – 9 %.

В ***классический среднеанглийский период*** для субконцепта П-П выделяются следующие наиболее частотные функции: СФ 5 (характеристика через существительные с отвлеченными значениями) – 11 %, СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) – 17 %, СФ 7 (участники общественных / родственных / личностных отношений) – 11 %, СФ 8 (характеристика имен, обозначающих действие, через объект действия) – 18 %, СФ 28 (характеристика по материалу) – 10 %.

Для субконцепта Д-П: СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение, восприятие) – 38 %, СФ 12 (характеристика по месту) – 13 %, СФ 46 (характеристика по конечному пункту) – 5 %.

В ***ранненовоанглийский период*** для субконцепта П-П наиболее частотными были: СФ 4 (характеристика имени, обозначающего действие / результат по действующему субъекту) – 10 %; СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) – 15 %; СФ 8 (характеристика имен, обозначающих действие, через объект действия) – 11,7 %; СФ 41 (характеристика признака по его носителю) – 9 %.

Для субконцепта Д-П: СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение, восприятие) – 53 %; СФ 10 (объект-адресат или тот / то, на кого / что обращено внутреннее состояние, ощущение, восприятие) – 5 %; СФ 12 (характеристика по месту) – 4,6 %, СФ 44 (характеристика действия по направленности) – 4 %.

В ***классический новоанглийский период*** для субконцепта П-П наиболее частотными являлись: СФ 4 (характеристика имени, обозначающего действие / результат по действующему субъекту) – 9 %; СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) – 22 %; СФ 9 (характеристика субъекта по действию / его результату) – 9 %; СФ 41 (характеристика признака по его носителю) – 9 %.

Для субконцепта Д-П: СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно

обращено чье-либо отношение, восприятие) – 54 %; СФ 12 (характеристика по месту) – 7 %.

Количество и состав семантических функций внутри субконцептов меняется для каждого периода (см. рис. 2).

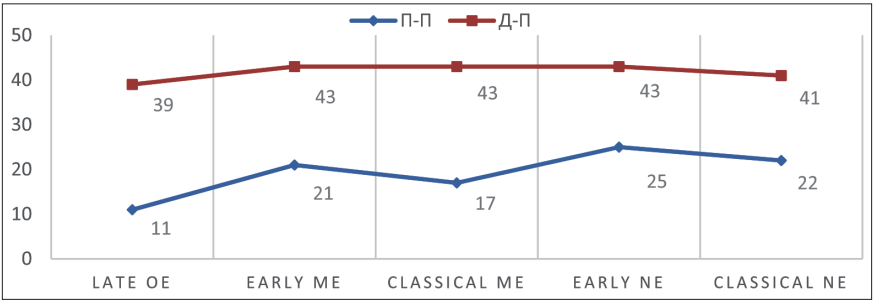

Рис. 2. Количественная динамика СФ

Как видно из графика в субконцепте П-П происходит зигзагообразный рост количества функций. Можно предположить, что при дальнейших исследованиях на отрезке между классическим новоанглийским (XVII в.) и более современной формой (XIX в.) произойдет очередной скачок.

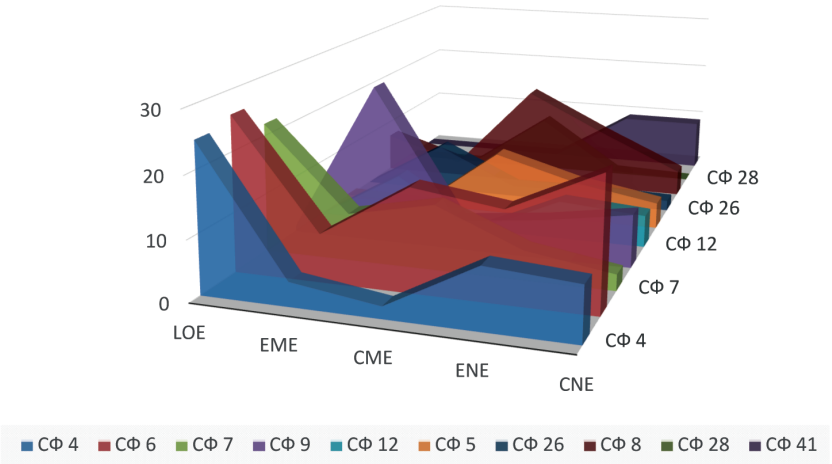

Рис. 3. Частотность СФ в составе П-П

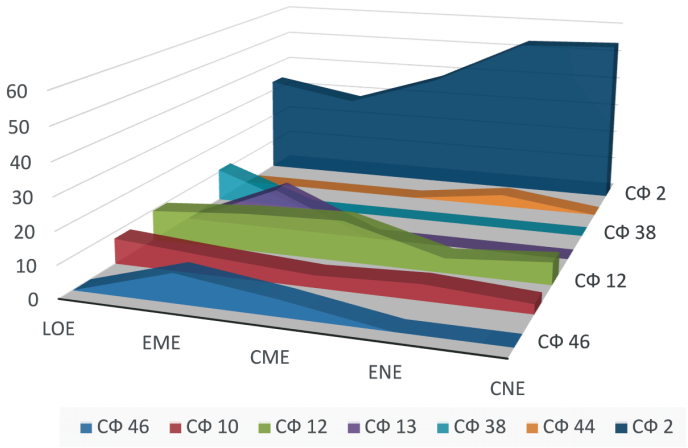

Рис. 4. Частотность СФ в составе Д-П

Субконцепт Д-П демонстрирует бóльшую стабильность в отношении разнообразия СФ на протяжении всех пяти периодов. Незначительное уменьшение количества СФ к классическому новоанглийскому периоду, скорее всего, является случайным колебанием. Дальнейшие исследования в направлении к современной форме языка, а также расширение выборки по уже исследованным периодам поможет подтвердить это или, наоборот, показать, что изменение является неслучайным.

Следует заметить, что некоторые функции не только постоянно присутствуют в составе субконцептов, но и остаются наиболее частотными. Другие же то входят в состав частотных, то исчезают с лидирующих позиций. Отчасти эти колебания могут быть связаны с тематическими и жанровыми особенностями выборки. Однако функции, демонстрирующие наибольшую частотность на протяжении всех периодов, можно назвать прототипическими для субконцептов (см. рис. 3, 4).

Б. Когнитивная семантика репрезентантов концепта «отношение»

Одной из задач данного исследования было определение гештальт-функций, характерных для каждого синхронного среза и выявление

исторических изменений в их составе, частотности и наполнении (количестве и составе входящих в них семантических функций) на протяжении исторического периода с XI по XVII вв. (см. рис. 5, 6).

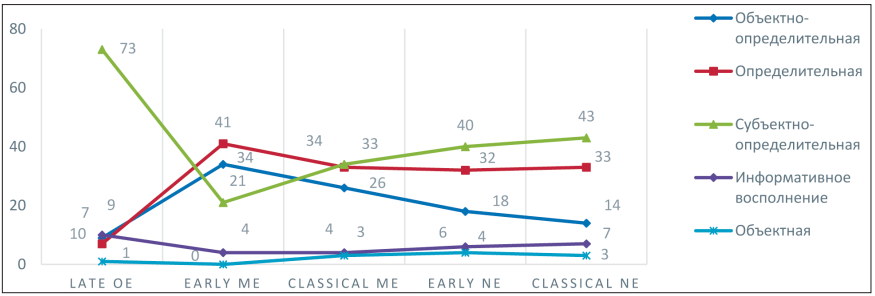

Рис. 5. Относительная частотность ГФ для П-П (в %)

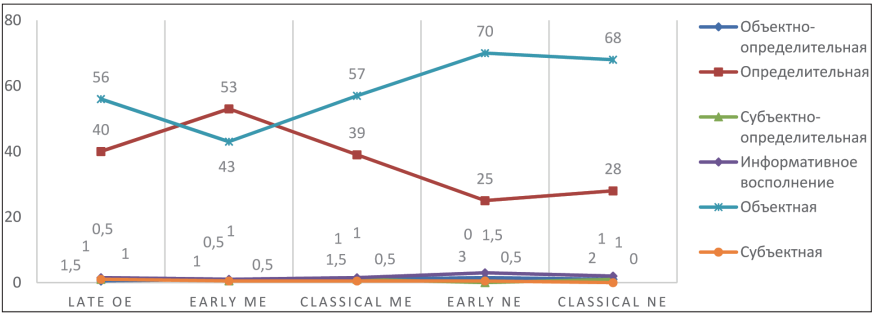

Рис. 6. Относительная частотность ГФ для Д-П (в %)

В субконцепте П-П по частотному критерию на протяжении всех исследуемых периодов лидирующие позиции удерживает определительная семантика. В субконцепте Д-П, напротив, наблюдается уменьшение ее доли на фоне устойчивого роста доли объектной семантики.

С точки зрения разнообразия гештальт-функций по составу картина несколько иная. В обоих субконцептах первенство по числу семантических функций в составе удерживает определительная гештальт-функция с ее производными (субъектно-определительная и объектно-определительная) (см. рис. 7, 8).

При этом разнообразие объектной семантики в рамках субконцепта Д-П остается на приблизительно одинаковом уровне на протяжении исследуемого периода.

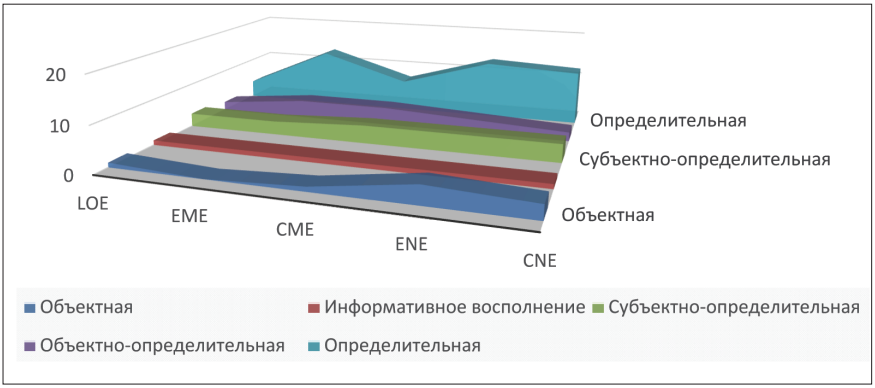

Рис. 7. Количество СФ в составе ГФ (П-П)

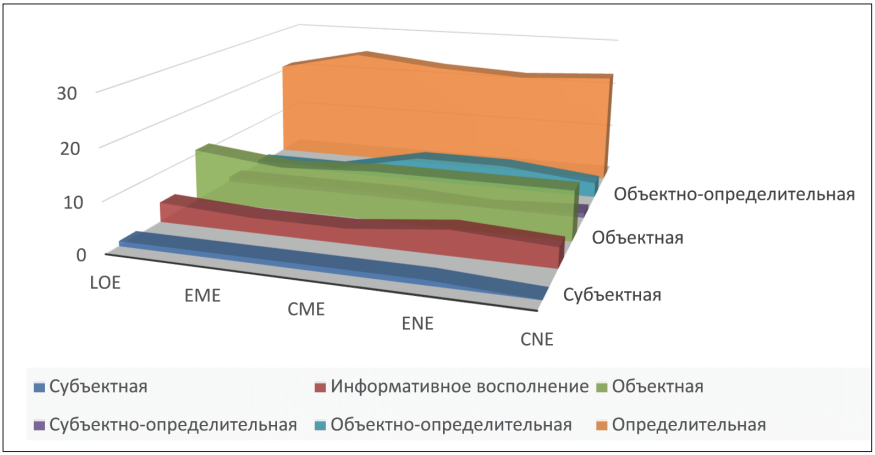

Рис. 8. Количество СФ в составе ГФ (Д-П)

Выводы

Анализ показал наличие исторических изменений в функциональной и когнитивной семантике репрезентантов концепта «отношение». По итогам анализа представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Рост разнообразия семантических функций, составляющих концепт «отношение», происходит в основном за счет субконцепта

П-П. Это можно объяснить тем, что в данном субконцепте более частотны определительные гештальт-функции, которые обнаруживают бóльшую тенденцию к наращиванию СФ.

2. С точки зрения роста частотности лидирует объектная гештальт-функция, которая имеет наибольшую долю в субконцепте Д-П и концепте «отношение» в целом на протяжении почти всего исследуемого временнóго отрезка. Определительная же семантика сохраняет свой вес в субконцепте П-П, в то время как в Д-П ее вытесняет объектная семантика. Здесь следует заметить, что субконцепт Д-П в большей степени влияет на состав концепта «отношение», поскольку занимает в нем бóльшую долю.

3. Семантические функции, наиболее стабильно лидирующие по частотности в рамках субконцептов, можно назвать прототипическими. Для П-П это СФ 4 (характеристика имени, обозначающего действие / результат по действующему субъекту), СФ 6 (характеристика предмета по обладателю) и СФ 7 (участники общественных / родственных / личностных отношений). Для Д-П – СФ 2 (предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение, восприятие) и СФ 12 (характеристика по месту).

4. На основании гештальт-анализа прототипической для субконцепта П-П можно назвать определительную гештальт-функцию, а для субконцепта Д-П – объектную. Интересно, что в то время как в субконцепте П-П определительная гештальт-функция и ее производные сохраняют ведущую позицию на протяжении всех изученных периодов, в субконцепте Д-П объектная функция закрепляется на лидирующей позиции лишь в классический среднеанглийский период.

Данная работа показало, что предложенные методы можно успешно применять в диахроническом исследовании. С их помощью мы выяснили, что в концепте «отношение» происходят исторические изменения, и реконструировали их. Анализ выявил, что на протяжении исследуемого периода концепт сохраняет базовую структуру и соотношение субконцептов. Изменения происходят за счет преобразований внутри субконцептов. Это количественные и качественные изменения: перераспределение гештальт-функций и изменение их состава (СФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983. 208 с.

Историко-типологическая морфология германских языков / Академия наук СССР. Институт языкознания. М. : Наука, 1977. 359 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М. : Институт языкознания ; Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. № 4. С. 8–16.

Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2007.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты (пер.) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 1981. С. 350–369.

Сорокина Т. С. Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 27 (660). Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. С. 9–21 (Сер. Языкознание).

Сорокина Т. С. Гештальт-анализ как исследовательская методика диахронической концептологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 26 (686). Когнитивно-коммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. С. 9–20 (Сер. Языкознание).

Сорокина Т. С. Концепт «отношение» и языковая картина мира (опыт исторической интерпретации) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 27 (711). Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. С. 9–20 (Сер. Языкознание).

Чесноков С. В. Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике. М. : URSS, 2009. 160 с.

УДК 811.111

О. В. Смурова

ст. преподаватель каф. грамматики и истории английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: olsmurova@yandex.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ

Данная статья посвящена анализу наиболее обобщенных смыслов концепта «эпистемическая оценка». Исследуемый концепт трактуется как гештальт, выражающий отношение говорящего к достоверности ситуации, служащей объектом оценки. Концепт «эпистемическая оценка» характеризуется частичной вербализацией и может репрезентироваться средствами всех уровней языка. Полного выражения семантика оценочности достигает только на уровне речи и передается репрезентативными речевыми актами. Языковые средства, репрезентирующие концепт понимаются как гештальт-структуры, поскольку отражают совокупности лингвистической и экстралингвистической информации, воспринимаемые адресатом как целостность. Анализируя основные свойства репрезентативных речевых актов, автор выделяет три семантико-прагматические функции, относящиеся к потенциальному аспекту высказывания и связанные с его назначением, с его иллокутивной целью: *субъективность*, *обоснованность* и *степень уверенности*. Высказывания, в которых не отражена (эксплицитно или имплицитно) любая из трех семантико-прагматических функций не являются оценочными. Выделенные семантико-прагматические функции шкалированы, что является отражением основной особенности оценки как мыслительного действия. Показано, что прототипическое эпистемически-оценочное высказывание характеризуется средними параметрическими значениями выделенных семантико-прагматических функций. Выделенные семантико-прагматические функции с различными значениями объединяются для выражения гештальт-функций концепта «эпистемическая оценка». Последние понимаются как наиболее абстрактные, обобщенные смыслы, входящие в концепт «эпистемическая оценка». К гештальт-функциям исследуемого концепта относятся допустимость, сомнительность, достоверность и эпистемическое ожидание. Гештальт-структуры концепта, отражающие выделенные гештальт-функции, не равнозначны. Языковые средства, отражающие допустимость, относятся к ядерным гештальт-структурам; высказывания, отражающие сомнительность, достоверность и эпистемическое ожидание, находятся ближе к периферии. В определенном дискурсе оценочная ситуация рассматривается как динамический конструкт гештальта, т. е. как *фрейм*, слотами которого являются компоненты оценочной структуры. В прототипическом случае почти все компоненты оценочной структуры (за исключением оценочного предиката и объекта оценки) включены в гештальт. Выдвижение тех или иных компонентов оценочного фрейма обусловлено особенностями дискурса.

Ключевые слова: эпистемическая оценка; языковой концепт; гештальт; репрезентативный речевой акт; семантико-прагматические функции; гештальт-функции; дискурс; фрейм.

O. V. Smurova

Senior Lecturer, Chair of Grammar and History of English,
Faculty of English, MSLU; e-mail: olsmurova@yandex.ru

THE EPISTEMIC GESTALT

The article analyzes the most generalized meanings of the linguistic concept "epistemic evaluation". The concept is regarded as a partially verbalized concept which can be represented by means of all language levels though the semantics of evaluation reaches a full expression only at the level of speech. Language means that represent the concept are understood as gestalt structures. Analyzing the basic properties of representative speech acts, the author distinguishes three semantic-pragmatic functions associated with the illocutionary goal of an evaluative utterance: *subjectivity*, *validity* and *degree of certainty*. The isolated semantic-pragmatic functions are scaled manifesting the main feature of evaluation as a mental act. A prototypical epistemic utterance is characterized by the average parametric values of the distinguished semantic-pragmatic functions. The latter are combined to express the gestalt functions of the examined concept: *possibility*, *doubt*, *certainty*, and *epistemic expectation*. Gestalt structures of the concept, reflecting the distinguished gestalt functions are not equivalent. Language means that reflect possibility refer to nuclear gestalt structures, while statements reflecting doubt, certainty and epistemic expectation are closer to the periphery**.** In a certain discourse, the evaluation situation is viewed as a dynamic construct of the gestalt, i.e., as a frame the slots of which are the components of the evaluation structure. In the prototypical case almost all components of the evaluation structure (with the exception of the predicate and the object) are included in the gestalt. The advancement of one or another component of the evaluation frame is conditioned by the peculiarities of the discourse.

Key words: epistemic evaluation; linguistic concept; gestalt; representative speech act; semantic-pragmatic functions; gestalt-functions; discourse; frame.

Введение

Одним из основных вопросов, которые решает современная лингвистика, является установление намерений говорящего, т. е. установление **смысла** разного рода языковых единиц в соответствующих условиях их употребления. С другой стороны, на современном этапе язык понимается как **система знаков**, **репрезентирующих когнитивные структуры**, – «блоки знания, которые стоят за значениями знаков и обеспечивают их понимание» [Болдырев 2001].

Оценку можно рассматривать как *функционально-семантическую категорию* (ФСК), поскольку семантика оценочности пронизывает все уровни языка, достигая своего полного выражения только на уровне высказывания. Только в высказываниях или, скорее, в сверхфразовых

единствах находит свое отражение оценочная структура, состоящая из нескольких компонентов, главными из которых являются *субъект, объект, характер* (*критерий*) *оценки, основания оценки, оценочный предикат, оценочная шкала и адресат.* С другой стороны, поскольку языковая форма является отражением когнитивных структур, т. е. структур человеческого сознания, мышления и познания [Кибрик 1994, с. 126], ФСК эпистемической оценки (т. е. оценки говорящим достоверности некоей ситуации) должна соответствовать эпистемическая оценка как когнитивная категория, т. е. как *концепт.*

Смысл оценочного высказывания (как и смысл любого высказывания) – это **совокупная информация**, которая передается говорящим на основе выражаемого языковыми средствами содержания, взаимодействующего как с контекстом и речевой ситуацией, так и с существенными в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего и адресата. *Концепты* представляют собой те блоки знаний, которые стоят за значениями высказываний как коммуникативных единиц (как знаков) и обеспечивают их понимание.

Поскольку знаки как средства языковой репрезентации концепта представляют собой совокупности информации, которые воспринимаются **как целостность** и отражают коммуникативные намерения говорящего, мы понимаем знаки как *гештальт-структуры* концепта «эпистемическая оценка». К важнейшим свойствам гештальтов относится их способность проецироваться на другой гештальт, наследующий свойства и отношения первого [Лакофф 1981]. Следовательно, и сам концепт также является гештальтом. Трактуя концепт «эпистемическая оценка» как когнитивный (т. е. относящийся к сознанию, а не к действительности) феномен, мы понимаем его как гештальт, выражающий отношение говорящего к объекту оценки и объединяющий множество вербализованных и невербализованных смыслов, так или иначе связанных с оценочной ситуацией. Хотя смыслы как таковые ненаблюдаемы, анализируя репрезентации концепта в различных речевых ситуациях, мы можем получить представление о структуре исследуемого концепта.

Как известно, общее значение гештальтной структуры не сводится к совокупности ее частей. Восприятие такой структуры связано с понятиями фигуры и фона: некоторые части воспринимаются как более значимые, выступающие как фигура по отношению к своей

основе – фону. Фигурой в оценочном высказывании является мнение говорящего о достоверности ситуации, как правило, отраженное в оценочном предикате. В английском языке оценочный предикат эпистемических высказываний может выражаться грамматически: модальными глаголами. Основываясь на представлении о том, что грамматика представляет собой самый абстрактный уровень категоризации мира и «отрабатывает конвенциональные формы описания положения дел или ситуаций» [Кубрякова 2004, с. 486], можно утверждать, что поскольку среди гештальт-структур концепта «эпистемическая оценка» имеются грамматические средства, именно они будут выражать наиболее обобщенные смыслы исследуемого концепта, которые мы понимаем как *гештальт-функции* концепта «эпистемическая оценка» (ГФК). Абстрагированные концептуальные характеристики, связанные с грамматическими репрезентантами концепта, уточняются и конкретизируются при взаимодействии с дополнительными лингвистическими факторами (семантическим, синтаксическим и контекстуальным) на уровне предложения-высказывания. Исследование репрезентации концепта в различающихся условиях позволяет решить задачу выявления прототипических репрезентантов концепта и уточнить его структуру.

Методология

Наш подход к описанию эпистемической оценки базируется на принципах когнитивной лингвистики, но в качестве методологии исследования мы используем функционализм. Функционализм связан с пониманием языка как инструмента или механизма для осуществления определенных целей, для реализации говорящим определенных намерений. Функционализм, как центральный принцип в исследовании языка, утверждают как семантически, так и прагматически ориентированные исследования [Кубрякова 1995, с. 217]. Как считает Дж. Лич, семантика и прагматика дополняют друг друга, поскольку обе связаны со значением языкового знака. Различие между ними заключается в том, что в семантике значение языковой единицы рассматривается безотносительно речевой ситуации, а прагматика имеет дело со значением языковой единицы в конкретной речевой ситуации, при этом и говорящий, и адресат рассматриваются как ее компоненты [Leech 1983, с. 6–15]. Понятие *репрезентации* выявляет неразрывную

связь функционализма и когнитивизма и позволяет соотнести языковые структуры с соответствующими когнитивными.

Аспект функционального анализа, который мы используем, связан с соотношением потенциала единицы в языковой системе и реализацией этого потенциала как процесса и результата взаимодействия рассматриваемой единицы с элементами среды, т. е. мы используем функционализм и в его семантическом, и в его прагматическом аспектах. В этом плане мы опираемся на А. В. Бондарко, который рассматривает разграничение назначения высказывания / текста, его цели, с точки зрения автора, и реализации этой цели в готовом речевом произведении, воспринимаемом адресатом (читателем), в качестве одного из аспектов функционального анализа. В таком анализе высказывания используются понятия «прототип» и «степени прототипичности» в связи с соотношением инвариантности / вариативности [Бондарко 2001]. Бондарко выделят следующие признаки прототипа: 1) наибольшая специфичность; 2) способность к воздействию на производные варианты; 3) наиболее высокая степень регулярности функционирования (различение обязательных и необязательных признаков). Очевидна связь прототипа с ядром концепта, репрезентацией которого это языковое средство является.

Обсуждение. Результаты

Опираясь на мнение А. В. Бондарко, в функциях языковых единиц можно выделить взаимосвязанные аспекты потенции (Фп) и реализации (Фр). Применительно к семантико-прагматическим функциям высказывания / текста потенциальный аспект – это потенции речи, существующие при формировании высказывания. Иначе говоря, Фп высказывания – это потенциальное назначение речевого акта (речевого произведения). Аспект Фр применительно к функциям высказывания – это реализация этого назначения. Согласно Бондарко, потенциальное назначение высказывания / текста каузирует в процессе его формирования выбор соответствующих средств и определенные тенденции их функционирования.

Аналогичную мысль высказывает Дж. Р. Сёрль, который пишет: «Связь между тем, что мы имеем в виду, когда говорим, и тем, что означает предложение в языке, на котором мы говорим, отнюдь не случайна» [Сёрль 1986 б, с. 159]. Иными словами то, что мы имеем в

виду, является функцией того, что мы говорим, а значение обусловлено не только намерением, но и конвенцией.

Оценка как мыслительное действие – это *рефлексивное отношение субъекта* к своим и чужим высказываниям, а также к предметам (вещам, объектам) внешнего и внутреннего мира. Результат оценки как мыслительного действия представляет собой мнение говорящего об объекте

Оценочные высказывания относятся к *репрезентативным РА*, которые фиксируют ответственность (commitment) говорящего за сообщение (информацию) о некоем положении дел (реальном или только мыслимом). Следовательно, *к Фп любого оценочного высказывания обязательно будет относиться «субъективность»*, которую мы обозначаем как **Фп$_1$**.

Согласно Сёрлю, репрезентативы выражают психологическое состояние «убеждение (что *p*)». Сёрль подчеркивает, что слова типа «убеждение» и «ответственность» представляют собой, скорее, определимые параметры, чем определенные величины. Он пишет: «Степень убеждения и ответственности может приближаться к нулю или даже быть ему равна; но ясно (или станет потом ясно), что *гипотетическое утверждение,* что *p* и простая констатация *находятся* в одной и той же плоскости, в которую не входят, скажем, просьбы» [Сёрль 1986а, с. 181]. На этом основании *к Фп оценочных высказываний мы также отнесли* ***обоснованность*** – **Фп$_2$**, *отражающую «ответственность» говорящего и* ***степень уверенности****, отражающую его «убежденность»* – **Фп$_3$**.

Значения обоснованности и степени уверенности шкалированы, в том смысле, что значения обоснованности характеризуются диапазоном от нуля – полное отсутствие обоснованности до +1 – полностью обоснованное суждение, а степени уверенности – от +1 (абсолютная уверенность в достоверности ситуации) до -1 (абсолютная уверенность в обратном). Для прототипических репрезентантов концепта «эпистемическая оценка» характерны средние значения обоих показателей. Что касается субъективности, то она также может иметь различное качество.

Так, оценочное высказывание с модальными глаголами, сохраняя связь с говорящим, может **объективироваться**, что достигается «посредством пропозиционализации содержания модальных глаголов

и введения их в сферу никак не квалифицированного «*Я-говорю-так*» иллокутивного агента» [Лайонз 2003, с. 348]. В этом случае модальный глагол относится к собственно семантическому аспекту высказывания, а говорящий отражает не свою точку зрения, а общепринятое мнение. Различие между полностью субъективным и *объективированным*[1] высказыванием можно видеть, сравнивая два примера:

1. I confidently infer that he did exactly the same thing as I did when the panic hit him (*субъективное высказывание*).
2. In the light of what is known, it is necessarily the case that he did exactly the same thing as I did when the panic hit him (*объективированное высказывание*).

Полностью объективированные высказывания представляют собой утверждения, т. е. оценочными не являются[2]. Объективированные высказывания с модальными глаголами сохраняют оценочный характер, но у таких высказываний очень слабо выражена субъективность. Дж. Лайонз, обнаруживший существование объективированных эпистемических высказываний, подчеркивает, что они очень редко встречаются в высказываниях с модальными глаголами, но возможность такой трактовки, тем не менее, существует.

Помимо этого, высказывания может характеризовать специфическое качество субъективности, которое можно обозначить термином *интерсубъективность*, принадлежащим Э. Трауготт и Р. Дэшеру [Traugott & Dasher 2002, с. 225]. В перспективу любого оценочного высказывания включен *адресат*, но в высказывании с субъективностью доминирует говорящий, точнее, выражение его отношения к ситуации, тогда как высказывание с интерсубъективностью имеет

[1] Мы используем термин «объективированное» для такого типа высказываний, чтобы подчеркнуть, что субъективный компонент как связь с говорящим присутствует в любом модальном высказывании.

[2] Объективированные высказывания возможны не только с модальными глаголами. Так, например, безличные конструкции с формальным подлежащим *there* (*There* + *be* + *N* + *complement*) эксплицитно объективируют высказывания, при этом, чем более высокую степень уверенности выражает существительное, входящее в конструкцию, тем выше степень объективированности высказывания: существительные, отражающие категорическую уверенность, переводят высказывания из оценочных в утверждения.

целью **воздействие на адресата**. Мы считаем, что значение интерсубъективности характерно не для репрезентативов, а для речевых актов другого типа. Однако непрототипические эпистемические высказывания, принадлежащие периферии концепта, также могут выражать интерсубъективность. В частности, значение интерсубъективности характерно для высказываний, отражающих сомнение:

3. ***Could*** luck, sheer luck, get them safely out of this? [Rowling 2007].

Что касается семантико-прагматических функций, связанных с реализацией назначения речевого произведения – **Фр**, то функционирование оценки в высказывании отражает слияние семантики (собственного значения языковых единиц, включая высказывание в целом) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации). По Бондарко, источниками смысла высказывания / текста являются:

1) языковое содержание;
2) контекстуальная информация (знания, разделяемые говорящими и слушающими, полученные из предшествующих высказываний);
3) ситуативная информация (знание о ситуации);
4) энциклопедическая информация (знания о мире);
5) все прагматические элементы дискурса, существенные для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания (включая не только референциальные, но и эмоционально-экспрессивные аспекты)[1].

Оценочную ситуацию можно рассматривать как динамический конструкт гештальта, т. е. как *фрейм*. Фрейм, как и гештальт, является единицей концептуального уровня и напрямую соотносится с соответствующим концептом, но, в отличие от последнего, репрезентирует стереотипную ситуацию, связанную с концептом. Иными словами, если концепт – когнитивный феномен, объединяющий множество вербализованных и невербализованных смыслов, так или иначе свя-

[1] В целом, дискурс включает: 1) коммуникативные намерения говорящего; 2) взаимоотношения коммуникантов; 3) всевозможные обстоятельства – значимые и случайные; 4) идеологию и стилистический климат как эпохи в целом, так и конкретной среды общения; 5) жанровые и стилевые черты сообщения; 6) ассоциации с предыдущим опытом, попавшие в орбиту данного речевого действия [Карасик 2002, с. 275].

занных с объектом действительности, то фрейм – это проявление концепта в определенном дискурсе. Анализ оценочного фрейма сам по себе может являться предметом серьезного исследования, поэтому в данной работе мы очень кратко опишем способы профилирования в высказывании оценочной структуры.

Структурно фрейм можно представить как иерархическую систему слотов, содержащих информацию, связанную с категориальной ситуацией соответствующего концепта, которую можно разделить на основную, типическую и потенциально возможную информацию [Minsky 1980; Ван Дейк 2000].

Слотами оценочного фрейма являются компоненты оценочной структуры: *объект, субъект, характер (критерии) оценки, основания оценки, оценочная шкала, оценочный предикат и адресат оценки*. Определенные условия коммуникации вызывают выдвижение тех или иных слотов оценочного фрейма. Верхним, обязательным, слотом оценочного фрейма является оценочный предикат, поскольку в этом компоненте оценочной структуры отражается результат оценки, которая составляет иллокутивную цель говорящего. Можно утверждать, что наличие значительного числа репрезентантов концепта, способных выполнять различные семантико-прагматические функции, делает возможным профилирование в высказывании любого компонента оценочной структуры (выдвижение определенного слота оценочного фрейма), которые в прототипическом случае почти все (за исключением оценочного предиката и объекта оценки) включены в гештальт.

Выдвижение **субъекта** оценки обеспечивают эксплицитно вводящие субъективность модальные фразы:

4. ***I reckon*** he told us the truth, or what he thinks is the truth, just to keep us talking [Rowling 2007].

Сочетание лексических и синтаксических показателей может служить углублению «субъектной перспективы» высказывания [Золотова 2009, с. 276]. Так, в следующем примере можно выделить три субъектных плана:

5. Of course it is believed that some will give way to others [BNC]. – *Считается само собой разумеющимся, что некоторые уступят место другим.*

1) ***some*** *will give way to others* (некоторые уступят место другим);

2) ***it*** *is believed* (так считается [всеми]);
3) *Of course* (= [Я] не сомневаюсь, что…).

Неопределенно-личное местоимение *some* представляет собой субъект первого плана, безличная МК с местоимением *it* производит авторизацию, а говорящий – имплицитный субъект модуса «второго порядка» – дает оценку авторизации. Таким образом, в рассматриваемом примере мы имеем дело с двумя оценочными суждениями, свернутыми в одно высказывание. Это происходит, когда говорящий дает оценку не ситуации, а оценочному суждению. Модель высказывания в этом случае выглядит следующим образом: S_3 [(S_2+V_2) [S_1+V1]]. Очевидно, что в такую модель укладываются любые высказывания, в которых субъект вторичной оценки (говорящий) не совпадает с субъектом первичной оценки.

Что касается **объекта**, то он почти всегда эксплицирован в пропозиции высказывания, но при наличии общего пресуппозиционного фонда у коммуникантов, может быть опущен. Объект опускается в предложениях-ответах, состоящих из одного слова (МС или МЧ):

6. "Look, I realize you're different than the average human," Garrett said, his tone guarded, "but thirteen days without sleep can't be good for anyone, not even you." – "***Probably not***. Did you buy a new hood ornament?" [COCA].

Характер (**критерии**) **оценки** чаще всего является импликационным смыслом высказывания, который не осознается ни адресатом, ни говорящим и извлекается адресатом из высказывания путем *инференции.* Однако в оценочных высказываниях с нереальными либо контрфактическими условиями, репрезентирующими ядерную ГФК «эпистемическая оценка» – допустимость, характер оценки выражается напрямую, так как в таких высказываниях отражается недостоверность ситуации:

7. ***Maybe if Seth Petty had known one way or the other, he might have come to terms with the "perhaps"***. Maybe. You never know [COCA].

Основания оценки (эпистемические гарантии говорящего) профилируются эксплицитно выражающими обоснованность лексическими и синтаксическими средствами:

8. Harry thought that Hagrid must have been forced to obey Voldemort's command, ***because he lurched a little*** [Rowling 2007].

Оценочная шкала как таковая очень редко отражается в эпистемическом высказывании, хотя лексические средства эксплицируют положение оценочного предиката на эпистемической шкале. Однако в высказываниях, в которых говорящий уточняет собственную оценку или оценку другого коммуниканта, вводя показатель более высокой степени уверенности, происходит профилирование эпистемической шкалы:

9. In reality, she looked on our hero as a sorry scoundrel, and therefore treated him as such, for which not even Jones himself, had he known as much as the reader, ***could have blamed*** her; nay, on the contrary, he ***must have approved*** her conduct, and have esteemed her the more for the disrespect shown towards himself [Fielding].

10. *Ron Weasley*: Maybe it's the Horcruxes. ***Maybe*** he's growing weaker; ***maybe*** he's dying.
    Harry Potter: No. No, it's...it's ***more like*** he's wounded. If anything, he feels more dangerous [The Web's Largest Resource for Famous Quotes & Sayings].

Адресат профилируется в высказываниях с *интерсубъективностью*, к которым, в частности, относятся репрезентанты смысла DOUBT:

11. He can't know that, ***Harry***, how could he? [Rowling 2007].

Очевидно, что правильное восприятие адресатом высказывания говорящего достигается путем «разложения» оценочного гештальта. Этот процесс говорящий способен облегчить для адресата, вводя показатели, профилирующие те или иные компоненты оценочной структуры. Следовательно, выдвижение тех или иных компонентов оценочного фрейма обусловлено особенностями дискурса (или у́же – конкретной речевой ситуации), которые обозначают термином «прагматические параметры высказывания» [Кифер 1985, с. 343]. К таким параметрам относятся говорящий, слушающий, ***отношения*** между ними (как ***статусные***, так и ***ролевые***), а также фоновые знания коммуникантов, которые делают возможным как производство, так и понимание высказывания.

Выводы

1. Мы полагаем, что выделенные нами $Фп_{1-3}$ (*субъективность, обоснованность* и *степень уверенности),* объединяются для выражения *гештальт-функций концепта* (ГФК) – наиболее обобщенных его смыслов, к которым мы отнесли «допустимость» – $ГФК_1$, «сомнительность» – $ГФК_2$, «достоверность» – $ГФК_3$ и «эпистемическое ожидание» – $ГФК_4$. Несмотря на то, что в оценочном эпистемическом высказывании отражается и множество других смыслов, адресатом оно воспринимается как заключение говорящего о допустимости, достоверности или сомнительности ситуации, подвергшейся оценке, или же отражает эпистемическое ожидание говорящего.

2. Для различающихся ГФК выделенные $Фп_1$, $Фп_2$ и $Фп_3$ характеризуются различными параметрическими значениями. Так, для высказываний, отражающих $ГФК_3$ («достоверность»), характерны более высокие значения $Фп_2$ («обоснованность»), чем для высказываний, отражающих все остальные ГФК. Помимо этого, $Фп_3$ («степень уверенности») в высказываниях с достоверностью по модулю близка к единице (т. е. не является типичной для оценочных высказываний). Высказывания, отражающие $ГФК_2$ «сомнительность», характеризуются интерсубъективностью. $ГФК_4$ «эпистемическое ожидание», имеет значения $Фп_2$ («обоснованность»), совпадающие со значениями последней, характерными для $ГФК_1$ «допустимость», в то время как значения $Фп_3$ («степень уверенности») у $ГФК_4$ совпадает со значениями $Фп_3$, свойственными для $ГФК_3$ «достоверность», т. е. «эпистемическое ожидание» занимает промежуточное положение между допустимостью и достоверностью.

3. Прототипическое эпистемически-оценочное высказывание характеризуется средними значениями обоснованности и степени уверенности, а также субъективностью, не переходящей в объективированность или интерсубъективность.

4. *Достоверность*, *допустимость, сомнительность и эпистемическое ожидание*, будучи ГФК, в структуре концепта «эпистемическая оценка» занимают различное положение. Ядерной ГФК (или, точнее ГФ ядерных гештальт-структур концепта), безусловно, является «допустимость» (поскольку для этой ГФК, помимо субъективности, характерны средние значения обоснованности и степени уверенности).

Место остальных ГФК в структуре концепта нуждается в уточнении. Но можно предположить, что высказывания, отражающие эти ГФК, находятся ближе к периферии, чем к ядру концепта.

5. Гештальт – это замкнутое единство, фигура, вычленяемая сознанием из фона. В этом смысле прототипический репрезентант эпистемической оценки представляет собой гештальт семантико-прагматических функций потенции $Фп_{1\text{-}3}$. Такую фигуру можно обозначить термином «эпистемический треугольник». Схематически гештальт эпистемической оценки изображен на рисунке 1. Треугольная схема также позволяет показать, что происходит с высказыванием, если в нем не отражается одна из Фп: на схеме это соответствует углам треугольника, в которых не отражается Фп стороны, противолежащей данному углу. Высказывания, в которых не отражена (эксплицитно или имплицитно) любая из Фп, вырождаются как оценочные: отсутствие степени уверенности или субъективности как значений высказывания превращает его в фактивное высказывание (утверждение), отсутствие обоснованности переводит оценочное высказывание в речевой акт, имеющий целью воздействие на адресат.

Рис. 1. Эпистемический гештальт

6. В прототипическом случае все компоненты оценочной структуры, кроме объекта и оценочного предиката, представлены гештальтно в виде потенциально возможной информации; различные комбинации

грамматических, лексических и синтаксических репрезентантов концепта обеспечивают возможность сочетания когнитивного и дискурсивного компонентов оценочной семантики, что позволяет профилировать в высказывании любой компонент оценочной структуры;

7. Факторами, обусловливающими профилирование компонентов оценочной ситуации в конкретном высказывании, являются прагматический и социальный контексты коммуникации (лингвистический и экстралингвистический факторы, соответственно), а также когнитивные особенности коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. С. 25–36.

Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13. URL : www.philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : URSS, 2009. 352 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–137.

Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 333–348.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М. : Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. № 10. М. : Прогресс, 1981. С. 350–368.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М. : Языки славянской культуры, 2003. 400 с.

Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. № 17. М. : Прогресс, 1986 а. С. 170–194.

Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. № 17. М. : Прогресс, 1986 б. С. 151–169.

Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling. URL : tei.it.ox.ac.uk/tcp/Texts-HTML/free/K02/K021151.002.html

Leech G. Principles of Pragmatics . London, New York : Longman, 1983. 257 p.

Minsky M. K-Lines: A theory of Memory. URL : onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1207/s15516709cog0402_1

Rowling J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows. New York : Scholastic Press, 2007. 784 p.

The British National Corpus (BNC). URL : www.natcorp.ox.ac.uk/

The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL : corpus2.byu.edu/coca/

Traugott E. C., Dasher R. B. Regularity in Semantic Change. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 362 p.

The Web's Largest Resource for Famous Quotes & Sayings. URL : www.quotes.net/mquote/115844

УДК 316.776.33

И. С. Лебедева, И. Д. Романова

Лебедева И. С., кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики и истории английского языка ф-та ФАЯ МГЛУ;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Романова И. Д., аспирант каф. грамматики и истории английского языка ф-та ФАЯ МГЛУ, преподаватель каф. грамматики и истории английского языка ф-та ФАЯ МГЛУ; e-mail: id-vedenina@yandex.ru

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕРСОНАЛЬНОМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье изучаются значения модальных глаголов *must, should, ought to, have to, shall, should, will, would*, а также особенности их употребления в персональном и институциональном дискурсе. Авторы рассматривают указанные модальные глаголы в качестве коммуникативных тактик, реализующих персуазивную стратегию говорящего. В работе даны многочисленные примеры, иллюстрирующие функционирование рассматриваемых модальных глаголов в данных типах дискурса. Также объясняется выбор говорящего с точки зрения его интенций.

Ключевые слова: модальность; модальные глаголы; персональный дискурс; институциональный дискурс; воздействие; персуазивность; технологии персуазивности.

I. S. Lebedeva, I. D. Romanova

Lebedeva I. S., PhD (Philology), Assoc. Prof.,
Grammar and History of English, English Language Department, MSLU;
e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Romanova I. D., Postgraduate, Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: id-vedenina@yandex.ru

MODAL VERBS AS MEANS OF PERSUASION IN PERSONAL AND INSTITUTIONAL DISCOURSES

The present paper looks into the meanings of the modal verbs *must, should, ought to, have to, shall, should, will, would* and peculiarities of their use in personal/interpersonal and institutional discourses. These modal verbs are regarded by the authors as communicative technologies / tactics which mark the use of the communicative strategy of persuasion. Ample examples are provided to illustrate the usage of *must, should, ought to, have to, shall, should, will, would* in these discourses. The speaker's choice is explained in terms of their intentions and the communicative strategy they opt for.

Key words: modality; modal verbs; personal / interpersonal discourse; institutional discourse; impact; persuasion; persuasive technologies.

В современном мире умение оказывать влияние на собеседника и воздействовать на него является важным аспектом достижения коммуникативной цели. Модальность, принадлежащая к числу основных категорий естественного языка и являющаяся языковой универсалией, позволяет говорящему не только выражать свое отношение к высказыванию и заключать в него необходимое значение [Балли 2001; Языкознание 1998], но и придавать ему убедительный характер. Модальные глаголы и лексико-грамматические формы выражения модальности являются эффективными инструментами реализации эмотивной и персуазивной функций языка.

В персональном (личностно-ориентированном) дискурсе[1] модальные глаголы помогают говорящему отразить в высказывании его личные побуждения, наделить речь эмоциональным характером, продемонстрировать определенную степень вовлеченности в ситуацию общения. Однако, если в персональном дискурсе указанная функциональность модальных глаголов чаще позволяет говорящему выразить свое отношение к ситуации, то в институциональном общении модальные глаголы могут осознанно использоваться говорящим для воздействия на собеседника. Умелое использование модальных глаголов в институциональном англоязычном общении может не только оказать необходимое эмоциональное воздействие на реципиента, но и поменять его посткоммуникативное поведение, что является необходимым инструментом достижения успеха в мире бизнеса и политики. Например, в деловой коммуникации модальность, наряду с другими технологиями персуазивного воздействия[2],

[1] С точки зрения социолингвистики дискурс подразделяется на два основных типа: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный [Карасик 2000].

[2] Персуазивность – это форма взаимодействия индивидов, отличающаяся тем, что, предоставляя информацию, говорящий пытается убедить собеседников пересмотреть свое отношение к проблеме или изменить их посткоммуникативное поведение, при этом оставляя им свободу выбора [Perloff 2003, с. 8]. Несмотря на то, что и персуазивность, и воздействие подразумевают оказание определенного влияния на собеседника, существует разница между данными понятиями (воздействие ≠ персуазивость). Воздействие следует воспринимать как общий термин, подразумевающий оказание влияния на собеседника [Лебедева, Романова 2018].

позволяет создать корпоративный имидж, придать высказыванию более убедительный характер, оказывается функционально значимой во время принятия решений.

Согласно традиционной классификации, существует три базовых вида модальности суждений: деонтическая, динамическая и эпистемическая [Frawley 2006]. По мнению Ф. Р. Палмера, «деонтическая модальность включает такие значения, как долженствование и разрешение (языковые функции), в то время как динамическая модальность относится к возможностям и воле самого говорящего» [Palmer 1986, с. 9]. Эпистемическая модальность входит в структуру субъективной модальности и передает оценку знания говорящим возможности существования связи между объектом предикации и его признаком[1].

В данной статье мы будем рассматривать некоторые деонтические, динамические и эпистемические модальные глаголы, которые представляют интерес с точки зрения воздействия на собеседника. Для того чтобы побудить собеседника к совершению действия, говорящие часто используют деонтические модальные глаголы, выражающие долженствование или обязательство (obligation). Глаголы *should*, *ought to* и *need* обычно относят к слабому типу долженствования, а *must* и *have to* – к сильному [Silk 2017].

1. I ought to help the poor. In fact, I must [Silk 2017].
2. I should help the poor, but I don't have to [Silk 2017].
3. You have to obey the law and act ethically at all times [Allison, Townend, Emmerson 2009, с. 101].
4. You must follow our guidelines on how to use the vehicle at all times [Allison, Townend, Emmerson 2009, с. 101].

Использование модального глагола *must* в значении долженствования не характерно для институционального дискурса. В ситуациях институционального общения говорящие используют модальный глагол *have to*, указывающий на необходимость действия, а также *should*, *ought to* и *need*, чтобы звучать более дипломатично, тактично

[1] *Киселева А. В.* Эпистемическая модальность и средства ее выражения в русском и английском языках. URL: pglu.ru/upload/iblock/5c8/epistemicheskaya-modalnost-i-sredstva-ee-vyrazheniya-v-russkom-i-angliyskom-yazykakh.pdf

или даже создавать ложное впечатление сокращения дистанции, тем самым добиваясь расположения аудитории:

5. ...we ***have to*** say it loud: Islam is the problem. We ***have to*** ask if there can ever be such a person as a British Muslim? (*Ashley Mote*) [Boicu 2007, с. 10].

В примере (5) политик Эшли Моут использует модальный глагол *have to*, подчеркивая вынужденный характер высказывания. *Have to* позволяет политику снять с себя ответственность за высказываемое суждение, выразить солидарность, сделать высказывание менее категоричным. Как известно, *must* выражает мнение / установку самого говорящего и, с точки зрения воздействия, не всегда эффективен, так как демонстрация и тем более навязывание собственного мнения чаще вызывает эффект противоположный желаемому. В данном контексте глагол *must* звучал бы обязывающе и мог бы вызвать у аудитории нежелательные негативные эмоции, тем самым разрушив эффект воздействия. Перевод примера (5) с использованием глагола *have to* и *must* подтверждает вышесказанное:

> ...we ***have to*** say it loud: Islam is the problem. We ***have to*** ask if there can ever be such a person as a British Muslim? – *Мы* ***вынуждены*** *произнести это вслух: ислам является проблемой. Нам* ***приходится*** *задаться вопросом: кто такой британский мусульманин?*
>
> ...we ***must*** say it loud: Islam is the problem. We ***must*** ask if there can ever be such a person as a British Muslim? – *Мы* ***обязаны*** *произнести это вслух: ислам является проблемой. Мы* ***должны*** *задаться вопросом: кто такой британский мусульманин?*

Использование модального глагола *have to* смягчает звучание высказывания; *have to say* может быть перифразировано следующим образом: *законы морали заставляют нас произнести это вслух* [Boicu 2007, с. 10].

Деонтический *should* также делает речь этичной и уважительной по отношению к аудитории, но при этом не менее убедительной. *Should* выражает долженствование, которое воспринимается реципиентом скорее как рекомендация, чем установка:

6. And with a strong and a fair economy, we will invest in our vital public services, give people dignity and security in old age with annual increases in the state pension and invest in keeping our country safe…retaining

> Trident, increasing the defence budget and backing the finest police and intelligence services anywhere in the world. For keeping our country safe ***should be*** the number one priority for any Prime Minister and any Government (*Theresa May*) (*blogs.spectator.co.uk/2017/06/theresa-mays-strong-leadership-speech-full-transrcipt/*)

Данный пример – фрагмент публичного предвыборного обращения Терезы Мэй, премьер-министра Великобритании. Свои предвыборные обещания, касающиеся безопасности страны, Тереза Мэй завершает предложением:

> Keeping our country safe ***should be*** the number one priority for any Prime Minister and any Government.

Она осознанно выбирает глагол *should* вместо *must*, так как не хочет звучать пафосно и авторитарно. Если бы Мэй использовала *must*, то в глазах избирателей она поставила бы себя выше любого премьер-министра, рассуждая, что человек, занимающий такую должность, обязан выполнять, а что нет. Аудитория могла бы воспринять фразу *For keeping our country safe must be the number one priority for any Prime Minister and any Government* как самоуверенное позиционирование своего авторитета, что могло бы сместить баланс персуазивного убеждения в сторону манипулирования.

Рассмотрим еще один деонтический модальный глагол, который употребляется в значении должествования, – *shall*. Несмотря на то, что в современном английском языке частотность использования *shall* в данном значении довольно низкая (особенно в персональном дискурсе), в институциональном дискурсе он указывает на обязательства, невыполнение которых может привести к санкциям [Garner 1995, с. 940–941], что свидетельствует о непререкаемости данных обязательств. В институциональном дискурсе *shall* обладает высоким потенциалом воздействия, так как его использование прежде всего означает, что говорящий обладает соответствующим положением (P+), т. е. занимает властную позицию по отношению к слушателю. Неотвратимость «наказания» в случае невыполнения обязательства, способна вызвать беспрекословное выполнение обязательства. Однако данный тип воздействия нельзя относить к персуазивному, так как свобода выбора исполнителя в данном случае существенно ограничена. Ниже представлены примеры использования *shall*.

7. The following points ***shall*** be mentioned. – *(Обязательно) должны быть упомянуты следующие вопросы* (*urikor.net/eng_course/lsn021.html*).

8. No member of the association ***shall*** remove official documents from these premises without written permission. – *Никому из членов ассоциации не дозволено выносить официальные документы за территорию без письменного разрешения* [Vince 2009].

Если в примере (7) глагол *shall* заменить на *should*, то предложение будет носить рекомендательный характер:

9. The following points ***should*** be mentioned. – *Следовало бы упомянуть следующие вопросы* (*urikor.net/eng_course/lsn021.html*).

В институциональном дискурсе глагол *shall* используется при постановке задач, составлении деловых контрактов, ведении деловой переписки. В рамках перечисленных жанров данный модальный глагол звучит однозначно и непререкаемо, что исключает возможность неправильной трактовки полученной информации. Следующий пример иллюстрирует фрагмент делового контракта:

10. *Minimum age*: Workers under the age of 16 shall not be employed.
    Working hours: Workers shall work a maximum of 12 hours consecutively.
    Breaks: Workers shall have a break of at least 30 minutes every four hours.
    Safety: All manufacturing machines shall be fitted with appropriate guards and these shall be used at all times.
    Accommodation: Company accommodation shall provide a minimum of six square metres of personal space per worker [Allison, Townend, Emmerson 2009, с. 93].

Деонтический глагол *must* в значении долженствования также не всегда носит персуазивный характер, поскольку в некоторых ситуациях звучит слишком навязчиво. Реципиент может почувствовать, что его мнение и предпочтения не имеют значения, что снижает эффект персуазивного воздействия. Например, в общении между родителями и подростками не рекомендуется использовать *must*, так как вероятность негативной ответной реакции в таком типе дискурса значительно возрастает. Рассмотрим неудачный пример использования

деонтического глагола *must* в значении должествования в институциональном дискурсе:

11. It is healthcare itself that ***must*** be brought under control if we are to keep our Medicare bills from overwhelming the next generation (*Mitt Romney*) (*urikor.net/eng_course/lsn021.html*).

В данном предложении *must* может быть воспринят реципиентом как выдвижение ультиматума, даже несмотря на пассивную конструкцию *must be brought*, которая делает фразу менее личностно-ориентированной. Высказывание (11) прозвучало в речи американского политика Митта Ромни, кандидата в президенты США на выборах 2012 г. от Республиканской партии. Ромни не смог одержать победу в предвыборной кампании.

Однако в современной коммуникации выступления политиков продуманы и построены таким образом, чтобы сделать *must* эффективным средством воздействия: обычно такой эффект достигается, когда *must* используется в сочетании с другими технологиями персуазивности, компенсирующими ультимативный характер модального глагола, и, что не менее важно, в уместном контексте. В этом случае у реципиента не создается впеатление, что на него оказывают давление или манипулируют им. В таких случаях *must* звучит убедительнее, чем другие модальные глаголы этой группы. В институциональном дискурсе модальный глагол *must* часто используется в сочетании с личным местоимением *we* (тактика включения «Свой круг»), в этом случае *must* приобретает характер убеждения, а не принуждения к действию. Сравним фрагменты предвыборных выступлений Дональда Трампа и Хиллари Клинтон:

12. To make life safe for all of our citizens, we ***must*** also address the growing threats from outside the country. We are going to defeat the barbarians of ISIS and we're going to defeat them fast.

    Finally, ***we must*** think big and dream even bigger. In America, we understand that a nation is only living as long as it is striving.

    To make life safe for all our citizens, ***we must*** also address the growing threats from outside the country.

    To protect us from terrorism, we need to focus on three things. ***We must*** have the best, absolutely the best gathering of intelligence anywhere in the world. The best. ***We must*** abandon the failed policy of nation building and regime change that Hillary Clinton pushed in Iraq,

in Libya, in Egypt and in Syria. Instead, ***we must*** work with all of our allies who share our goals of destroying ISIS and stamping out Islamic terrorism and doing it now, doing it quickly. We're going to win (*Donald Trump*) (*en.wikiquote.org/wiki/Mitt_Romney*).

13. If you believe that companies ***should*** share profits with their workers, not paid executive bonuses, join us. If you believe the minimum wage ***should*** be a living wage and no one working full time should have to raise their children in poverty – join us. If you believe that we ***should*** say "no" to unfair trade deals, that we ***should*** stand up to China, that we ***should*** support our steelworkers and autoworkers and homegrown manufacturers, join us. If you believe we ***should*** expand Social Security and protect a woman's right to make her own heath care decisions, join us (*Hillary Clinton*) (*apps.bostonglobe.com/graphics/2016/07/convention-speeches/#cat-4--clinton*).

В речи Дональда Трампа преобладает глагол *must* в сочетании с местоимением *we*, в то время как Хиллари Клинтон использует *should* в сочетании с местоимением *we*. Таким образом Клинтон пытается сделать свою речь более тактичной, но в то же время убедительной за счет использования других технологий персуазивности, таких как параллельные конструкции, повтор и сложноподчиненные предложения с придаточным условия. Известно, что высказывания Д. Трампа обладают большим воздействием на аудиторию, и как раз грамотное построение выступлений способствовало его победе на президентских выборах в борьбе с Клинтон. Следует отметить, что многочисленные повторы модального глагола *must* в сочетании с местоимением *we* являются одним из приемов, которыми Д. Трамп активно пользовался для того, чтобы должным образом воздействовать на публику.

Тереза Мэй также использовала глагол *must* в комбинации с личным местоимением *we* и *our* в своих предвыборных выступлениях:

14. The Conservative Party has always understood that a strong economy is the foundation for everything else. If we are to have the prosperity, security and quality of life that we want, ***we must*** first ensure we have an economy that is robust. This belief in sound money and fiscal credibility is in the core of our DNA as a Party. And as we face up to the challenge of leaving the European Union, it is even more important today...Yet despite the progress we have made in recent years and the successes we have enjoyed, we must do more to respond to the changing threat to

our country and our way of life. But as the threat evolves, ***our*** response ***must*** do so too. We cannot go on as we are. Enough is enough. ***We must*** do more – much more – to take on and defeat the evil ideology of Islamist extremism that preaches hatred, sows division, and promotes sectarianism (Theresa May) (*apps.bostonglobe.com/graphics/2016/07/convention-speeches/#cat-4--clinton*).

Использование местоимений *we* и *our* создает иллюзию включения в «свой круг», что одновременно и льстит аудитории, и располагает ее к себе. Соответственно, в таком окружении *must* звучит, как общий вызов, что не только убеждает, но и объединяет.

Рассмотрим модальный глагол *will* как средство персуазивного воздействия. В институциональном дискурсе *will* может быть отнесен к группе деонтических глаголов, так как выражает долженствование, являющееся следствием контрактных обязательств (a contractual obligation) [Bryan 1995, с. 777]. В этом случае говорящий дает официальное обещание, которое обязуется исполнить в будущем [Tushar 2010]. Различие между *will* и *shall*[1] заключается в том, что *shall* ориентирует обязательство / долженствование на потенциального собеседника, в то время как *will* – на самого говорящего [там же]. В случае необходимости воздействия на аудиторию осознание различий между глаголами *will* и *shall* может стать эффективным средством убеждения, так как замена одного глагола на другой может сместить акцент с говорящего на собеседника или наоборот, не меняя при этом сути самого высказывания. Глагол *will* часто встречается в предвыборных выступлениях политиков, которые дают предвыборные обещания, говоря о том, что они собираются изменить или улучшить в стране:

15. And thanks to our careful stewardship of the economy, debt is about to start falling too. So the Government I lead ***will carry*** on with the job, getting the country back to living within its means – because a strong economy is the basis of our security as a nation… Our money… so we no longer pay huge sums to the European Union every year but spend

[1] Иногда модальный глагол *will* ошибочно употребляется вместо *shall*. *Will* можно отнести динамическому модальному глаголу, выражающему желание говорящего осуществить свою способность что-то сделать (Dynamic Volitive category): *John will do it for you. – Джон желает сделать это для тебя* [Palmer 2001].

that money on our priorities here at home. Things like the new Shared Prosperity Fund we ***will*** put in place to reduce the inequalities that exist within, and between, the four nations of our United Kingdom (Theresa May) (*blogs.spectator.co.uk/2017/06/theresa-mays-strong-leadership-speech-full-transcript/*).

Из данных примеров видно, что глагол *will* можно отнести одновременно к деонтической и динамической группе, так как, с одной стороны, он выражает желание политика Т. Мэй осуществить действия, а с другой – указывает, что говорящий берет на себя ответственность за данное обязательство. Это позиционирует его как ответственную личность в глазах публики. Интересно отметить, что когда Т. Мэй упоминает в том же выступлении предвыборные обещания своего соперника из оппозиционной партии Джереми Корбина, то вместо модального глагола *will* используется *would*:

16. We know a little of what Jeremy Corbyn ***would*** do. He openly says he ***would*** throw all of our work away on day one by scrapping our White Paper, without having any idea what he ***would*** put in place instead. He says he wants tariff-free access to the EU, but cannot say if he wants to remain a member the single market – and with it, remain subject to the rulings of the European Court and to European free movement rules… But we do know something that Jeremy Corbyn says he ***would*** do on day one. He ***would*** throw away our negotiating position at a stroke by rejecting the very idea of walking away with no deal (Theresa May) (*blogs.spectator.co.uk/2017/06/theresa-mays-strong-leadership-speech-full-transrcipt/*).

Несмотря на то, что глагол *would* также имеет значение намерения / обещания сделать что-либо, по сравнению с глаголом *will* он звучит менее уверенно, словно выражает сомнение Т. Мэй по поводу того, что Д. Корбин действительно может осуществить перечисленное или что его обещания будут успешны.

В заключение следует сказать, что модальные глаголы могут поразному воздействовать на реципиента. Однако тип дискурса (персональный, институциональный), ситуация общения, ряд сопутствующих социолингвистических факторов, тип отношений между коммуникантами и, что более важно, их цели / намерения имеют ключевое значение при выборе модального глагола. Модальные глаголы могут быть использованы в качестве технологий персуазивности

в персональном и институциональном дискурсе. Различные оттенки значений, которые они могут передавать, позволяют говорящему не только убедить публику в своей правоте, но и преподнести информацию в выгодном свете, усиливая эффект сказанного, или наоборот, смягчая, высказывание, если это необходимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М. : Едиториал УРСС, 2001. 416 с.

Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 180 с.

Карасик В. И. О типах дискурса / Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Лебедева И. С., Романова И. Д. Персуазивность, манипуляция, лингвистическое принуждение в бизнес-коммуникации // Вопросы прикладной лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 30–45.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Allison J., Townend J., Emmerson P. The Business Upper-Intermediate Student's Book. MacMillan, 2009. 143 p.

Boicu R. Modal verbs and politeness strategies in political discourse // MPRA. Paper No. 45913. University of Bucharest, Faculty of Journalism and Communication Studies, 2007. 18 p. URL : mpra.ub.uni-muenchen.de/45913/

Garner B. A. A Dictionary of Modern Legal Usage. 2d ed. Oxford University Press, 1995. 953 p.

Frawley W., Eschenroeder E., Mills S., ThaonNguyen. The expression of modality. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. 268 p.

Frawley W. Linguistic Semantics. Hillsdale, New Jersey : Erlbaum, 1992. 552 p.

Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge University Press, 2001. 236 p.

Silk A. Weak and Strong Necessity Modals or: On linguistic means of expressing "a primitive concept ought" // Conference Proceedings. 2017. URL : www-personal.umich.edu/~asilk/Alex_Silk/home_files/silk%20ought%20must.pdf

Tushar Kanti Saha. Textbook on Legal Methods, Legal Systems and Research. New Delhi : Universal Law Publishing Co. Pvt. Ltd., 2010. 225 p.

Vince M. Advanced Language Practice. London : MacMillan, 2009. 352 p.

УДК 070.447

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики
и истории английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: bestgrammar@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА «ТВИТТЕРА»

В статье рассматриваесят синтаксический аспект политического медиадискурса «Твиттера», существующего в рамках интернет-платформы «Твиттера» и направленного на продвижение определенной идеологии и установки. Медиатексты «Твиттера» являются мощным средством воздействия на массовую аудиторию, одновременно отражая действительность и созидая новую медиареальность в интересах доминирующей идеологии. «Твиттер» использует разнообразные языковые средства для реализации воздействующей функции и достижения максимального перлокутивного эффекта. Статья описывает синтаксические характеристики твит-сообщений американского президента Д. Трампа как наиболее яркий пример политических медиатекстов.

Ключевые слова: политический медиадискурс; политические медиатексты «Твиттера»; синтаксические характеристики политических твит-сообщений.

T. R. Vanko

PhD, Assoc. Prof., Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: bestgrammar@yandex.ruT

THE TWITTER POLITICAL MEDIA DISCOURSE SYNTAX

The article studies syntactic features of the Twitter media discourse used on Twitter internet platform and aimed at promoting a certain ideology. Twitter media texts are a powerful means of influencing the public opinion. They express the interests of predominant ideology. The article describes syntactical structures used in Twit-messages of Donald Tramp Twit-account.

Key words: political media discourse; Twitter political media texts; syntax aspect of political twit-messages.

Появление в конце XX в. таких дигитальных технологий, как компьютер и Интернет, привело к развитию нового вида коммуникации между людьми, называемой компьютерно-опосредованной коммуникацией (*англ*. computer-mediated communication), или интернет-коммуникацией, представленной большим количеством гипержанров (сайт, блог, социальная сеть, электронная библиотека), жанров (электронное письмо, чат, рекламный баннер, форум, пост и комментарий

в блогах) [Рогачева 2011]. Интернет-коммуникация приобрела большую значимость в деловой, образовательной, научной и личной сферах жизни каждого человека и, соответственно, привлекла внимание исследователей, которые стремились описать базовые характеристики интернет-коммуникации в целом, либо изучали отдельные жанры. Особо подчеркивается увеличение доли политической интернет-коммуникациии, ее влияние на все политические процессы как в местном, так и в глобальном масштабе [Горошко, Павлова 2015, с. 122]. Недостаточная изученность лингвистических, в частности, синтаксических особенностей политического медиадискурса англоязычного «Твиттера» и обусловила выбор темы нашей статьи. Целью работы является анализ синтаксических характеристик англоязычного политического медиадискурса «Твиттера».

Твиттинг как жанр интернет-коммуникации обеспечивает общение с помощью интернет-сервиса «Твиттер». «Твиттер» (Twitter) (от *англ*. tweet «чирикать», «щебетать», «болтать») это бесплатная социальная сеть, представляющая собой систему микроблогов, с помощью которой пользователи отправляют короткие текстовые сообщения (до 140 символов), используя веб-интерфейс, SMS, службы мгновенных сообщений или сторонние программы-клиенты. Отличительная особенность «Твиттера» – это публичная доступность размещенных сообщений.

Неоднократно делались попытки описать жанр твиттинга. Так, Е. И. Горошко и Т. П. Полякова проводят фонетико-графический, лексический, морфологический и синтаксический анализ 100 англоязычных сообщений «Твиттера» повседневной тематики, отобранных методом случайного отбора англоязычных профилей подписчиков данного сервиса [Горошко, Полякова 2011, с. 54]. Описывая «Твиттер» на синтаксическом уровне, исследователи указывают, что здесь проявляются признаки как устной, так и письменной речи. В сообщениях, по их наблюдениям, можно встретить как полные предложения, так и неполные (когда собеседники говорят о чем-то уже известном, упомянутом ранее). Текст сообщения может варьироваться от одного до трех предложений. Встречаются, в основном, односоставные предложения, хотя нередки случаи использования двусоставных развернутых предложений. Порядок слов в большей части вопросительных предложений сохранен. Преобладают повествовательные

предложения. Исследователи считают, что данному жанру интернет-коммуникации присуща устно-письменная форма речи с большим тяготением к ее письменному варианту. Употребление лингвистических средств зависит от личности коммуниканта, его образования, а также от целей, которые он ставит перед собой, общаясь в «Твиттере». Авторы подчеркивают предварительный характер сделанных ими выводов и указывают на необходимость их уточнения [Горошко, Полякова 2011, с. 57]. Кроме того, проведенный анализ касался повседневных сообщений «Твиттера» на бытовые темы, и не затрагивал политических медиатекстов.

Политический медиадискурс сегодня считается одной из важнейших сфер речеупотребления [Добросклонская 2012]. Медиадискурс считается политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: автор, адресат или содержание [Шейгал 2000, с. 45]. Стремительное развитие информационных технологий вызвало активную медиатизацию политических коммуникаций, что проявилось в широком использовании средств массовой информации в качестве трибуны для политических дебатов и дискуссий. Современные политики стремятся максимально приблизиться к своему электорату при помощи новейших информационных технологий, реализуемых в виртуальном информационном пространстве Интернета. По мнению ученых, в настоящее время СМИ не ограничиваются простым описанием политических событий: в условиях информационного общества массмедиа выступают активными участниками политических процессов, выстраивают собственную политическую медиареальность [Добросклонская 2012, с. 751]. Функционирование СМИ имеет целью не столько отражение действительности, сколько ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующие созданию определенного идеологического фона. Перенос политической активности в сферу массмедиа привел к медиатизации политики, т. е. к большей зависимости политической жизни от того, насколько полно и каким образом ее участники и события освещаются и интерпретируются СМИ. Имиджевый потенциал СМИ огромен. Сам факт упоминания события или персоны в СМИ говорит об их значимости. СМИ могут создать политика, упрочить его репутацию, а могут его и уничтожить [Добросклонская 2012, с. 766; Андрющенко 2013]. Т. Г. Добросклонская подчеркивает, что внедрение цифровых медиатехнологий, позволяет мгновенно

распространять сообщения на миллионные аудитории в разный странах, что многократно увеличивает персуазивные возможности СМИ, так как приводит к росту числа участников политического процесса [Добросклонская 2012, с. 769].

Некоторые исследователи говорят о «политическом Интернете», имея в виду сектор коммуникативного пространства Сети, функционирующий по принципу интерактивности и объединяющий многообразие дискурсивных политических практик, используемых политическими субъектами для информирования граждан, оказания на них воздействия, мобилизации целевой аудитории в свою поддержку и вовлечения ее в диалог с целью выработки и принятия совместных политически значимых решений посредством Интернета [Горошко, Павлова 2015, с. 125]. Интернетизация политики повлекла за собой изменения в политической коммуникации, реализуемой с помощью интернет-технологий, и в языковых процессах, происходящих в Интернете. В результате функционирование текстов в интернет-среде и их структурные характеристики стали предметом исследования лингвистов. Они изучали гиперструктуру текста интернет-коммуникации [Дедова 2006; Компанцева 2008], его стилистические [Гульшина 2006], психолингвистические [Горошко 2009], культурологические [Смирнов 2004], коммуникативные [Кобрин 2015; Кобрин 2016] свойства, предпринимали попытку типологической классификации медиатекстов [Горошко, Павлова 2015] и описания влияния социальных медиа на форму презентации новостного дискурса на телевидении [Демина 2018].

Стремительное развитие новых видов социальных медиа оказывает влияние на медиакоммуникацию, на язык медиакоммуникации, который стремится выйти за рамки традиционного публицистического медиадискурса. Появление различных медиатекстов социальных медиа (блоги, микроблоги, видеоблоги и т. д.) требует, по мнению исследователей, детального изучения характеристик медиатекста [Кобрин 2015, с. 95]. Медиатекст при этом определяется как информационный и воздействующий институциональный дискурс, в котором отражены технологии, используемые для его производства и распространения, и который принимает свойства информационно-коммуникативной среды: интерактивность, модульность, дигитальность, гипертекстуальность, конвергенцию [Горошко, Павлова 2015, с.125].

В условиях всевозрастающего влияния социальных сетей на медиакоммуникацию в общем и на медиакоммуникацию в политической сфере, в частности исследование этого явления становится актуальным. Так, Н. В. Кобрин рассматривает медиатексты «Твиттера» в когнитивном аспекте как средство когнитивного отражения действительности в процессе коммуникации с целью определить стратегии речевого воздействия на аудиторию со стороны американских политиков посредством «Твиттера» [Кобрин 2016]. Автор описывает жанрообразующие языковые средства и приемы речевого воздействия политических медиатекстов «Твиттера» на примере твиттер-аккаунтов самых популярных в 2012 г. политических деятелей США. Сосредоточив свое внимание на когнитивном аспекте политического медиадискурса Твиттера, Н. В. Кобрин считает, что он воздействует на знания, мнения и ценностные установки адресата, формирует знания, образы и отношения у членов общества, побуждает к определенным реакциям или отношению к действию с помощью типов информации, т. е. в когнитивном аспекте, а также с помощью языковых средств [Кобрин 2016, с. 4]. По мнению исследователя, политический медиадискурс «Твиттера» – это коммуникативное явление, направленное на борьбу за власть и влияние путем формирования общественного мнения при помощи медиатекста. «Твиттер» является формой объединения виртуальных коммуникантов для совместных социальных целей и для получения информации об окружающем мире и о событиях личного характера [Кобрин 2016, с. 5]. Будучи социокоммуникативным жанром, «Твиттинг» имеет жанрообразующие структурные и стилистические особенности. Как социальные медиа «Твиттер» характеризуется доступностью и простотой публикации контента, легкостью поиска и индексации информации, содействием с обществом, заразительностью, контактностью, скоординированностью и отвлеченностью [Кобрин 2016, с. 9]. К когнитивным особенностям политического медиадискурса «Твиттера» Н. В. Кобрин относит идеологичность, информативность, интенциональность, медиамасс-ориентированность, национально-культурную специфику, субъективность и полифоничность [Кобрин 2016, с. 10]. При виртуальной коммуникации в «Твиттере» определяющим фактором коммуникативного взаимодействия является экономия усилий отправителя и получателя информации. Медиатекст по своей природе диалогичен. Говоря о языковых

характеристиках политического медиадискурса «Твиттера», Н. В. Кобрин рассматривает лишь лексико-морфологические и графические черты. Интерес представляет ее наблюдение, что, в отличие от других медиатекстов «Твиттера», в которых намеренно нарушаются правила пунктуации в целях экономии, политические медиатексты максимально следуют принятым нормам пунктуации, однако всегда эмоционально окрашены, всегда четко прослеживается цель – завоевать голоса сторонников [Кобрин 2016, с. 23].

Вопросам пунктуации твит-сообщений на бытовую тематику посвящена статья И. В. Тырон, выводы которого о широком использовании средств экспрессивной пунктуации, однако, не затрагивают сферу политических медиатекстов Твиттера [Тырон 2013].

Итак, как видно из вышесказанного, синтаксический аспект политического медиадискурса «Твиттера» недостаточно изучен, так как анализ синтаксиса «Твиттера» проводился на материале бытовых сообщений [Горошко, Полякова 2011], либо ограничивался рассмотрением графических и пунктуационных характеристик [Кобрин 2016; Тырон 2013].

Целью нашего анализа являлось уточнение синтаксических характеристик политических медиатекстов «Твиттера» на базе материалов твит-сообщений американского президента Дональда Трампа от 1–13 февраля 2018 г. Необходимо уточнить, что мы придерживаемся определения политического медиадискурса «Твиттера» как лингвополитического действия, развивающегося в рамках платформы «Твиттера» и направленного на продвижение определенной идеологии и установки [Кобрин 2015, с. 95].

50 медиатекстов для анализа были отобраны методом сплошной выборки с официального портала: Donald J. Trump (@realDonaldTrump) (*twitter.com/realdonaldtrump*).

Как показал наш анализ, общее количество предложений в медиатекстах твит-аккаунта американского политика варьируется от одного предложения до пяти. Наиболее частотны в отобранном материале медиатексты, содержащие два или три предложения, что составило, соответственно, 36 % и 32 % всего материала. Остальные медиатексты обладают приблизительно равной частотностью. 14 % составили твит-сообщения состоящие из одного предложения, 10 % – состоящие из четырех предложений и 7 % – состоящие из пяти предложений.

Последние являются наименее частотными, что можно объяснить ограничениями по количеству слов в сообщениях «Твиттера».

Нами были изучены коммуникативные типы предложений, зафиксированных в сообщениях «Твиттера» Д. Трампа. Повествовательные и восклицательные предложения преобладают и практически одинаково частотны: повествовательные предложения встретились в 49 %, а восклицательные – в 46 % всех предложений. Вопросительные предложения употребляются редко (5 % случаев). Наши данные о типичности восклицательных предложений для политических сообщений «Твиттера» совпадают с выводами исследователей об экспрессивности синтаксиса «Твиттера» [Тырон 2013]. Использование восклицательных знаков позволяет подчеркнуть наиболее важные элементы твит-сообщения, выразить свое мнение, отношение, оценку события в эмоциональной форме, что усиливает перлокутивный эффект. В нашем материале восклицательные предложения выражают оценку политических событий. Например, в твит-сообщении от 3 февраля 2018 г. завершающее его восклицательное предложение в экспрессивной форме аккумулирует обличительную позицию Д. Трампа по поиску «русского следа» во время президентских выборов. Д. Трамп утверждает, что не было никакого сговора или нарушения во время выборов и называет это «охотой на ведьм», а также американским позором (здесь и далее орфография и пунктуация автора).

> Donald J. Trump @realDonaldTrump
>
> This memo totally vindicates “Trump” in probe. But the Russian Witch Hunt goes on and on. Their was no Collusion and there was no Obstruction (the word now used because, after one year of looking endlessly and finding NOTHING, collusion is dead). This is an American disgrace! (*twitter.com/ Donald J. Trump 03.02.2018*).

Восклицательные предложения используются в твит-сообщениях политика не только для повышения экспрессивности оценки, но и в равной степени для прямого побуждения к действию. В своем твит-сообщении от 10 февраля 2018 г. президент призывает голосовать за республиканцев:

> Donald J. Trump @realDonaldTrump
>
> Republicans want to fix DACA far more than the Democrats do. The Dems had all three branches of government back in 2008–2011, and they decided

not to do anything about DACA. They only want to use it as a campaign issue. Vote Republican! (*twitter.com/Donald J. Trump 10.02.2018*)

Кроме того, Д. Трамп употребляет восклицательные предложения в своих твит-сообщениях для придания дополнительной выразительности высказываниям, как, например, в следующем сообщении, где он с гордостью говорит о снижении уровня безработицы в стране, восклицательный знак иллюстрирует чувство восторга и удовлетворения результатами:

Donald J. Trump @realDonaldTrump

Jobless claims have dropped to a 45 year low! (*twitter.com/Donald J. Trump 10.02.2018*).

Итак, по результатам нашего анализа можно сделать предварительные выводы о том, что характерной чертой политического медиадискурса является насыщенность восклицательными предложениями, служащими для придания большей экспрессивности, эмоциональности высказываемой оценке политических событий, прямому побуждению к действию или акцентуации и большей убедительности описываемым событиям.

Повествовательные предложения, наряду с восклицательными, составляют основу текстов твит-сообщений политического медиадискурса Д. Трампа, в то время как вопросительные предложения крайне редки (5% материала) и являются риторическими вопросами, служащими для констатации очевидного факта или оценки и не требующими ответа. Такие вопросительные предложения усиливают эффект воздействия и способствуют выражению мнения и оценки [Добросклонская 2012, с. 781]. Например, в твит-сообщении от 10 февраля 2018 г. Д. Трамп высказывает свое возмущение по поводу измышлений и их влияния на жизнь людей, а свой вывод об отсутствии должного процесса он выражает в форме заключительного вопросительного предложения.

Peoples lives are being shattered and destroyed by a mere allegation. Some are true and some are false. Some are old and some are new. There is no recovery for someone falsely accused – life and career are gone. Is there no such thing any longer as Due Process? (*twitter.com/Donald J. Trump 10.02.2018*)

По структуре подавляющее большинство предложений в твит-сообщениях Д. Трампа являются сложными (63 %). Простые предложения встречаются в два раза реже (37 %). В нашем материале сложноподчиненные структуры встречаются в два раза чаще сложносочиненных. Наблюдается богатый спектр типов придаточных предложений: определительные, дополнительные, времени, условия, подлежащные, причины и сравнительные. Согласно нашим статистическим данным, наиболее типичными являются сложноподчиненные предложения с придаточными определительными (29 %), которые могут вводиться союзами и союзными словами *who*, *whose*, *which*, *that* или бессоюзно. Например, следующее твит-сообщение из аккаунта Д. Трампа от 11 февраля 2018 г. содержит сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, вводимым союзным местоимением *whose*, которое описывает низкий рейтинг современных американских медиа, лишившихся доверия людей.

> So many positive things going on for the U.S.A. and the Fake News Media just doesn't want to go there. Some negative stories over and over again! No wonder the People no longer trust the media, whose approval ratings are correctly at their lowest levels in history! (*twitter.com/Donald J. Trump 11.02.2018*)

Сложноподчиненные предложения с дополнительными придаточными, вводимыми союзом *that*, союзным местоимением *what* или бессоюзно, занимают второе место по частотности использования (24 %). Например:

> The Budget Agreement today is so important for our great Military. It ends the dangerous sequester and gives Secretary Mattis what he needs to keep America Great… (*twitter.com/Donald J. Trump 08.02.2018*).

Придаточные времени занимают третье место по частотности употребления в сложноподчиненных предложениях в аккаунтах Д. Трампа. Придаточные времени в нашей выборке вводятся союзами *when, as, as long as, while*. Например:

> …Will be planning infrastructure and discussing immigration and DACA, not easy when we have no support from the Democrats… (*twitter.com/Donald J. Trump 01.02.2018*).

Другие типы придаточных: условия, подлежащные, причины и сравнения, не характеризуются высокой частотностью использования в

твит-аккаунтах Д. Трампа. Имеет место также употребление сложных по структуре предложений с несколькими типами придаточных, что характерно для письменной речи. Например:

> The Democrats sent a very political and long response memo which they knew, because of sources and methods (and more), would have to be heavily redacted, whereupon they would blame the White House for lack of transparency (*twitter.com/Donald J. Trump 10.02.2018*).

Итак, проведенный анализ показал, что политический медиадискурс «Твиттера» Д. Трампа использует синтаксические структуры, характерные для письменной речи, что совпадает с выводами других исследователей [Горошко, Полякова 2011; Кобрин 2015].

Значительное распространение в анализируемом материале аккаунта Д. Трампа имеют эллиптические конструкции (25 %), которые, по мнению исследователей, свойственны устной речи [Иванилова 2008]. В подавляющем большинстве случаев наблюдается эллипсис подлежащего, которое, однако, легко восстанавливается из контекста и указывает на самого автора послания – Д. Трампа. Например:

> Just spoke to @JohnKasich to express condolences and prayers to all for the horrible shooting of two great police officers from @WestervillePD. This is a true tragedy! (*twitter.com/Donald J. Trump 11.02.2018*).

Наши данные о тенденции опускать подлежащее в твит-сообщениях политического содержания схожи с выводами некоторых исследователей бытовых твит-сообщений [Переверзенцева 2014]. Они считают общение в «Твиттере» проявлением особой формы разговорной речи, существующей при непосредственном отсутствии участников коммуникации. При этом принцип экономии необходим для достижения динамичности и эмоциональной напряженности. Однако в бытовых твит-сообщениях принцип экономии и направленность на активную коммуникацию привели к спонтанности письменной речи со значительным количеством нарушений грамматических и пунктуационных норм [Переверзенцева 2014, с. 86].

Наш анализ твит-сообщений Д. Трампа показал, что в политическом медиадискурсе эллипсис подлежащего используется политиком с целью экономии ввиду ограниченности сообщения (140 символов), а не для нарочитого придания сообщению разговорного оттенка. Более того, политические твит-сообщения, в отличие от бытовых,

соблюдают все грамматические и пунктуационные нормы письменной речи и употребляют большое количество сложных синтаксических структур с богатым ассортиментом типов придаточных. Н. В. Кобрин делает схожие выводы о максимальном следовании нормам пунктуации в политическом медиадискурсе [Кобрин 2016, с. 19].

Таким образом, проведенный анализ твит-сообщений аккаунта американского президента продемонстрировал тенденцию к соблюдению грамматических и синтаксических норм письменной речи. Политический аккаунт Д. Трампа изобилует восклицательными предложениями, используемыми для повышения экспрессивности высказываемой оценки, для прямого побуждения к действию либо для придания выразительности описанию событий. Широкое использование восклицательных предложений в политическом медиадискурсе Д. Трампа усиливает воздействие на аудиторию и способствует достижению перлокутивного эффекта. В своем политическом аккаунте Д. Трамп оперирует сложными синтаксическими структурами: сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, что также свидетельствует о принадлежности текстов твит-сообщений политического медиадискурса письменной речи. В сложноподчиненных предложениях наблюдается большое количество типов придаточных, говорящих о разнообразии описываемых связей и отношений. Обнаруженная нами высокая частотность эллипсиса подлежащего в сообщениях Д. Трампа, на наш взгляд, объясняется стремлением к экономии, а не желанием следовать законам устной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрющенко Е. А. Репрезентация образа «чужого» в англоязычном медиадискурсе : дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 194 с.

Горошко Е. И. Текст эпохи веб 2.0: психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. М. : ИЯ РАН, 2009. Вып. 9. С. 108–124.

Горошко Е. И., Павлова Л. В. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиасервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 122–136. URL : zhanry-rechi.sgu.ru/ru/node/398

Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Лингвистические особенности англоязычного Твиттера // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, сер. «Филология. Социальные коммуникации».

2011. Т. 24 (63). № 2, ч. 1. С. 53–58. URL : docplayer.ru/27558964-Lingvisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-tvittera.html.

Гульшина А. К. Лингвостилистические особенности текстов веб-сайта: проблема смыслового восприятия: на материале презентационных текстов веб-сайта : дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 155 с.

Дедова О. В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) : дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. 528 с.

Демина М. А. Интернационализация новостного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 38–49. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_792.pdf

Добросклонская Т. Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М. : Изд-во Моск. ун-та, факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 741–785.

Иванилова Е. В. Структурно-семантические особенности эллиптических предложений во французском и английском языках: (на материале франкоязычных и англоязычных художественных произведений начала XX века) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 21 с. URL : cheloveknauka.com/strukturno-semanticheskie-osobennosti-ellipticheskih-predlozheniy-vo-frantsuzskom-i-angliyskom-yazykah

Кобрин Н. В. Медиатексты Твиттера в когнитивном аспекте (на материале английского языка) : автореф. дис. …канд. филол. наук. М., 2016. 28 с.

Кобрин Н. В. Особенности политического медиадискурса Твиттера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 12. Ч. 2. С. 94–99. URL : www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/24.html

Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Луганск : Знание, 2008. 528 с.

Переверзенцева Ю. С. Лексические и синтаксические особенности английской интернет-коммуникации (на примере микроблога Твиттер (Twitter) // Приволжский научный вестник. 2014. № 9 (37). С. 84–87. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-i-sintaksicheskie-osobennosti-angliyskoy-internet-kommunikatsii-na-primere-mikrobloga-tvitter-twitter

Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2011. 252 с.

Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языке : дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 224 с.

Тырон И. В. Особенности использования средств экспрессивной пунктуации в микроблоге Твиттер (на материале англоязычных СМИ) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 5 (23). Ч. 2. С. 192–195. URL : scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_5-2_52.pdf

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 328 с. URL : www.academia.edu/9556373/%D0%A8%D0%B5%D0%B9%D0%B3%D0%B0%D0%BB_-_%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81

УДК 81'37.111

Е. А. Попова

кандидат филологических наук,
старший преподаватель каф. грамматики и истории английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: katandr25@rambler.ru

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ И КОНСТРУКЦИЯ С ПРЕДЛОГОМ «OF»: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена различиям в употреблении родительного падежа и сочетания с предлогом *of* в английском языке. Особое внимание уделяется семантике существительных, используемых в этих двух конструкциях. В работе проводится анализ рекомендаций грамматических справочников, определяющих выбор между конструкциями *N's* и *of* + *N*. Использование Британского национального корпуса английского языка позволяет выделить наиболее частотные существительные, используемые в родительном падеже, и существительные, наиболее частотные в сочетании с предлогом *of*. Проводится семантический анализ существительных, входящих в эти две группы, и выделяются общие тенденции в использовании родительного падежа и предлога *of*. В статье показано, что на выбор конструкции могут влиять следующие факторы: сдвиг в семантике слова, например, метонимический перенос; стилистические особенности текста, в котором это слово встречается; место слова в информационной структуре предложения. Таким образом, выбор между конструкциями *N's* и *of*+*N* определяется не только семантическими характеристиками существительного, но и контекстом, в котором оно встречается.

Ключевые слова: родительный падеж; одушевленные (неодушевленные) существительные; корпусные данные.

E. A. Popova

PhD (Philology), Senior lecturer, Chair of Grammar and History of English,
English Language Department, MSLU; e-mail: katandr25@rambler.ru

THE GENITIVE CASE AND THE "OF" STRUCTURE: MODERN TENDENCIES OF THEIR USE IN ENGLISH

The article investigates into the factors that determine the choice between the genitive case and the structure with the preposition *of*. Special attention is paid to the semantic properties of the nouns under study. The research contains a survey of recommendations given in grammar reference books to determine the choice between the constructions *N's* and *of* + *N*. The data from the British National Corpus provides lists of nouns most frequently used either in the genitive case or in the prepositional phrase *of* + *N*. Semantic analysis of the nouns in question is conducted and the common tendencies in their usage are traced. Among the most relevant

factors prove to be the following: changes in the meaning of the word, for example, metonymic transfers; stylistic properties of the text; the place of the word in the information structure of the sentence. Thus the choice between the constructions *N's* и *of + N* depends not only on the semantic properties of the noun, but also on the context it is used in.

Key words: the genitive case; animate (inanimate) nouns; corpus data.

Введение

Использование родительного падежа в английском языке вызывает определенные трудности у изучающих этот язык. В первую очередь проблемы возникают с выбором между формой родительного падежа N's (N') и предложным словосочетанием с притяжательным значением (N of N). Поэтому в данной статье мы хотим остановиться на факторах, обусловливающих выбор между двумя данными конструкциями.

Цели, задачи и методы исследования

На первом этапе исследования проводится анализ имеющейся литературы по данному вопросу, выделяются общие рекомендации к использованию родительного падежа и конструкции с предлогом *of*. На втором – осуществляется обработка данных Британского национального корпуса английского языка [The British National Corpus 2007]. Соответствующий запрос позволяет выделить наиболее частотные существительные, используемые в родительном падеже, а также наиболее частотные существительные в сочетании с предлогом *of*. Задачей было сравнить семантические особенности существительных, входящих в данные списки, выявить возможные факторы, влияющие на выбор конструкции. На третьем этапе проводится выборочный анализ использования одного и того же слова в родительном падеже и предложной конструкции с привлечением контекста.

Для решения поставленных задач использовались методы количественного анализа, семантического анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Основная часть

Первым этапом исследования было изучение нормативной литературы и обобщение полученных данных. Согласно большинству

современных грамматических справочников и пособий, в родительном падеже могут использоваться:

– одушевленные существительные, обозначающие людей и животных (*my sister's car*, *Jean's bicycle*);
– существительные, обозначающие организации и группы людей (*the party's platform*, *the committee's report*);
– существительные с локативным значением, например, обозначающие страны и города (*America's gold reserves*, *London's water supply*);
– существительные, обозначающие время или расстояние (*a moment's pause*, *a mile's distance*);
– названия некоторых астрономических тел (*the sun's rays*);
– некоторые существительные, обозначающие транспортные средства (*the ship's crew*, *the train's arrival*);
– некоторые темпоральные наречия (*yesterday's news*);
– в некоторых устойчивых выражениях (*at one's wits' end*, *to one's heart's content*) [Гордон, Крылова 1999, с. 265–268; Резник 2004, с. 16; Carter, McCarthy 2015, с. 361; Swan 1997, с. 376–382; Vince 2013, с. 111].

Отметим, что родительный падеж может использоваться не только для выражения отношения принадлежности (*Mary's suitcase*). Также существительное в родительном падеже может иметь агентивное значение и обозначать производителя определенного действия (*the government's decision*), или объект воздействия (*the prisoner's release*) [Гордон 1999, с. 266–267; Swan 1997, с. 380]. В ряде случаев существительное в родительном падеже может использоваться для описания предмета (*children's clothes*, *a women's magazine*) [Гордон 1999, с. 267; Swan 1997, с. 379].

Что касается конструкции с предлогом *of*, она может иметь разные значения. С одной стороны, сочетание *of* + *N* может указывать на единичность данного понятия или предмета и выступать в качестве лимитирующего определения, выражая:

– принадлежность (в широком смысле слова) (*the foot of the mountain*, *the collar of a shirt*, *the president of a club*);
– уточнение (*the city of New York*, *the position of a teacher*).

С другой стороны, сочетание *of* + *N* может допускать существование многих предметов данного характера, при этом выступая в качестве описательного определения и выражая:

– качество (a feeling of relief);
– количество или меру (*a temperature of +20°*, *a distance of 3 miles*);
– состав (*a group of children*, *a crowd of people*);
– материал, из которого сделан предмет (*a ring of gold*, *a scarf of thick wool*)[1];
– содержимое (*a cup of coffee*, *a box of matches*);
– возраст (*a boy of five*, *a man of middle age*);
– размер (*a building of enormous size*).
– сравнение (*a devil of a boy*, *an angel of a wife*) [Гордон, Крылова 1999, с. 286–287; Swan 1997, с. 379–382].

Как видим, обе конструкции (*N's* и *of* + *N*) могут использоваться для выражения принадлежности, а также количества или меры чего-либо. Однако на использование родительного падежа накладываются определенные ограничения. Отмечается, что конструкция с родительным падежом чаще используется, если существительное обозначает человека, животное, страну, организацию. В остальных случаях предпочтительна конструкция с предлогом *of* [Swan 1997, с. 382]. Также эти две конструкции не тождественны в плане их информационной структуры, так как при замене родительного падежа на словосочетание с *of* происходит смещение коммуникативного фокуса (ремы) [Салькова, Мачина 2017, с. 25].

Общая тенденция сводится к использованию родительного падежа с одушевленными существительными и предложного словосочетания с неодушевленными существительными. Однако даже в нормативных грамматиках приводятся примеры использования родительного падежа, не укладывающиеся в данную схему (*the plan's importance*) [Swan 1997, с. 382].

Разнообразие значений родительного падежа, с одной стороны, и наличие в английском языке словосочетаний типа *N of N* и *N+N* со сходными значениями, с другой – вызывают проблемы при выборе подходящей структуры.

На следующем этапе данного исследования мы опирались на данные Британского национального корпуса английского языка. Были

[1] В современном английском языке употребление в данном значении считается устаревшим. Вместо сочетания с предлогом обычно используется N + N (*a silk dress*). Однако *of* + *N* может использоваться в метафорическом значении (*a rod of iron*, *a carpet of gold*) [Swan 1997, с. 381–382].

выделены 200 наиболее частотных существительных в родительном падеже типа *N's*. Соответствующий запрос показал, что на первом месте по частотности (33,5 %) оказались существительные, обозначающие людей (*people's*, *women's*, *children's*, *man's*, *father's*, *mother's*, *child's*, *king's*, *woman's*, *Queen's*, *person's*, *husband's*, *wife's*, *patient's*, *minister's*, *girl's*, *boy's*, *tenant's*, *speaker's*, *buyer's*, *customer's*, *Duke's*, *landlord's* и др.).

На втором месте (19,5 %) оказались названия организаций и учреждений и каких-либо других общностей людей (*government's*, *company's*, *council's*, *party's*, *Labour's*, *group's*, *society's*, *club's*, *firm's*, *school's*, *bank's*, *committee's*, *university's*, *institute's* и др.).

В большинстве случаев названия учреждений использовались в метонимическом значении для обозначения работающего там коллектива (*the school's performance*, *the school's work*, *the school's suggestion*, *the bank's business*, *the Bank's policy*, *the museum's own initiatives*, *the museum's collection*). В чисто локативном значении (здание, принадлежащее организации, вместе с прилегающей территорией) эти существительные использовались значительно реже (*the museum's entrance gates*, *the museum's corridors*, *the bank's vault*, *the bank's door*, *the school's distance* (*from home*), *the school's construction*, *a church's nave arcade bay*, *the parish church's stained glass windows*).

Отметим, что не всегда можно провести четкую границу между обозначением организации, учреждения, с одной стороны, и местом (территорией или зданием), занимаемым данным коллективом – с другой. Так, если в словосочетании *church's altar* речь идет о церкви как здании, а в *church's attitude* явно говорится о церкви как общественной организации, в словосочетании *church's treasures* слово *church* может иметь как локативное значение (поскольку сокровища находятся внутри здания церкви), так и обозначать организацию (сокровища принадлежат данной церковной общине).

На третьем месте (6,5 %) оказались существительные с темпоральным значением (*week's*, *day's*, *month's*, *night's*, *season's*, *moment's*, *summer's*, *hour's*, *morning's*, *weekend's*, *winter's*, *afternoon's*).

Существительные, обозначающие географические объекты (*world's*, *country's*, *region's*, *city's*, *town's*, *island's*, *area's*), составили 4,5 %.

Названия животных составили небольшую часть от проанализированного материала – 3,5 %. Помимо родового понятия *animal*

и существительного *bird*, служащего общим названием для птиц, запрос выявил использование *lion* (в устойчивом выражении), а также названий домашних животных *dog*, *horse*, *cat*.

Затем путем соответствующего запроса выделялись существительные, наиболее частотные в словосочетании с предлогом *of*, и также проводился их семантический анализ.

В целом анализ конструкций с предлогом *of* выявил следующее. Во-первых, меняется сама семантика существительных, вовлеченных в данную конструкцию. Это вполне закономерно, так как предложные сочетания с *of*, помимо отношения принадлежности, могут выражать другие значения. Во-вторых, частотность разных семантических классов существительных меняется в зависимости от того, как задан поиск в корпусе: в сочетании с артиклем или без него.

На первом месте по частотности находятся конструкции с абстрактными существительными: 21 % словосочетаний с неопределенным артиклем (*of a problem, of a chance, of a job, of a change, of a meeting*) и 27 % словосочетаний с определенным артиклем (*of the work*, *of the war*, *of the problem*, *of the job*, *of the use*). При этом частотность сочетаний с абстрактными существительными возрастает до 60 %, если при поиске не учитывается артикль (*of interest*, *of view*, *of power*, *of humour*, *of value*, *of death*). По-видимому, это связано с использованием таких конструкций для обозначения качественных характеристик в выражениях типа *place of interest*, *sense of humour* и т. д.

На втором месте оказались неодушевленные существительные, обозначающие физические объекты либо различные вещества: 15 % сочетаний с неопределенным артиклем (*of a house*, *of a book*, *of a tree, of a gas*); 13,5 % сочетаний с определенным артиклем (*of the house*, *of the bed*, *of the water*); 13,5 % сочетаний без артикля (*of water*, *of food*, *of paper, of tea, of blood*). В словосочетаниях без артикля практически все неодушевленные существительные оказались неисчисляемыми, обозначающими вещества, что обусловлено правилами использования артиклей. Такая конструкция с *of* может использоваться для выражения количественных характеристик либо отношения «контейнер – содержимое» (*a cup of tea*, *a drop of blood*).

Существительные преимущественно локативной семантики (*country*, *town*, *city*, *village*) рассматривались отдельно, так как с ними возможен

метонимический сдвиг в значении типа «место – люди, живущие в этом месте». 14,5 % для сочетаний с определенным артиклем (*of the country*, *of the city*, *of the town*) и 6,5 % для сочетаний с неопределенным артиклем.

Одушевленные существительные, обозначающие людей, также были представлены в словосочетаниях с предлогом of: 9 % с неопределенным артиклем (*of a man*, *of a child*, *of a person*), 5 % с определенным артиклем (*of the queen*, *of the men*, *of the king*, *of the person*, *of the patient*), 7 % без артикля (*of people*, *of women*, *of man*, *of children*, *of men*, *of parents*). При использовании во множественном числе без артикля такие словосочетания могут выражать количественные характеристики (например, *a lot of people*).

Существительные, обозначающие организации, учреждения и другие общности людей (*company*, *army*, *institute*), также рассматривались отдельно в силу особенностей семантики. При этом если в сочетании с определенным артиклем они оказались достаточно широко представленными (19,5 %), то в сочетаниях с неопределенным артиклем и без артикля их было гораздо меньше (по 4 %).

Слова с темпоральной семантикой составили 6,5 % для сочетания с определенным артиклем (*of the year*, *of the week*, *of the night*), 4 % для сочетаний с неопределенным артиклем(*of a day*, *of a year*, *of a week*) и 3 % для сочетаний без артикля (*of years*, *of weeks*, *of hours*). Однако можно предположить, что конструкции с разными артиклями не будут тождественными по семантике. Так, выражения с определенным артиклем скорее будут использоваться для вре́менной локализации того или иного явления (события), в то время как выражения с неопределенным артиклем больше подходят для обозначения меры, в данном случае – продолжительности того или иного события.

Названия животных были представлены весьма ограниченно: 1 % для сочетаний без артикля (*of animals*, *of fish*), 1,5 % слов в сочетании с неопределенным артиклем (*of a bird*, *of a horse*, *of a fish*). В сочетании с определенным артиклем в нашей подборке названий животных не оказалось. По-видимому, полученный результат говорит о том, что при выражении отношения принадлежности с названиями животных все-таки предпочтительнее родительный падеж.

В целом следует отметить следующие различия между двумя списками слов (наиболее частотных в родительном падеже и наиболее

частотных в словосочетании с *of*). Для существительных, обозначающих живых существ (как правило, людей), а также различные организации, общности людей, более характерны конструкции в родительном падеже. Для существительных, обозначающих неодушевленные физические объекты и различные абстрактные понятия, более типичны конструкции с *of*.

Однако для более полного понимания различий между двумя структурами требуется анализ конкретных случаев использования того или иного существительного, и использование дополнительных возможностей, которые дает для этого корпус: в частности, привлечение расширенного контекста, помогающего раскрыть значение слова, а также указания на тип дискурса, из которого взят тот или иной пример (художественная проза, научный, новостной дискурс, устная речь).

Так, интересные результаты выявил анализ случаев использования такого существительного, как *sun*. Корпусные данные показывают, что слово *sun* далеко не всегда используется для обозначения небесного тела. В 2,1 % случаев использования слова *sun* в родительном падеже речь идет о газете (*the Sun's star columnist, the Sun's transcription of the Queen's speech, the Sun's pre-trial report, the Sun's publisher*), а в 44,5 % случаев – о компании, производящей программное обеспечение (*Sun's future microprocessor technology, Sun's windows on Unix, Sun's market share*). Таким образом, данные случаи использования *sun* скорее следует отнести не к названиям небесных тел, а к названиям организаций в родительном падеже.

Семантика слова *sun* меняется при переходе к предложной конструкции с *of*. Так, в сочетании без артикля данное существительное в 88,8 % случаев имеет значение «солнечный свет, тепло, исходящие от солнца» (*plenty of sun*). В 6,4 % данное существительное является названием фирмы (*the corporate wrath of Sun*). Только в 4 % случаев в виду имеется солнце как астрономическое тело (*the motions of sun, moon and stars*). Для сочетания с определенным артиклем типично значение «небесное тело»: в 94,5 % случаев (*the surface of the sun*, *the glare of the sun*) и только в 5,5 % случаев речь идет о газете (*the first issue of the Sun*, *readers of the Sun*).

В Британском национальном корпусе все тексты делятся на несколько категорий в зависимости от жанра. Это позволяет оценить стилистическую окрашенность той или иной коллокации. В справочниках

по грамматике иногда отмечается, что использование *sun* в родительном падеже характерно для поэтических текстов. Представляется, что использование данного словосочетания в художественной литературе обусловлено явлением персонификации, одушевления неживых объектов. 7,2 % конкордансов с выражением *sun's* взяты из художественной прозы, только 1,7 % – из поэзии (*the sun's gold watch, the sun's red spot*). 20 % примеров взяты из научного дискурса (*the Sun's outer atmosphere*, *the sun's harmful ultraviolet rays*). Что касается словосочетания *of the sun*, 22,9 % конкордансов были взяты из художественной прозы, 2 % – из поэзии, 19,9 % – из научных текстов.

Таким образом, анализ корпусных данных показывает, что использование существительного *sun* в родительном падеже не ограничено стилистическими рамками, при этом выбор между родительным падежом и конструкцией с *of* во многом зависит от семантики данного слова.

В заключение отметим, что сравнение наиболее частотных слов в конструкциях *N's N* и *N of N* позволяет говорить об общих тенденциях в использовании родительного падежа и предложного словосочетания с *of*, однако при выборе той или иной конструкции в дело вступают и другие факторы. Во-первых, одно и то же слово может использоваться по-разному в разных значениях. Следовательно, для анализа семантики слова необходимо привлечение контекста, в котором это слово встречается. Немаловажным фактором является информационная структура предложения, поскольку в плане выражения темы и ремы конструкции *N's N* и *N of N* не будут тождественными. Еще один фактор – это тип дискурса, в котором встречается слово, так как стилистические особенности текста также в ряде случаев могут влиять на выбор конструкции.

Привлечение корпусных данных позволяет более внимательно рассмотреть закономерности, влияющие на выбор того или иного языкового средства, проанализировать большой объем языкового материала и выявить существующие тенденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гордон Е. М., Крылова И. П. Грамматика современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. ин. яз. 4-е изд., испр. М. : Книжный дом «Университет», 1999. 448 с.

Резник Р. В., Сорокина Т. С., Казарицкая Т. А. Практическая грамматика английского языка : учебник. 8-е изд. М. : Флинта, Наука, 2004. 686 с.

Салькова М. А., Мачина О. А. Расширение инструментария современных лингвистических исследований: корпусный анализ как интенсификация грамматического правила // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 11 (784). С. 21–36. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/11_784.pdf

Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage. 8th ed. Cambridge University Press, 2015. 973 p.

Swan M. Practical English Usage. Second Edition. Oxford University Press, 1997. 654 p.

The British National Corpus. Version 3 (BNC XML Edition). 2007. Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL : www.natcorp.ox.ac.uk/

Vince M. Macmillan English Grammar in Context Advanced. Macmillan Publishers Limited, 2013. 240 p.

УДК 811.111’35’003.2

В. А. Климик

преподаватель каф. грамматики и истории английского языка
ф-та английского языка МГЛУ; e-mail: v.klimik@bk.ru

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ГРАФОЛОГЕМА, ИЛИ ЗАЧЕМ ПИСАТЕЛЮ ОШИБКИ

В статье анализируются факты интенционального нарушения орфографических и пунктуационных конвенций авторами англоязычной художественной прозы. Проводится сопоставление исследуемого явления в текстах разной адресной направленности. Делаются выводы о том, что употребление графологем-иррегулярностей кода в текстах для младшего школьника и для взрослого читателя определяется прагматическими факторами, а именно – опорой автора на различные виды опыта, характерного для целевой аудитории.

Ключевые слова: читатель; автор; адресность; код; орфография; пунктуация.

V. A. Klimik

Lecturer, Department of Grammar and History of English,
Faculty of English, MSLU; e-mail: v.klimik@bk.ru

WHAT CAN A GRAPHOLOGEME REVEAL, OR WHY DO WRITERS MAKE SPELLING MISTAKES?

The article is concerned with intentional violation of orthographic and punctuational conventions in English fiction texts. The issue is studied through comparative analysis of literary texts with different address. The author comes to the conclusion that certain pragmatic factors underlie the usage of graphologemes-irregularities in texts addressed to children and to adults; in particular, writers consider the target readership’s experience and competence.

Key words: reader; author; address; code; orthography; punctuation.

Введение

Традиционно внимание исследователей орфографии сосредоточено на вопросах нормирования письменного кода, что, бесспорно, является одной из важнейших задач в деле сохранения и развития литературного языка. В то же время в продуктах художественной литературной коммуникации – текстах, обнаруживаются факты *иррегулярного* употребления кода, причем такие факты явно интенциональны, что свидетельствует о повышенном внимании авторов к *альтернативным* возможностям письменно-печатного кода.

Интенциональное отступление от конвенций кода мы рассматриваем как один из признаков его семантизации, которая отмечается на современном этапе развития письменного модуса коммуникации, в частности в традиционных видах дискурса [Салькова, Мачина 2012, с. 53].

Методология

Исследование иррегулярностей кода проведено на лингвистическом материале современной англоязычной художественной прозы. Интенциональность явления предполагает, что, отступая от конвенций, автор художественного произведения решает определенные **задачи**, связанные с глобальной целью наиболее полно и точно донести художественный замысел до читателя. Данная работа сосредоточена на выяснении того, *какие* это задачи и *каким образом* автор их решает с помощью альтернативного (неконвенциального) кода. Для этого при проведении исследования используется метод дискурсивного анализа.

В предшествующих работах автора [Климик 2017] отмечается, что иррегулярное употребление кода востребовано в художественных текстах, адресованных как детской аудитории, так и взрослому читателю. В связи с этим представляется, что наиболее полные и точные результаты могут быть получены в сравнении, которое проводится на материале текстов художественной прозы для младшего школьника (8–12 лет) и взрослого читателя (20–40 лет). Для этого применяется метод сопоставительного анализа.

Термины

Как известно, книга традиционно служит образцом нормы, в том числе нормы орфографической и пунктуационной. В этом смысле читатель, открывая книгу, вряд ли ожидает встретить в тексте «ошибки» кода. Однако частотность функционирования в англоязычном художественном тексте орфографических и пунктуационных иррегулярностей не позволяет рассматривать подобные альтернативы исключительно как сингулярные факты. Намеренные нарушения орфографических и пунктуационных конвенций являются одной из типологических разновидностей лингвокреативной орфографии [Климик 2017]. Единицы лингвокреативного кода, реализуемые в дискурсе

на основе художественного текста, мы предлагаем называть ***графологемами*** (*греч*. logos – слово, смысл, понятие; grapho – пишу).

Анализ данных

В корпусе художественных текстов для младшего школьника зарегистрированы следующие типы графологем – иррегулярностей кода.

1. Орфографические ошибки

Paddington … was adding, in large capital letters, the ominous ones: ‘DECKERATING[1] MY NEW ROOM!” [Bond 1997].

Автор произведения намеренно вводит орфографическую ошибку: DECKERATING вместо конвенциональной записи *decorating*. Нарушен исторический принцип английской орфографии, что является типичным для данной графологемы в текстах для детей. Ошибку допускает медвежонок Паддингтон – сказочный персонаж, прибывший в Лондон из далекой страны (он «иностранец» по отношению не только к персонажам, но и к читателю-англофону). Отметим, что высказывание Паддингтона кодируется заглавными буквами: используется прием шрифтового выделения *Капитализация*.

Присутствие ошибок в записях, сделанных медвежонком, подводит читателя к выводу о недостаточном уровне грамотности персонажа. Кроме того, ошибки и капитализированная запись косвенно указывают на юный возраст медвежонка (дети учатся письму, начиная с заглавных печатных букв), а значит, медвежонок еще только учится писать на английском языке. Итак, иррегулярность кода в данном случае не является случайной, напротив, намеренно употребляется автором как средство графической образности, позволяющее уточнить портрет персонажа, демонстрируя особенности его речи читателю. Очевидно, автор рассчитывает на то, что младший школьник владеет соответствующей нормой орфографии, т. е. знает, как *правильно* пишется слово *decorating* (либо ему помогут старшие родственники, вместе с ним читающие книгу).

[1] Зд. и далее анализируемая графологема выделяется подчеркиванием. – *Прим. авт.*

2. *Нарушение морфолого-синтаксического согласования между подлежащим и сказуемым*

THEN I PRESS MY TUMMY BUTTON AGAIN AND NOW I IS VISIBLE [Dahl 2002, с. 139].

В предложении присутствует «ошибка», заключающаяся в неконвенциональном согласовании подлежащего *I*, выраженного личным местоимением 1-го лица с глаголом-связкой *IS* (конвенцией является согласование *I* с формой *am* глагола *be*). Ошибку допускает большой и добрый великан, сказочный персонаж из волшебной страны великанов. Подобные факты неконвенционального согласования типичны для речи иностранцев, не являющихся носителями английского языка; их употребление в тексте позволяет подчеркнуть, что великан тоже «иностранец», поэтому ошибается. Капитализация записи придает многозначительность печатным буквам, и, очевидно, указывает на то, что навык письма на неродном для великана английском языке пока только развивается (как известно, при обучении письму на иностранном языке принято начинать с печатных букв).

3. *Недостаточность пунктуационного знака*

I IS STILL THERE BUT NO ONE CAN SEE ME NOT EVEN MYSELF [Dahl 2002, с. 138].

Для завершения пунктуационного оформления предложения не хватает запятой, обособляющей предложную конструкцию NOT EVEN MYSELF. Великан сочиняет рассказы и называет себя писателем, однако недостаточность запятой создает образ небрежного, торопливого, «чернового» письма. Отсутствие запятой делает предложение неудобочитаемым. Капитализация, придающая предложению броскость, сигнализирует, что недостаточность запятой в данном случае *не норма*, т. е. иррегулярность *гипертрофируется*. Тем самым подчеркивается, что до профессионализма великану пока далеко.

4. *Отсутствие кавычек, оформляющих прямую речь*

EVERYBODY HAS TO SEE WHAT IS GOING TO HAPPEN NEXT IN MY BOOK AND WHEN I WAKE UP I IS STILL TINGLING WITH EXCITEMENT AT BEING THE GREATEST RITER THE WORLD HAS EVER KNOWN UNTIL MY MUMMY COMES IN AND SAYS

I WAS LOOKING AT YOUR ENGLISH EXERCISE BOOK LAST NITE AND REALLY YOUR SPELLING IS ATROSHUS SO IS YOUR PUNTULASHON [Dahl 2002, с. 143].

В предложении присутствуют все перечисленные выше виды иррегулярностей: орфографические ошибки (RITER, NITE, ATROSHUS, PUNTULASHON); нарушение морфолого-синтаксического согласования (I IS STILL TINGLING, I WAS LOOKING); недостаточность пунктуационных знаков, регулирующих поэтапность движения мысли в длинном высказывании.

Кроме того, в предложении также отсутствуют кавычки, обособляющие прямую речь I WAS LOOKING…SO IS YOUR PUNTULASHON от речи автора: MY MUMMY COMES IN AND SAYS. Отсутствие знаков препинания, оформляющих прямую речь, символизирует недостаточно грамотное письмо и текст, написанный в спешке. Образность формирует направление интерпретации: «великану нужно еще многому научиться». Кроме того, возникает юмористический эффект: гипертрофированная неправильность кода призвана не только «нарисовать буквами» речевой портрет персонажа, но и вызвать у читателя улыбку, с которой взрослый обычно смотрит на старательного, но неумелого ученика.

В текстах, адресованных взрослому читателю, функционируют иррегулярности такого же типа, как описано выше, однако прослеживается определенная вариативность их реализации. Покажем это на примерах.

1. Орфографические ошибки

I am ze son of ze Belgian attaché, I murmured. Release this man! My father is the Swedish DCM [DeWitt 2000].

Чтобы выручить друга, мальчик-англичанин притворяется сыном бельгийского дипломата, для этого он имитирует французский акцент при произношении определенного артикля *the* (иностранцам часто с трудом даются межзубные звуки английского языка). Квазифранцузский акцент обыгрывается посредством неконвенционального кодирования *ze*. В отличие от примера из текста для детей, в основе графологемы *не* нарушение исторического принципа, а запись с использованием фонетического принципа («как слышится, так

и пишется»). Характерно, что графологема-иррегулярность не комбинируется с капитализацией (ср. с примерами из текстов, адресованных детям).

2. *Нарушение морфолого-синтаксического согласования между подлежащим и сказуемым*

"You kidding me, lady?" [Green 1995, с. 239].

Отсутствует глагол-связка *are*: **You are kidding me*. Такое опущение характерно для разговорной английской речи, таким образом иррегулярность кода профилирует (перспективизирует) описываемую ситуацию общения как неформальную.

Графологема не является броской, т. е. автор не акцентирует иррегулярность, являющуюся достаточно распространенной.

3. *Недостаточность пунктуационного знака*

I will issue one more warning Mrs Kelly [Carey 2001].

Обращение *Mrs Kelly* не обособляется запятой, что делает графическую форму предложения неудобочитаемой. Характерна рекуррентность данной графологемы. Например, в романе *True History of the Kelly Gang*, где повествование излагается от лица австралийского преступника Неда Келли, рекуррентная недостаточность пунктуационных знаков указывает на малограмотность Неда, или же указывает на обстоятельства, в которых Нед делает записи в своем дневнике (спешка, небрежность). Рекуррентность графологемы свидетельствует о том, что пунктуационные иррегулярности становятся текстовой стратегией, которая играет важную роль в формировании образа персонажа.

4. *Отсутствие кавычек, оформляющих прямую речь*

Emma said: You mean you think they should not be just in English. Exactly, I said [DeWitt 2000, с. 54].

Отсутствие кавычек, обособляющих прямую речь от речи автора, нивелирует границы между прямой речью и повествованием, вследствие чего автор не отделяется от персонажа, читатель как бы получает прямой доступ к миру героев книги. Характерна рекуррентность графологемы: отсутствие кавычек может стать текстовой стратегией,

например принимающей участие в структурировании так называемого потока сознания, определяемого как «способ повествования, имитирующий работу человеческого сознания и подсознания» [Горкин и др. 2006]. Комбинирование с приемами, придающими броскость, не характерно.

Обсуждение результатов

Сравним особенности дискурсивной реализации графологем типа «иррегулярности кода» в текстах разной адресности.

Как в текстах для детей, так и в текстах для взрослых неконвенциональное употребление кода выполняет функцию «уточнение речевого портрета персонажа». При общности функции обнаруживаются различия в реализации графологем, а именно – варьируются параметры:

а) востребованность и характерность определенных видов иррегулярностей;

б) комбинаторность (совмещение с другими приемами).

В обоих случаях вариативность реализации графологем объясняется различной прагматической поддержкой: авторы, адресующие тексты двум сравниваемым аудиториям, опираются на разные виды опыта своего читателя. Дадим подробное пояснение по каждому пункту.

А. В текстах для детей наиболее типично функционирование орфографических иррегулярностей, в меньшей степени авторами востребовано нарушение морфолого-синтаксической нормы. Пунктуационные иррегулярности востребованы меньше всего, поскольку в младшем школьном возрасте происходит формирование пунктуационного навыка, и недостаточность пунктуационной разметки может стать причиной нежелательной интерференции.

В текстах для взрослых наиболее типично функционирование пунктуационных иррегулярностей, в меньшей степени авторами востребовано нарушение морфолого-синтаксического согласования. Орфографические иррегулярности востребованы меньше всего.

Далее. В текстах для младшего школьника типичны ошибки, указывающие на незнание персонажем нормы, основанной на историческом принципе. Именно такой тип иррегулярностей актуален для детей, поскольку представлен в их школьном опыте. В текстах для взрослого читателя ошибки указывают на то, что персонаж *произносит*

неправильно (поэтому слово кодируется по принципу «как слышится, так и пишется», то есть речь идет не о том, что персонаж малограмотен, а о том, что он позволяет себе играть с нормой языка.

Нарушение морфолого-синтаксического согласования в текстах для детей характеризует персонажа как иностранца. Нарушение морфолого-синтаксического согласования в текстах для взрослых показывает принадлежность персонажа к определенному социальному классу (например, сниженный вариант, характерный для неформальной речи).

Пунктуационные иррегулярности востребованы как средство создания эффекта наблюдения за тем, что происходит в сознании персонажа; как средство уточнения обстоятельств письма или социального статуса действующих лиц. Недостаточность пунктуационной разметки замедляет чтение, что позволяет автору направить интерпретационные усилия читателя на анализ качеств персонажа. При этом такая графологема требует развитого умения понимать информацию, имплицитно присутствующую в тексте, но не выраженную вербально, а значит, автор рассчитывает на высокую компетентность взрослого читателя.

Меньшая востребованность графологемы «Орфографические иррегулярности», по сравнению с текстами для детей, объясняется тем, что орфографический навык взрослого давно сформирован, и анализ орфографических ошибок нехарактерен для повседневного опыта взрослого.

Б. Как показывают проанализированные выше примеры, для художественных текстов детской литературы характерны комбинации иррегулярностей с приемом *Капитализация*, а также множественность иррегулярностей в одном предложении. Капитализированные буквы делают соответствующий фрагмент текста *броским*, что позволяет не только привлечь внимание читателя к важной части сюжета, но и зафиксировать внимание, не дать пропустить необычную, при этом весьма значимую информацию, характеризующую персонажа. Единичный факт графологемы-ошибки может не обратить на себя внимание читателя, в то время как *рекуррентность* (возобновляемость) графологем создает *паттерн*, который может быть без труда интерпретирован читателем-ребенком, носителем английского языка.

Таким образом, необходимым условием присутствия иррегулярностей в художественном тексте для младшего школьника является ***броскость*** и / или ***рекуррентность*** графологемы.

В текстах, адресованных взрослому читателю, нехарактерно придание броскости иррегулярностям кода. Очевидно, автор апеллирует к сформированному чувству нормы взрослого читателя, а также развитым свойствам внимания.

Заключение

Появление графологем в художественном тексте не случайно и подчинено глобальной цели автора – раскрытию художественного замысла. Рекуррентность графологем и употребление паттернов обеспечивает интерпретацию в нужном автору направлении; дает возможность «написать меньше, при этом выразить больше».

Графологемы-ошибки, будучи различными по способу образования, в дискурсе художественного произведения выполняют схожую функцию – уточняют портрет персонажа, создают образность, а также подчеркивают онтологическое противопоставление «свой – чужой» (в частности, подчеркивается контраст «англичане – иностранцы», «обладатели высокого социального статуса – обладатели низкого социального статуса).

Основной стратегией употребления в художественном тексте для детей графологем-иррегулярностей кода является, очевидно, создание юмористического эффекта, а также оказание определенного педагогического воздействия. Основной стратегией присутствия иррегулярностей в текстах для взрослых является желание автора заставить адресата читать между строк и точнее охарактеризовать персонажа.

Таким образом, вариативность реализации графологем в текстах с различной адресностью определяется ориентацией автора на психологические и компетентностные особенности читателя. Несомненно, это свидетельствует о том, что в текстах современной англоязычной художественной прозы письменно-печатный код не только демонстрирует признаки семантизации, но и проявляет адаптивность по отношению к особенностям целевой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. : А. П. Горкин. М. : Росмэн, 2006. 984 с.

Климик В. Лингвокреативная орфография как инструмент кооперации автора и читателя // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 11 (784). С. 89–103. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/11_784.pdf

Салькова М. А., Мачина О. А. Современные тенденции в кодировании смыслов в письменных традиционных и медийных видах дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 27 (660). С. 45–60.

Bond M. More About Paddington. London : Harper Collins Publishers Ltd., 2003. 144 p.

Carey P. True History of the Kelly Gang. Faber and Faber. London, 2001. 352 p.

Dahl R. The BFG. Jonathan Cape. Random House Group Ltd. London, 2002. 272 p.

DeWitt H. The Last Samurai. Hyperion. NY, 2000. 530 p.

Green G. D. The Juror. Warner Books. New York, 1995. 446 p.

УДК 81.367

Ю. Б. Маркова

кандидат филологических наук, доцент каф. грамматики
и истории английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: julia@themarkovgroup.com

КАЧЕСТВЕННЫЕ АССИМИЛЯТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ И ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ (перегласовки)

Статья посвящена сравнительному анализу качественных зависимых изменений ударных гласных в древнеанглийском и древнеисландском: общегерманскому преломлению (Germanic mutation) и палатальной перегласовке, перегласовке на ***i*** (Palatal mutation / *i*-Umlaut). Автор останавливается на сходствах и различиях этих процессов в северной и западногерманской языках германской группы индоевропейской языковой семьи.

Ключевые слова: зависимые / ассимилятивные изменения; общегерманское преломление; палатальная перегласовка; древнесеверный; англо-саксонский язык.

Y. B. Markova

PhD, Associate Professor, Department of Grammar and the History of English,
Faculty of English, MSLU; e-mail: julia@themarkovgroup.com

QUALITATIVE ASSIMILATIVE CHANGES OF STRESSED VOWELS IN OLD ENGLISH AND OLD ICELANDIC (mutations)

The article is dedicated to a contrastive analysis of qualitative assimilative changes of stressed vowels in Old English and Old Icelandic: Germanic mutation and Palatal mutation. The author dwells on similarities and points of difference of those processes in North Germanic and West Germanic languages of the Indoeuropean family.

Key words: dependent / assimilative changes; Common Germanic Mutation; Palatal Mutation / *i*-Umlaut; Old Norse; Anglo-Saxon.

Древнеанглийский и древнеисландский языки относятся к германской группе индоевропейской языковой семьи. Хотя они принадлежат к разным ветвям этой группы, западногерманской и северногерманской соответственно, представляется полезным сравнить в них качественные ассимилятивные изменения ударных гласных в разные эпохи.

Древнеисландский язык занимает особое место среди других скандинавских языков как наиболее архаичный и близкий не только

к древнесеверному / древнескандинавскому языку-основе, но и общегерманскому / древнегерманскому языку-основе, из которого в итоге выделились все остальные языки германской группы индоевропейской семьи [Стеблин-Каменский 2017, с. 8–9]. Точно не известно время выделения скандинавского языка-основы из германского языка-основы.

Древнеанглийский период в истории английского языка традиционно охватывает события с 449 г. (года начала колонизации Британских островов племенами англов, саксов, фризов и ютов) по 1066 (год начала норманского завоевания). Исландия была впервые заселена в 870–930 гг. н. э. выходцами из Западной Норвегии, когда фонетические изменения, о которых пойдет речь, уже завершились. Таким образом, первые поселенцы в Исландии говорили на древненорвежском / древнезападноскандинавском в противовес восточно-скандинавским племенам, образовавшим шведскую и датскую народности. Это не помешало ассоциировать современникам всех скандинавов с данами, а языки всех скандинавских народностей вместе называть «датским языком». В лингвистической литературе принято называть язык древнеисландских письменных памятников XII–XIV вв. древнеисландским наряду с «древнесеверным», «древнезападноскандинавским» и «древненорвежским» [Стеблин-Каменский 2017, с. 9]. Примечателен также тот факт, что некоторые из первых исландских поселенцев раньше были на Британских островах или имели там родственные связи. Косвенно об этом свидетельствует поэма «Беовульф», которая было создана на англосаксонском языке и долго существовала только в устной форме. Она описывает события, происходившие много лет тому назад в Скандинавии, которую, по-видимому, англосаксы того времени считали прародиной своих далеких предков. Латинское письмо пришло в Исландию, вероятно, также из Англии [Стеблин-Каменский 2017, с. 15].

Общегерманское преломление нашло отражение и в древнеисландском, и в древнеанглийском, но в разной степени. *Общегерманское преломление, как и палатальная перегласовка, – это проявление регрессивной ассимиляции справа налево,* когда некий звук суффикса или окончания влияет на гласный корня. М. И. Стеблин-Каменский предлагает следующее определение данному явлению: «Перегласовкой (умлаутом) называется фонематизация оттенков гласных фонем, обусловленная редукцией безударных гласных. В результате редукции

безударных гласных возникшие раньше в предшествующем слоге под влиянием этих безударных гласных оттенки фонем (открытые после ***a***, закрытые после ***i***, огубленные после ***u*** и т. д.) принимали на себя смыслоразличительную функцию, выполнявшуюся раньше безударными гласными, т. е. фонематизовались <…>. Важность этого явления заключается в том, что оно приводит к возникновению новых фонем, а, следовательно, и к перестройке фонетической системы» [Стеблин-Каменский 2017, с. 27].

После исчезновения индоевропейского краткого ***o*** в общегерманском, которое перешло в нем в краткое ***a*** по независимым причинам (сравните, латинское *nox*, русское *ночь* и готское *nahts*), фонема ***u*** дефонологизовалась и была представлена двумя позиционнами вариантами: ***u*** и ***o*** соответсвенно. Первый, более узкий вариант фонемы, встречался перед ***u***, ***i***, ***j***, ***n***, ***m***, в прочих позициях (обычно перед ***a***) фонема была представлена более открытым вариантом, т. е. ***o***. Таким образом, первоначальная фонема ***u*** расщепилась на две фонемы (***u*** и ***o***), и было восстановлено краткое ***o*** в общегерманском.

Примерами из древнеанглийского могут послужить формы сильного глагола второго класса со значением «выбирать» – *curon* (прошедшее время множественного числа) и *coren* (причастие второе). Для сравнения в готском эти же формы того же глагола *kiusan* звучат как *kusum* (***u*** перед ***u***) *kusans* (готское сужение в последней форме проявляется в том, что, несмотря на отсутствие условий для употребления более узкого варианта фонемы, в готском всегда представлен именно более узкий ее вариант).

Разновидностью той же самой перегласовки был, по-видимому, и переход открытого оттенка ***i***, обусловленного безударным ***a*** в последующем слоге, в ***e***. Рассмотрим примеры из древнеанглийского:

> *helpan* (инфинитив сильного глагола третьего класса со значением «помогать») – *healp* (прошедшее единственного числа) – *hulpon* (прошедшее множественного) – *holpen* (причастие второе).

Сравните с готским сужением того же глагола: *hilpan* – *halp* – *hulpum* – *hulpans*. Древнеанглийский глагол того же класса со значением «находить»: *findan* (инфинитив) – *fundon* (прошедшее множественное) – *funden* (причастие второе) и древеанглийский сильный глагол пятого класса со значением «сидеть»: *sittan* (инфинитив из

sitjan) – *seten* (причастие второе). В общегерманском более узкий вариант фонемы был представлен перед теми же звуками (***i***, ***j***, ***u***, ***n***, ***m***), более открытый – в их отсутствие (обычно перед ***a***). Стеблин-Каменский называет данный процесс в скандинавском языке-основе древней перегласовкой на ***a***, которое отпадало раньше других безударных гласных. «Она заключалась в том, что в результате отпадения безударного ***a*** обусловленный этим ***a*** открытый оттенок фонемы ***u*** в предшествующем слоге выделился в фонему **o**» [Стеблин-Каменский 2017, с. 27–28]. Далее приводится следующий пример из древнеисландского: *korn* «зерно» происходит от **kurna*. ***U*** оставалось ***u***, а не переходило в ***o*** в *bundinn* (причастие второе) от *binda* «вязать» (сильный глагол третьего класса) перед носовым или в *numinn* (причастие второе) от *nema* «брать» (сильный глагол четвертого класса). Последний пример заслуживает внимания. Как видно, вместо ожидаемого ***i*** перед носовым в древнеисландском встречается ***e*** в *nema*, а в древнеанглийском используется форма *niman*, более «правильная» с исторической точки зрения. Из чего можно сделать вывод, что в древнеанглийском общегерманское преломление проявлялось более последовательно. Стеблин-Каменский признает тот факт, что случаев перегласовки на ***a*** от ***i*** в древнеисландском засвидетельствовано очень мало [там же, с. 28]. Далее он заключает: «Возможно, что ***i*** и ***e*** были тоже первоначально оттенками одной фонемы. Не случайно параллельно с переходом ***i*** в ***e*** под влиянием безударного ***a*** в последующем слоге имел место переход **e** в **i** под влиянием безударного ***i*** (или ***j***) в последующем слоге» [там же, с. 29]. Речь идет о палатальной перегласовке, перегласовке на ***i***, ***i*-Umlaut**, как об одном из проявлений общегерманского преломления: **e** переходило в ***i*** под воздействием ***i*** в последующем слоге. Стеблин-Каменский приводит следующий пример для древнеисландского: латинское *venus* «любовь» в древнеисландском отражено как *vinr* из **weniR*, а в древнеанглийском тот же переход закрытого оттенка ***e***, обусловленного влиянием безударного ***i*** (или ***j***) в последующем слоге, может быть проиллюстрирован так: латинское *ventus* «ветер» предстает фонетически как *wind*. Таким образом, этот переход для древнеисландского произошел еще в скандинавском языке-основе, а для древнеанглийского – в общегерманском. Как заключает Стеблин-Каменский: «В древнеисландском этот переход нередко или устранен в результате выравнивания

по аналогии или затемнен более поздними фонетическими изменениями» [Стеблин-Каменский 2017, с. 29].

И в том, и в другом языке происходила еще одна, более поздняя палатальная перегласовка несколько столетий спустя (в VII в. н. э.). Она совпала по времени с редукцией безударных гласных VI–VIII вв. Под влиянием ***i*** или ***j*** в последующем слоге возникли палатализованные оттенки фонем долгих и кратких монофтонгов и дифтонгов в предшествующем слоге, которые позже выделились в соответствующие новые фонемы. Примеры из древнеисландского:

– ***a*** переходило в ***oe***, а затем в ***e***, например, *gestr* «гость» из *gastiR*; древнеисландский инфинитив *nefna* «называть» и готский *namnjan* с тем же значением;
– ***u*** переходило в ***y***, например, древнеисландский инфинитив *fylla* «наполнять» и готский *fulljan* с тем же значением, а также древнеанглийский *fyllan*; древнеисландское существительное *kyn* «род», готское *kuni* с тем же значением и древнеанглийское *cyn*;
– ***au*** переходило в ***ey***, например: древнеисландский инфинитив *heyra* «слышать» и готский *hausjan*.

И в древнеанглийском, и в древнеисландском перегласовка на ***i*** отсутствовала в кратком слоге перед отпавшим ***i***, например во второй (прошедшее время единственного числа) и третьей (причастие второе) формах слабых глаголах первого класса *tellan* и *telja*. Таким образом возникло чередование у слабых глаголов этого класса, например: *tellan – tealde – teald* (пример из древнеанглийского). «Отсутствие перегласовки на ***i*** от гласных заднего ряда в кратком слоге перед отпавшим ***i*** представляет собой загадку, для объяснения которой было выдвинуто много теорий. Аксель Кок утверждал, что между периодом, когда ***i*** отпадало после долгого слога, вызывая перегласовку, и периодом, когда ***i*** вообще не отпадало, хотя вызывало перегласовку, существовал период, когда ***i*** отпадало после краткого слога, но не вызывало перегласовки (теория трех периодов). Другие искали объяснения в выравнивании по аналогии, влиянии ударения, слогоделения, открытости и закрытости слога, качества безударного ***i*** в различные периоды и т. д.» [Стеблин-Каменский 2017, с. 31].

В заключение следует признать, что у древнеисландского и древнеанглийского общих черт в качественных ассимилятивных изменениях ударных гласных наблюдается намного больше, чем расхождений,

однако объективно древнеанглийский представляет больше «незатемненных» более поздними процессами примеров общегерманского преломления, чем древнеисландский ввиду того, что ранее древнеисландского обрел индивидуальность, суверенность и автономность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М. : ЛЕНАНД, 2017. 288 с.
Baugh A., Cable Th. A History of the English language. N.Y., 1978. 301 p.
Kock A. und Meissner R. Skaldisches Lesebuch. 1–2, Halle, 1931. 88 p.

УДК 81'255

К. И. Таунзенд

кандидат филологических наук, доцент; доцент каф. переводоведения
и практики перевода английского языка переводческого факультета
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: townsendX@yandex.ru

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПРОЦЕССОМ РАБОТЫ РУССКОГО ПЕРЕВОДЧИКА XVIII в.

Статья представляет собой попытку изучения и научного описания процесса перевода в истории, что является столь же обоснованной задачей науки, как и рассмотрение его в современности. В настоящей работе речь идет о рукописном переводе 1748 г., выполненном Иваном Петровичем Сатаровым с латинского трактата Гуго Гроция «О праве войны и мира» (1625). Данный рукописный текст представляет собой черновой вариант перевода, выполненный рукой одного человека, – переводчика по профессии, что позволяет нам пронаблюдать, как работал русский переводчик XVIII в. над специальным текстом.

Далее в работе подробно описывается история перевода данного сочинения на русский язык, устанавливаются ранее неизвестные факты профессиональной деятельности И. П. Сатарова и указываются основные характеристики латинского оригинала. Исходным положением для дальнейшего анализа является утверждение, что если замысел автора сполна проявляет себя в «ткани» художественного текста, то мысли и намерения переводчика в процессе исторически удаленного перевода в значительной степени отражены в его черновой рукописи.

Наблюдения за работой русского переводчика XVIII в. по его черновой рукописи позволили выделить определенный алгоритм действий при передаче специального текста. Во-первых, почти пословное воспроизведение синтаксического построения оригинала создавало некую неизменную основу, исключавшую вмешательство в текст со стороны переводчика. Во-вторых, заимствованные понятия и термины сопровождались толкованием путем калькирования, что также соответствовало тактике пословного перевода. В-третьих, при затруднении в понимании узко специального содержания оригинала и, как следствие, невозможности перевода непонятный фрагмент переносился в переводной текст путем транскрипции / транслитерации без каких-либо примечаний. При этом возможности языка перевода, обусловленные этапом его развития, осложняли работу переводчика, вызывая сомнения в стилистических аспектах выбранных соответствий. В целом, описанный алгоритм действий русского переводчика XVIII в. подводит к выводу о том, что в условиях заметного культурного разрыва, проявлявшегося, в частности, в отсутствии знаний в предметной области, а также в условиях недостаточности ресурсов языка перевода и неустойчивости его состояния процесс перевода неизбежно сводился к копированию текста оригинала, что подтверждается действиями переводчика специальных текстов.

Ключевые слова: процесс перевода; история перевода; перевод специальных текстов; Г. Гроций «О праве войны и мира»; понятийная сфера права; И. П. Сатаров; история русского языка; XVIII в.

K. I. Taunzend

PhD (Philology); Associate Professor at the Department
of Translation Studies and Translation and Interpreting
(the English Language), Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;
e-mail: townsendX@yandex.ru

WATCHING THE RUSSIAN TRANSLATOR OF THE 18th CENTURY AT WORK

The article is an attempt to research the process of translation in history, which is as reasonable a task as the study of it today. The present paper deals with the handwritten translation dating back to 1748 by Ivan Petrovich Satarov of the Latin treatise by Hugo Grotius "On the Law of War and Peace" (1625). This manuscript is a draft translation performed by one person – a professional translator, which provides an opportunity to watch the 18th century Russian translator at work with the specialized text.

Further, the author describes in detail the history of translation of this treatise into Russian, discovers previously unknown facts about Satarov's professional activity and analyzes the main characteristics of the Latin source text. The initial assumption for further research is the claim that if an author's intention fully reveals itself in the textual side of a literary piece, a translator's ideas and intention in the process of historically remote translation are evident from his draft manuscript.

The study of that 18th century draft manuscript has shown the following translation algorithm in a special field. Firstly, the almost word-for-word transference of the syntactical structure of the original created a certain fixed basis which excluded any interference in the target text on the translator's part. Secondly, borrowed notions and terms were followed by definitions through loan-translation, which was also in accordance with the word-for-word tactics. Thirdly, when having difficulty in understanding any part of the professionally special source text, the translator transferred this unreadable fragment into the target text by means of transcription / transliteration without any comments. Along with it the fact that the target language itself was undergoing a certain stage of its development was a challenge for the translator who very often doubted the stylistic and semantic aspects of correspondences. This 18th century translation algorithm brings the author to the conclusion that, under the conspicuous cultural gap, the lack of knowledge in some fields and the insufficiency of language means, the process of translation inevitably turned into copying the source text.

Key words: the process of translation; translation history; specialized translation; H. Grotius "De Jure Belli ac Pads"; the conceptual field of right; I. P. Satarov; history of the Russian language; 18th century.

Современная наука о переводе использует различные методы для изучения процесса перевода, так как, если всерьез задуматься о предмете исследования переводоведения, именно речемыслительный процесс межъязыкового перехода и составляет то ядро, которое

принадлежит исключительно сфере теории перевода, в отличие от текста, порожденного этим процессом и являющегося предметом исследования лингвистики во всех ее разделах. Однако недоступность мыслительного процесса для непосредственного научного наблюдения принуждает науку о переводе концентрировать свое внимание на результате этого процесса, т. е. на тексте, только по которому и можно судить о самой речемыслительной деятельности переводчика. На современном этапе «важное место в переводческих исследованиях занимает метод лингвистического моделирования: построение теоретических моделей процесса перевода … в виде ряда последовательных преобразований текста оригинала в текст перевода, с помощью которых теоретически может быть достигнут желаемый результат» [Комиссаров 2002, с. 36].

Интересные данные о процессе перевода получают посредством применения метода психолингвистического эксперимента, когда перед участниками ставится задача максимально возможной вербализации мыслительных операций во время перевода. Признавая, что «возможности интроспекции в исследовании переводческой деятельности ограничены, и нередко переводчик действует интуитивно, не умея объяснить, почему он поступает именно так» [там же, с. 37], наука о переводе не отказывается от идеи проникнуть в тайны переводческого процесса.

Историческое переводоведение, являясь составной частью современной теории перевода, использует всю парадигму научного знания, распространяя ее на изучение исторически удаленных этапов переводческой деятельности. А значит, исследование процесса перевода в прошедших столетиях будет столь же обоснованной задачей науки, как и рассмотрение его в современности. При этом вышеуказанная недоступность для непосредственного наблюдения и ограниченность полученных данных будут одинаковы, различия здесь заключаются, скорее, в способе и средствах извлечения этих данных. Если сегодня для изучения процесса работы могут использоваться прямой контакт с переводчиком и технические средства фиксации его профессиональной деятельности, то при исследовании процесса перевода на исторически удаленных отрезках времени этот контакт будет опосредованным, а средством фиксации будет выступать черновой рукописный вариант перевода, отражающий в

любых графических формах (исправления, скобки, замечания на полях и внутри текста и т. д.) ход мыслей и действия переводчика того или иного столетия. Подчеркнем, что в качестве материала исследования здесь должна выступать не любая рукопись перевода, которая может представлять собой чистовой вариант, переписанной набело несколькими людьми, а именно – черновой вариант рукописи самого переводчика.

Сопоставление такого текста с оригиналом сможет предоставить сведения о процессе перевода в далекую эпоху. Наверное, излишним здесь станет замечание об уникальности подобного материала, так как рукописей сохранилось в целом меньше, чем печатных изданий тех же переводов, а черновые рукописи простых переводчиков (в отличие от рукописей их знаменитых современников) и вовсе едва ли переживают своих создателей. Тем не менее подобная уникальность материала, хотя и не позволяет сделать статистические обобщения, никак не снижает того огромного научного интереса, который вызывает этот материал у исследователя.

В работе речь пойдет о рукописном переводе 1748 г., выполненном Иваном Петровичем Сатаровым с латинского трактата Гуго Гроция «О праве войны и мира» (1625). При этом для сопоставления используется оригинал издания 1693 г., с которого осуществлялся русский перевод согласно титульному листу. Данный рукописный текст отвечает заданным параметрам нашего исследования, так как представляет собой черновой вариант перевода, выполненный рукой одного человека – переводчика, что позволяет нам пронаблюдать, как работал русский переводчик XVIII в. над специальным текстом. Но для этого сначала обратимся к описанию исходных данных указанной переводческой ситуации.

Гуго Гроций (1583–1645) – известный нидерландский юрист, государственный и политический деятель, теолог, историк, поэт и писатель – был выдающимся человеком своего времени. Обладая феноменальной памятью, он выучил латинский, древнегреческий, древнееврейский, арабский, немецкий, французский и, возможно, английский языки. До наших дней сохранилось более 90 его трудов богословского, юридического и исторического содержания, а также переводы и художественные произведения. Но самым знаменитым стало его сочинение «О праве войны и мира» (1625), написанное под

влиянием обстановки Тридцатилетней войны. Этот труд Гуго Гроция «сыграл важнейшую роль в становлении международного права, в формулировании принципов и норм современного международного правопорядка (равенство, взаимовыгодное сотрудничество, добровольность вступления в договоры). <…> Гроций выступал за гуманизацию средств ведения войны, за бережное отношение к гражданскому населению и военнопленным» [Жуков 2009, с. 162]. Неудивительно, что эта книга пережила своего автора на несколько столетий и снискала ему всемирную славу, будучи переведена на многие языки. «Помимо свыше чем 50 изданий на языке подлинника, труд Гроция имел много изданий на голландском (первое – в 1626 г.), английском (первое – в 1654 г.), французском (1687), немецком (1707), итальянском (1777), испанском (1925), китайском (1937) языках, впрочем, не всегда полных», – сообщает научный редактор современного русского перевода, вышедшего в 1956 г. [Гроций 1994, с. 3].

Первый перевод в России был выполнен по указу Петра I в Киевской духовной академии и так и остался в рукописи под названием *«Гугона Грота о законах брани и мира три книги … Напечатася сия книга в Амстледаме: 1712 году … тут же беседа о вольном море и собственная книжица о уравнении, о позволительстве, о удобстве»* [Овчинников 1915, с. vii]. Из этого первого русского перевода была напечатана только одна глава: глава XVIII «О праве посольств» второй книги, которую использовал доцент Императорского варшавского университета В. А. Овчинников в своей работе «К учению о посольской неприкосновенности. Обзор литературы вопроса о неприкосновенности посла, совершившего преступление в месте миссии, за время от Конрада Бруна до Гуго Гроция» (1915). В качестве иллюстрации приведем начало этой главы по указанному изданию:

> Доселе сия воспоминахом, которая по естеству нам суть должная, мало токмо приложивши о вольном праве народа, поелику с сего бяше праву естественному приданного. Подобает, да разсмотрим повинности, которых само чрез себя общое право, которое волным творим, поставы, в котором роде особливая есть о праве глава ради посолства. Обще убо чтемы писания: Божественная о посолстве, святобливость послов, повинну быти народу им, волю Божию и людей; святая воля или право посолства между народы, народу мир свят; мир людский, святии телеса послов [Овчинников 1915, с. 176–177].

Здесь мы склонны согласиться с мнением научного редактора современного перевода, что «язык переводчиков являлся скорее церковнославянским, чем русским, и трудно понимаемым» [Гроций 1994, с. 3]. Следующим по времени был рассматриваемый нами перевод И. П. Сатарова середины XVIII в., о котором будет сказано ниже. Затем уже в начале XX в. последовало переложение Аркадия Пресса на русский язык только первой книги «О праве войны и мира» в серии «Общедоступная философия». На последней странице А. Пресс объясняет читателям, почему он остановился на первой книге: «Вторая и третья книги “Права войны и мира” трактуют исключительно о войне и имеют значение только для науки международного права» [Общедоступная философия, с. 50]. И, наконец, современный русский перевод, представляющий собой полноправный текст, коммуникативно равноценный латинскому оригиналу, был выполнен А. Л. Саккетти в 1948 г. (только первой книги) и в 1956 г. (всех книг сочинения). В исследовании мы используем данный перевод А. Л. Саккетти в качестве источника терминологического материала, а также в целях толкования отдельных фрагментов латинского оригинала при анализе русского текста XVIII в., так как этот перевод отвечает требованиям эквивалентности и адекватности на современном этапе.

Обращаясь к рукописному переводу 1748 г., укажем, что он был выполнен не с полного текста латинского оригинала, а с его сокращенной версии *«Enucleatus sive Hug. Grotii De Jure Belli ac Pacis Libri tres In compendium olim redacti et nunc primum editi»* [Grotius 1693], которая, тем не менее, принадлежит перу того же автора и представляет собой тезисное изложение всех трех книг с таким же делением на главы и параграфы, как и в полном варианте оригинала. Использование сокращенной версии позволило русскому переводчику XVIII в. выполнить работу в одиночку, не прибегая к помощи других переводчиков, так как полный текст оригинала занимает более 800 страниц непростого специального сочинения со множеством цитат из религиозных, научных и художественных произведений, что неизбежно потребовало бы труда нескольких человек, чтобы выполнить перевод в относительно короткий срок. Используемый нами латинский оригинал в виде тезисов передает всё те же основные положения автора, но без развернутых пояснений и упомянутых цитат, чему и соответствует черновой рукописный перевод «*Толкование или Гугона Гроция*

О праве войны и мира Три книги сокращенныя прежде а ныне первовыданныя ... в Седине, коштом Иоганна Адама Пленера типом Даниила Штаркия 1693». В нижней части титульного листа рукописи находим добавление мелким почерком: «*Переводил на роской с латинскаго язык переводчик Морской академии Иван Сатаров в 1748 году»* [Толкование…]. Это примечание, написанное неразборчиво неизвестной рукой, является весьма ценным как единственное указание на личность переводчика, время и место перевода.

Из справочных источников узнаем, что братья Сатаровы, Максим Петрович и Иван Петрович, были врачами и переводчиками. Первый из них был связан с Академией наук и занимался в основном переводами в области медицины. Иван Петрович Сатаров служил при Адмиралтействе в должности лекаря и в должности переводчика. Ему принадлежит первый русский перевод «Элементов» Эвклида (1739), а также перевод с латинского языка сборника «Архимедовы теоремы» (1745). Однако годы рождения и смерти обоих братьев приводятся как неизвестные [Большая энциклопедия, с. 511]. Исходя из того, что Иван Петрович Сатаров указан на титульном листе рукописи как переводчик при Морской академии, мы обратились к литературе по истории этого учебного заведения и нашли немало интересных сведений, касающихся переводческой профессии И. П. Сатарова. К примеру, узнаем, что «переводчик при Академии, Сатаров, до 1737 года получал 120 р.; а с этого времени ему «за труды в переводе книг» прибавлено 60 р.» [Веселаго 1852, с. 108–109].

Эти труды принесли Ивану Петровичу не только прибавку к жалованью, но и хорошую репутацию, поскольку о нем говорится, что «трудолюбивейшим из переводчиков, кажется, был Иван Петрович Сатаров, переводивший с латинского множество книг, оставшихся большею частью в рукописях. Он умер в 1749 году, и за 10 лет до его кончины было в Академии 14 книг его не напечатанных переводов» [Веселаго 1852, с. 109]. Объяснение, почему они оставались в рукописях, заключалось в том, что «с этими переводами распоряжались довольно странно. В наше время, если желают знать, будет ли полезна для преподавания иностранная книга, то ее прочитают и обсудят в оригинале; а тогда, при малейшем подозрении в полезности книги, ее прямо приказывали переводить … чтобы она не стояла в библиотеке «напрасно». От этого было так много переводов, которые в свое

время принесли некоторую пользу учителям, но до нас не дошли, погибнув в рукописях» [Веселаго 1852, с. 109–110]. Из приведенных отрывков исторического очерка можно выделить следующие факты: И. П. Сатаров скончался в 1749 г., а рассматриваемый перевод был выполнен годом раньше и остался в рукописи среди многих других его переводов, которые предназначались учителям морского кадетского корпуса в качестве учебной литературы. Хотя здесь могут возникнуть сомнения по поводу востребованности данного конкретного перевода трактата Гуго Гроция, так как никакие дисциплины по теории и истории государства и права не входили в учебный цикл Морской академии. Однако, как было выяснено, вопрос о востребованности текста решался уже после выполнения перевода, а о том, насколько пригодилась исследуемая рукопись, свидетельствует отсутствие на ее полях пометок других людей: преподавателей или редактора. Но самое главное здесь то, что перед нами черновик профессионального (по тем временам) переводчика, который к моменту выполнения изучаемого перевода проработал в своей должности уже более 12-и лет и имел большой опыт перевода специальной литературы с латинского на русский язык.

Осознавая, что в коммуникативной ситуации XVIII в. подходы и требования к переводу, возможности и ресурсы русского литературного языка, а также мировоззрение и культура в целом значительно отличаются от современных, мы намерены при описании процесса перевода опираться по большей части на сам рукописный текст как непосредственное свидетельство мыслей и действий переводчика той эпохи. В этом мы разделяем вполне обоснованную позицию современных исследователей художественного перевода, что «мысль автора не существует “где-то там”, откуда он может достать ее и еще раз нам объяснить. Она вся сполна выражена в тексте, в высказываниях! Пусть это будет еще одним аргументом в пользу лингвистического и лингвостилистического подхода в переводоведении, но помимо текста у нас действительно ничего нет…» [Фролов 2017, с. 61]. Распространяя подобный подход на наше исследование перевода XVIII в., уточним, что если замысел автора сполна проявляет себя в «ткани» художественного текста, то мысли и намерения переводчика в процессе исторически удаленного перевода в значительной степени отражены в его черновой рукописи, к которой мы и обратимся.

Первое, что обращает на себя внимание при изучении указанного перевода И. П. Сатарова, это весьма малое количество зачеркиваний и исправлений на всех 132 страницах рукописи. Глоссы на полях или постраничные сноски полностью отсутствуют. Это говорит о невысокой степени переработки латинского текста в русском переводе, так как оригинал в таком случае создавал твердую опору или жесткую рамку, которую русский переводчик заполнял иными языковыми формами, что в свою очередь существенно сокращало количество вариантов при переводе. Проиллюстрируем такое наблюдение примерами разных по содержанию отрывков (см. табл. 1).

Таблица 1

§10. Naturale est dictatum rectae rationis, indicans actui alicui ex ejus convenientia vel pugna cum rationali natura, inesse ei naturalem turpitudinem aut honestatem, et ideo ab ejus naturae auctore praecipi aut vetari. Ut facere secundum illud, debitum sit per se, non ex voluntate quapiam speciali humana vel divina. Quo etiam reducuntur quae illi non repugnant, et oppositis meliora, aut quovis modo honesta sunt. Pertinetque hoc jus etiam ad ea, quae actum voluntatis humanae consequuntur, ac ne a Deo quidem ipso immutari potest [Grotius 1693, с. 3–4].	§10. Натурале есть праваго здраваго ума, показующее действу некоему, где что его имеет сходство или несходство с совестию, натуральную честность или нечестность, и для того от авктора натуры повелевается или запрещается. Чтоб чинить потому, должно есть чрез себя, не по воле какой-нибудь специальной (особливой) человеческой или божественной. Когда также надлежит непротивное и противное лутче, или каким-нибудь образом честно есть. То надлежит сие право также в том, что действо воли человеческой следует и не может примениться ни от самого бога [Толкование…, л. 3].

Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым, а следовательно, такое действие или воспрещено, или же предписано самим Богом, создателем природы. Такое право отличается не только от человеческого права, но и от права, установленного божественной волею, так как последнее предписывает или воспрещает не то, что само по себе и по самой своей природе есть должное или недолжное, но то, что недозволено лишь в силу предписания. Право

естественное распространяется на то, что находится непосредственно в зависимости от человеческой воли, и не может быть изменено даже самим Богом [Гроций 1994, с. 72].

Здесь Г. Гроций вводит одно из центральных для своей концепции понятий – понятие естественного права, исходящего из разумной природы человека, и объясняет его отличие от волеустановленного права, включающего Божественное право (постулаты Библии) и человеческое (внутригосударственное и международное) право. И. П. Сатаров выбирает тактику почти пословного воспроизведения латинского оригинала, избегая любых отклонений ради разъяснения значений и связей между ними. Такой пословный перевод создавал своеобразную синтаксическую «канву», которая не оставляла места ни для каких вмешательств в «ткань» текста со стороны переводчика.

Другой пример был взят нами из главы XVI *De interpretatione* второй книги, который, касаясь собственно лингвистических аспектов толкования текстов обещаний и соглашений, близок по содержанию работе переводчика и, в отличие от предыдущего примера, не относится к теории права.

§1. Qui promisit, tenetur ad id, in quod obligari voluit. Sed quia, quid quisque velit, cerni non potest, jure naturale is, cui promissum est, cogere promisso rem potest ad id, quod recta interpretatio suggerit; cujus regula est mens, colligens hoc illudve ex signis maxime probabilibus. Signa sunt aut verba, aut conjecturae aliae.	§1. Кто обещал должен есть в том, в чем обязатися хотел. Но понеже, чего кто хочет, видеть не можно, по праву натуральному тот, кому обещано, понудить может обещавшаго к тому, что являет правое толкование, котораго правило есть ум дознавающийся сего или онаго по знакам вероятнейшим. Знаки суть слова или догадки иныя…
§2. Verba, si aliae conjecturae absint, intelligenda ex usu populari…	§2. Слова, буде иных догадок нет, надобно разуметь по употреблению народа.
§3. Artium vocabula ex usu eorum, qui artes illas intelligunt et tractant, militaria ex militarium, juridica ex JureConsultorum.	§3. Художеств (звания) вокабуля по употреблению тех, которыя художества оныя знают (разумеют) и в них упражняются, военныя по военному, судейский по судейскому.

§4. Ubi verba plures significationes accipiunt, conjecturis opus, aut ubi sibi ipsis repugnant, aut ultro contra vulgarem sensum exponi desiderant.

§5. Conjecturis illis regula est primo materia negotii, quae talem exigit interpretationem.

§9. Recipiunt autem verba significationes plures, unam strictiorem, aliam latiorem, vel quia speciei nomen generis tribuitur, vel quia usus artis latior, quam popularis [Grotius 1693, с. 139–140].

§4. Которыя слова многия знаменования имеют, надобно догадок, или когда им противны, или против простаго сенсу толковать надобно.

§5. Догадкам, тем правило есть перво материа дела, которая такова требует толкования.

§9. А имеют слова знаменования многия, иные аккуратнее, иныя неаккуратнее, или понеже вида имя роду даруется, или понеже употребление художества пространнее, нежели народное [Толкование…, л. 58].

§1. Кто дает обещание … обязывается исполнить добровольно чего-либо, к чему ему было угодно обязаться. Но так как внутренние акты сами по себе не могут быть видимы, … то в силу самого естественного разума лицо, которому дано обещание, имеет право принудить давшего обещание к тому, что внушит правильное толкование. <…> Мерило правильного толкования есть извлечение смысла из вполне понятных знаков. Знаки эти могут быть двоякого рода: слова и другие способы выражения.

§2. Если невозможно никакое толкование, ведущее к другим выводам, то слова должны пониматься согласно народному словоупотреблению.

§3. Термины технические следует понимать соответственно отрасли знания. <…> Должны применяться определения знатоков каждого искусства…

§4. Применение толкования вызывается, когда слова получают несколько значений, в зависимости от характера противоречия или самоочевидности.

§5. Толкование по содержанию применяется … потому что это соответствует предмету.

§9. Слова имеют не одно значение, а одно в более тесном, другое в широком смысле, … потому что с одним из видов связывается родовое имя …; бывает так, что искусственное словоупотребление шире, чем народное… [Гроций 1994, с. 402–405].

В этом случае мы также наблюдаем близкое следование синтаксису оригинала и пословное воспроизведение латинского текста в переводе, что означало сохранение длины и состава предложений, а также

передачу грамматических форм слова по возможности сходными русскими формами. Независимо от того, было ли содержание главы узко правовым, или оно носило более широкий гуманитарный характер, русский переводчик XVIII в. везде придерживался синтаксического построения латинского оригинала как заданной заготовки, которую следовало заполнить словами родного языка. Такой переводческой тактике способствовали как многовековая традиция перевода с латинского – одного из наднациональных языков Средневековья, так и неустойчивое состояние синтаксиса русского языка первой половины XVIII в., в котором преобладали латинские и немецкие конструкции.

Наибольшее количество фактов, показывающих выбор варианта, размышления, сомнения русского переводчика XVIII в., мы находим в области подбора лексического соответствия в переводе. Здесь процесс работы отражается в многочисленных случаях использования варианта в скобках. Среди таких действий И. П. Сатарова можно выделить определенные группы. Первая группа представляет собой сочетание окказионального соответствия-заимствования с калькой в скобках или наоборот. В основном переводчик применял этот прием для передачи незнакомой терминологии латинского оригинала. Приведем несколько примеров в сопровождении современного русского соответствия.

jus Rectorium [Grotius 1693, с. 2] *право ректориум* (*правительное*) [Толкование..., л. 2] *право господства* [Гроций 1994, с. 68]
jus Aequatorium [Grotius 1693, с. 2] *право экваториум* (*уравнительное*) [Толкование..., л. 2] *право равенства* [Гроций 1994, с. 68]
creditum [Grotius 1693, с. 2] *кредитум* (*поверенность*) [Толкование..., л. 2] *право требования* [Гроций 1994, с. 69]
justitia expletrix commutativa vulgo [Grotius 1693, с. 3] *юстиция* (*правда*) *эксплетрикс* (*исполняющая*) *коммутатива просто* [Толкование..., л. 2] *справедливость исполнительная* [Гроций 1994, с. 69]

jus legitimum [Grotius 1693, с. 3] *право легитимум* (*законное*) [Толкование..., л. 2] *законное право* [Гроций 1994, с. 71]
jus voluntarium divinum… vel universale... vel particulare [Grotius 1693, с. 5] *право вольное божественное… или ~~universal~~* (*генеральное, общее*) *универсальное… или партикуляре частное* [Толкование..., л. 3] *волеустановленное право божественное… или всеобщее… или свойственное одному народу* [Гроций 1994, с. 75]
jure habent usufructario [Grotius 1693, с. 24] *правом имеют узуфруктарио (употреблением плода)* [Толкование..., л. 12] *владеют на праве узуфрукта [пользовладения]* [Гроций 1994, с. 135]
defensio… reparatio vel poena [Grotius 1693, с. 40] (*дефенсио*) *оборона…репарациа* (*возвращение*) *или Пэна* [Толкование..., л. 17] *самозащита… возвращение имущества или наказание* [Гроций 1994, с. 187]
proprietates [Grotius 1693, с. 47] *проприэтатес* (*собственности*) [Толкование..., л. 21] *частная собственность* [Гроций 1994, с. 201]
de acquisitione originaria rerum [Grotius 1693, с. 54] (*о получении оригинальном*) *де акквизиционе оригинариа вещей* [Толкование..., л. 23] *о первоначальном приобретении вещей* [Гроций 1994, с. 217]
de acquisitione derivativa facto hominis [Grotius 1693, с. 75] *о получении* (*производном*) *дериватива акквизиционе действием человека* [Толкование..., л. 31] *о производном приобретении имущества путем человеческого действия* [Гроций 1994, с. 267]
bonae fidei possessor [Grotius 1693, с. 101] *доброй веры поссессор* (*стяжатель*) [Толкование..., л. 43] *добросовестный владелец* [Гроций 1994, с. 324]

Переводчик применял подобные сочетания разных вариантов передачи терминов с целью их толкования в культуре языка перевода, о чем свидетельствует единственная в рукописи пометка самого переводчика в третьей книге рядом с названием главы IX *De Postliminio / О Постлиминии*, где после фигурной скобки написано *Толковать*. Но самого толкования не дается, вероятно потому, что автор в первом параграфе этой главы предлагает этимологическое объяснение, которое И. П. Сатаров переводит: *«А Постлиминиум есть от Пост и лимес, и будто возвращение до пределов отечества»* [Толкование…, л. 102]. Интересно отметить, что в современном русском языке существует тот же заимствованный термин «право постлиминии», который означает право возвращения из плена на родину и вступления в прежние правовые отношения. Этот пример важен для нас именно пометкой И. П. Сатарова о том, какую функцию выполняли русские соответствия-кальки в скобках или за их пределами.

Однако иногда вариант в скобках используется в случае сомнения переводчика в правильности выбранного соответствия. Например:

> …non magis quam in aere aut syrtibus [Grotius 1693, c. 48].
> …*не более как в воздухе или* (*пропастях*) *сиртибус*
> [Толкование…, л. 21].

Здесь перед нами уже не юридический термин, а общеязыковое слово *syrtis* со значением «отмель», в данном контексте обозначающее песчаные морские отмели, которые «допускают добывание песка из их неисчерпаемых запасов» [Гроций 1994, с. 204]. Как видим, И. П. Сатаров ошибочно перевел это слово как «пропасти», но, вероятно, сомневаясь в своем решении, поставил русский вариант в скобки и предложил заимствование из латинского языка, причем в падежной форме, как в оригинале.

Следует отметить, что русский переводчик XVIII в. нередко прибегал к заимствованию латинского текста без каких-либо толкований в тех случаях, когда он затруднялся перевести некоторый отрезок оригинала. Здесь надо учитывать, что ни лексикографические источники, ни специалисты в предметной области не могли прийти на помощь И. П. Сатарову, так как он был первопроходцем не только в переводе юридического сочинения, но и во всей понятийной сфере международного права в русском языке. Поэтому при сомнении или незнании, непонимании, как передать тот или иной фрагмент оригинала, Иван

Петрович Сатаров переносил латинский текст в русский перевод посредством транскрипции / транслитерации. Вот как он это делал:

> Etiam infeudatione aliquid alienatur, sub onere commissi ex felonia, aut deficiente familia [Grotius 1693, c. 77].
>
> Также инфеудационе нечто отчуждается, под тягостию допущенного экс фелониа, или когда нет фамилии [Толкование…, л. 31].
>
> *Под отчуждением правильно понимается также инфеодация с обязательством возврата в случае измены или в случае прекращения семьи владетельной фамилии* [Гроций 1994, с. 269].

> Hinc liquet, exercitatoriam et institoriam niti jure naturali, ex quo tamen tenentur exercitores pro suis tantum partibus singuli, contra quam est proditum jure Romano [Grotius 1693, c. 108].
>
> От сего явно есть, что эксерцитаториа и институриа основание имеют на праве натуральном, и должны эксерциторес за себя только против права Римскаго [Толкование…, л. 46].
>
> *Отсюда становится понятным, почему иски к капитанам кораблей и торговым агентам по поводу ведения ими дел… опираются на естественное право; напрасно римскими законами предусмотрена полная ответственность каждого из хозяев корабля за действия капитана* [Гроций 1994, с. 335–336].

Вставляя подобным образом латинские слова в русский текст, переводчик XVIII в., возможно, рассчитывал, что получатель этого специального перевода будет более сведущ в данной области и интерпретирует эти латинские названия соответственно предмету и контексту.

Вторая группа случаев использования И. П. Сатаровым скобок в рукописи представляет собой синонимические варианты подбора соответствия в переводе. Такие действия переводчика были обусловлены внутриязыковыми факторами и возможностями русского национального литературного языка середины XVIII в. Например[1]:

> аргументы (или доводы) [л. 6]; (~~Примечание~~) Усмотрение или хранение известных обыкновений [л. 9]; (покоя) мира и ряда ради [л. 15]; когда оставится ~~имение~~ (стяжание) владение [л. 24]; контракт с имеющим (стяжателем) [л. 25]; подали нужное к бытию (житию) [л. 33]; (наместия) поставления одного вместе другова [л. 37]; в праве получений (притяжаний) [л. 47]; о интерпретации (переводе) толковании [л. 57].

[1] Номера листов приводятся по: [Толкование…].

Эти и другие подобные им варианты перевода в скобках показывают сомнения Ивана Петровича Сатарова в семантическом или стилистическом аспекте конкретных соответствий. Как показывают приведенные примеры, синонимические варианты являются сочетанием церковнославянского и русского или иностранного и исконно русского соответствий, что, в свою очередь, отражало общее состояние языка перевода 40-х гг. XVIII столетия. Академик В. В. Виноградов охарактеризовал такое состояние как «социально-речевое брожение», которое проявлялось в «стилистических противоречиях в литературном языке, его хаотической бессистемности, совмещавшей варваризмы, канцеляризмы, просторечие и церковнокнижную речь, отсутствии твердых признаков жанра и стиля» [Виноградов 1982, с. 102]. Таким образом, мы видим, что состояние национального литературного языка является важным фактором воздействия на процесс перевода, вызывая у переводчика сомнения относительно выбора того или иного соответствия.

Сюда же следует отнести недостаточность ресурсов языка перевода, которая проявлялась в неспособности передать все разнообразие значений оригинала. Там, где в оригинале говорится о гражданском обществе *societas civilis*, в переводе 1748 г. читаем о *товариществе и сожитии гражданском* [Толкование…, л. 16]; где упоминается учреждение государственных судов *introducta judicia*, русский переводчик говорит о *бытности судов и разсуждений* [Толкование…, л. 9]; а более образованные народы *moratiores populi* у И. П. Сатарова называются *те, которыя повежливее* [Толкование…, л. 3]. Кроме приведенных примеров, вышеуказанную недостаточность ресурсов языка перевода можно проиллюстрировать с помощью сравнительной таблицы лексических соответствий в ключевых понятийных сферах:

Латинский оригинал	***Перевод И. П. Сатарова***
dominium	власть; господство
potestas	власть; потестас
magistratus	власть; магистрат
summa imperia	высочайшая власть; империя; владение
authoritas	власть; авкторитас
facultas	власть; мочь (*мощь*)
arbitrium	власть; рассуждение

Латинский оригинал	*Перевод И. П. Сатарова*
conventio	договор; конвенция
foedus	договор; завет; федус
pactus	договор; пакция
justitia	правда
aequum	правда

Здесь мы видим, что семи латинским лексическим единицам со значением «власть, царская власть, верховенство власти, захват власти, способность и т.д.» соответствует одна лексема в языке перевода, заменяемая чаще всего своим латинским прообразом и реже контекстуальным синонимом русского языка. То же самое можно сказать о трех латинских лексемах со значением «государственный договор, публичное соглашение, иное соглашение», которым соответствует одно русское слово «договор» или латинское заимствование. Всё это в совокупности свидетельствует не только о неспособности языка перевода передавать различные оттенки значения, но и о заметном культурном разрыве в освоении понятийных сфер права, отраженных в латинском оригинале Гуго Гроция и в русском переводе 1748 г.

Подводя итоги наблюдения за работой русского переводчика XVIII в. по его черновой рукописи, можно заметить определенный алгоритм действий при передаче специального текста. Во-первых, почти пословное воспроизведение синтаксического построения оригинала создавало некую неизменную основу, исключавшую вмешательство в текст со стороны переводчика. Во-вторых, заимствованные понятия и термины сопровождались толкованием путем калькирования, что также соответствовало тактике пословного перевода. В-третьих, при затруднении в понимании узко специального содержания оригинала и, как следствие, невозможности перевода непонятный фрагмент переносился в переводной текст путем транскрипции / транслитерация без каких-либо примечаний. При этом возможности языка перевода, обусловленные этапом его развития, осложняли работу переводчика, вызывая сомнения в стилистических аспектах выбранных соответствий. В целом, описанный алгоритм действий русского переводчика XVIII в. подводит нас к выводу о том, что в условиях заметного культурного разрыва, проявлявшегося, в частности, в отсутствии знаний

в предметной области, а также в условиях недостаточности ресурсов языка перевода и неустойчивости его состояния процесс перевода неизбежно сводился к копированию текста оригинала, что подтверждается действиями переводчика специальных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большая энциклопедия : в 62 т. Т. 43: Руссо – Свентоховский. М.: Терра, 2006. 592 с.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб. : В Типографии Морского Кадетского Корпуса, 1852. 352 с.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высшая школа, 1982. 529 с.

Гроций Г. О праве войны и мира Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти ; [Репринт с изд. 1956 г.]. М. : Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. 868 с.

Жуков В. Н. Гроций Гуго // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика ; Современник, 2009. С. 162.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2002. 424 с.

Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса. Вып. 6: Гроций Г. О праве войны и мира. СПб. : П. П. Сойкин, 1902. 50 с.

Овчинников В. А. К учению о посольской неприкосновенности: Обзор литературы вопроса о неприкосновенности посла, совершившего преступление в месте миссии, за время от Конрада Бруна до Гуго Гроция / В. А. Овчинников, доц. Варш. ун-та. Варшава : Типография Варшавского учеб. округа, 1915. 199 с.

Толкование, или Гугона Гроция О праве войны и мира, Три книги сокращенныя прежде а ныне первовыданныя… [рукопись] : подлинник / пер. с латин. Ивана Сатарова. [Б.м.], 1748. 132 л.

Фролов В. И. Изгнание духа автора. Размышление об актуальности одного переводческого штампа // Мосты. 2017. № 4 (56). С. 57–61.

Grotius, Hugo Enucleatus sive Hug. Grotii De Jure Belli ac Pacis. Libri tres… Sedini: imp. Johannes Adami Pleneri, typis Danielis Starckii, 1693. 376 p.

УДК 82.02

И. Б. Смирнова
старший преподаватель кафедры отечественной
и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: le21mars@mail.ru

АСТРОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ИЛИ РОЖДЕНИЕ И ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНА

***Цикл*: «Стрелка часов»**

Статья закладывает теоретические основы для нового литературоведения, согласующегося со всеобщими законами астрологии. Сами эти законы, применительно к новому направлению литературоведения, приобретают специфический характер. Линейное мышление современного западного аналитика и историка литературы помещается в координаты славяно-арийского и древневосточного циклического времени. Взаимодействие западного и восточного мировидения и стилей литературоведческого анализа порождает новые характеристики культурных периодов и литературных направлений настоящего исторического цикла. Многомерный астрологический подход, учитывающий философию числа, освобождает сознание человека от поиска ответа на неразрешимые вопросы посредством выбора «или, или». Подобная новаторская методика рассмотрения литературы оказалась особенно продуктивна в аудитории института международных образовательных программ, где в группах присутствуют представители и носители разных, порой полярно разведенных культур, либо полилингвальные кросскультурные представители. Воспоминание о национальных мифах оказалось взаимно познавательным в человеческом аспекте общения и одновременно примирительным в обучающем его аспекте.

Ключевые слова: линейное и циклическое время; духовно-научные основания истории; поэтика западноевропейского романа; астрология динамики литературного процесса и типического романного сюжета.

I. B. Smirnova

Senior Lecturer at the Department of Literature,
Moscow State Linguistic University; e-mail: le21mars@mail.ru

ASTROLOGY OF THE LITERARY STUDIES OR BIRTH AND RENEWAL OF THE WESTERN EUROPEAN NOVEL

The article lays the theoretical basis for a new literary criticism, consistent with the universal laws of astrology. These laws, as applied to the new direction of literary criticism, acquire a specific character. The linear thinking of the modern Western analyst and literary historian are considered in terms of ancient Slavic-Aryan and ancient Eastern cyclic time. The interaction of the Western and Eastern worldview and styles of literary analysis generates new characteristics of cultural periods and literary trends of the present historical cycle. The multidimensional astrological approach, taking into account the philosophy of number, frees man's mind from seeking answers to insoluble questions by choosing «either / or». Such an innovative technique proved to be especially efficient in the Institute of International Educational Programmes where representatives of different, sometimes polar cultures, or polylingual cross-cultural representatives study together. The recollection of national myths proved to be mutually informative in terms of human communication and at the same time reconciliatory in the aspect of professional teaching communication.

Key words: linear and cyclic time; spiritual and scientific foundations of history; poetics of the West European novel; astrology of the dynamics of the literary process and that of the typical novel plot.

Посвящаю сюжет
Дню весеннего равноденствия

Магистральная линия развития литературы и, как следствие, литературоведения прослеживается по так называемым «вершинам» мировой литературы, на их исследовании также строится любой базовый учебный курс по истории национальных литератур. Все эти «вершины» приходятся исключительно на жанр романа либо на романный сюжет, который мы находим в разных родах словесности: в недрах эпоса, затем в лирике, также в драме и, наконец, обособившимся: романом в стихах и затем в прозе. Поэтика западноевропейского романа в ее динамике составляет объект и предмет исследования многих российских и западных ученых. Углубление в тематику и проблематику романа каждого культурного периода в отдельности порождает естественное стремление выявить, проследить и описать

общие закономерности смены «романной картины мира», от века к веку, от эпохи к эпохе. Большой вклад в изучение и описание логики смены культурных периодов через призму романа, английского, французского, немецкого и русского, вносят в науку работы доктора филологических наук профессора А. П. Бондарева [Бондарев 1982; Бондарев 1986; Бондарев 2008; Бондарев 2010; Бондарев 2011; Бондарев 2013; Бондарев 2016; Бондарев 2018]. Цикл статей И. Б. Смирновой «Восток и Запад: спор или диалог?»[1] создает в своей общей идее базу для так называемой поэтики равноденствия, которая и легла в основу гипотезы настоящей статьи.

Ощущая свою эпоху как знаковую, как во многом завершающую определенный цикл развития, мы объединяем исторический подход к роману, ставший традиционным, с астрологическим, который выступает в филологии как новаторский. У разных авторов находим мы подтверждающие описания разных фаз нашей диаграммы, в том виде, в каком она сложилась в ходе работы по составлению учебного курса для студентов. К этим готовым описаниям мы добавляем свои собственные наблюдения и соображения, собранные в ходе подготовки к занятиям. Накладывая привычную линейную хронологию западноевропейского романа на традиционную древнюю схему циклического времени, мы получаем многочисленные свидетельства близости настоящего момента истории романа к окончанию цикла из современных источников по истории и теории литературы в подтверждение нашей гипотезы.

Диаграмма циклического развития романа строится как на теоретических, так и на практических основаниях. Мы рассматриваем отрезок западноевропейской культуры от начала фиксации художественно-повествовательной формы на письме и заканчиваем нынешним днем, когда письмо и письменность с их свойством кристаллизации мысли снова утрачивают свое главное и первенствующее значение: создавать и удерживать форму, дисциплинирующую содержание. Объективация становится бесформенной, завершение отсутствует по ряду причин, которые мы укажем в свое время в своем месте. Умирает уважение к языку: к точности словоупотребления, красоте морфологии, завершающей структуризации синтаксиса. Художественно-повествователь-

[1] Опубликованы в научном журнале «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» (2014–2018).

ные жанры, не отказываясь от привычных носителей информации, которые переходят в жидкокристаллические, отказываются, тем не менее, от связи с миром форм, и это несомненный признак близости завершения цикла. Но наша теория лишена эсхатологических настроений: через разложение структуры происходит временное возвращение романа в мир идей, где совершается его обновление, создающее условия для рождения в новом облике. В периоде так называемого романного бардо любовная история, лежащая в основании всех родов и видов литературы, как бы смотрит на себя со стороны глазами авторов, героев и читателей, с тем чтобы «напитаться» новым смыслом: «очиститься» от излишеств и учесть неучтенное. Как человек во сне между сегодняшним и завтрашним днем отдыхает, обучается и «переновляется»[1], так и роман пробуждается после сна поумневшим, посвежевшим и устремленным к новой цели. Как наше стареющее тело претерпевает в посмертии ряд трансформаций и входит в сансару уже иным, так же идея и форма романа нуждаются в некоторой «ночи» для «сна». Роман воскресает прежним – и неузнаваемым, из мертвых вновь восстает вечным фениксом, способным вести людей к новым горизонтам, указуя на ось Вселенной: взаимодействие Мужественного и Женственного в их борьбе и сотворчестве. Когда роман расширяет поле зрения до определенного предела, когда ему недостает глаз, чтобы этот предел охватить, из диалогического сам он становится элементом нового диалога, включая свой мир в новый мир. И так далее: освоив его и сделав своим элементом, вновь включается в другой мир.

Данное исследование охватывает лишь один виток развития жанра, а именно, пятый культурный период (датируемый Р. Штайнером от XII в. и ограничиваемый нашими рассуждениями по XXI в.). Мы не касаемся праиндийского, праперсидского, египетско-халдейского и греко-римского периодов, каждый из которых имеет свою историю романа, рассказывающую себя по канонам своего космогонического мифа. Не трогаем здесь и русский роман, который создавался с двух точек зрения: по ведическим, с одной стороны, а с другой – по христианским канонам.

Поскольку пятый культурный период оформился вполне, мы делим его также на отрезки, отмечая для каждого характерные черты.

[1] Архаический термин русской ведической культуры.

Итак, перед нами своеобразные «часы» западноевропейского романа. От века к веку мы можем наглядно проследить по ним не только чередование свойств и настроений повествования, но и определенную однонаправленную динамику, открывающуюся через общий литературоведческий анализ.

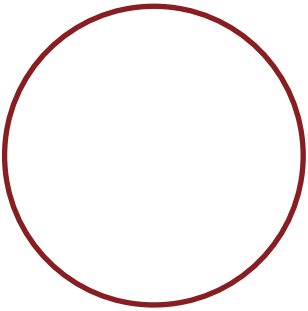

Рис. 1

Рис. 2

Рисунок 1 напоминает нам о единстве мироздания, о неразрывности противостоящих полюсов и противостоянии стремящихся друг к другу точек. Главная идея нашего астрологического экскурса в историю литературы – подчеркнуть не порядок, не последовательность, не иерархию, не цикличность, а именно ***единство и взаимосвязь*** всех составляющих сил и процессов наших условных схем, которые будут перестраивать здесь всем известные астрологические меры на свой литературный лад. Рисунок 1 напоминает цельный совершенный солнечный диск.

При спуске из Мифа в Историю в условной точке Весеннего равноденствия мир утрачивает целостность, мировидение – эпичность. Начинается циклический «век романа»: «утро», «день» и «вечер» жанра, соответствующие весне, лету и осеннему сезону. Рисунок 2 показывает этот переход, условно отсылая к идее рождения нашего мира в физическом, вместе с разделением Света от Тьмы, когда Бог первый назвал «Есть» т. е. «день», а вторую «Неть», то есть «ночь». Здесь для нас это «день и ночь романа», т. е. большие сутки развития жанра в одном из культурных периодов. Эта схема своей черно-белой двойственностью напоминает Луну, точнее, фазу «первая четверть». Следует иметь в виду, что деление на равные части света и тьмы здесь

условно: на самом деле «Неть» занимает на нашей схеме не более четверти цикла. А если разобраться в философии термина «Ночь», то на схеме ее быть вовсе не может: ведь это идея абсолютного отрицания, область отсутствия света сознания. В принципе такой области нет, а есть лишь область ослабления Света. В ее недрах, как покажут дальнейшие схемы, зарождается новый цикл жизни. Ее нельзя считать «злом», а лишь «тьмою», создающей условия для полноценного отдыха и нового начала. Как зимой природа не умирает, а спит, также точно в период Нети роман уходит из «Явленного» в «Не-явленное». Однако мы вводим поневоле Неть в нашу схему, чтобы отвести законное место «романному бардо». Древнерусская поговорка «По естю и неть живет» [Цит. по: Карпенко, Нечаева-Зубец, Ч. 1., 2014, с. 77] как раз свидетельствует о том, что пропорция Света и Тьмы в каждом цикле своя. *Неть* будет занимать от *Ести* такую часть, какая потребуется для отдыха и переновления, независимо от того, во времени имеет место бардо или вне времени.[1]

Рисунок 3 показывает соответствие на «часах» времени суток, времени года и сектора цикла развития. Здесь же показан восточный порядок взаимопорождения стихий, т. е. общих свойств сущего (индийский вариант). Циферблат представлен в привычном нам облике.

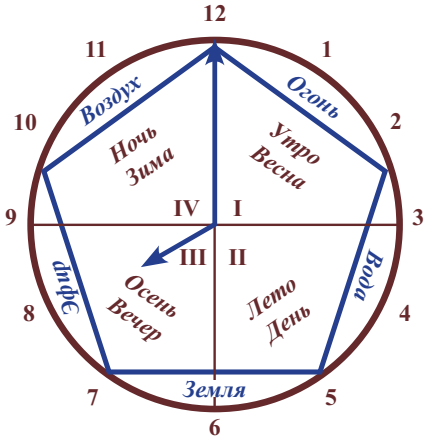

Рис. 3

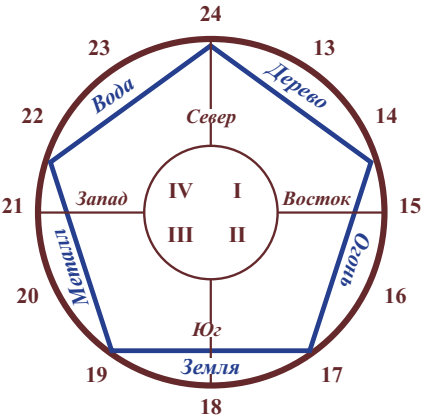

Рис. 4

[1] Возможно то и другое.

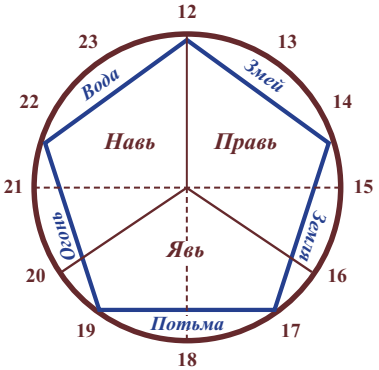

Рис. 5. Змей – в начале цикла

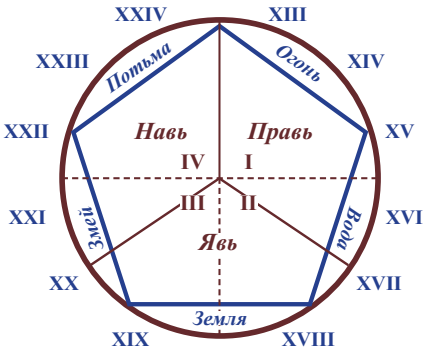

Рис. 6. Змей – в конце цикла

Рисунок 4 показывает соответствие на «часах» временнóго и пространственного показателя: ориентированность каждого периода относительно четырех сторон света. Эта схема отражает своеобразный «хронотоп», который мы опишем подробнее. Здесь же показан восточный порядок взаимопорождения стихий, т. е. общих свойств сущего (китайский вариант). Циферблат отражает арабскими цифрами привычный нам облик часов, но в соответствии с порядковым номером литературного века, который мы собираемся изучать. Восприятие упрощается тем, что этот номер соответствует послеполуденному часу, от 13 до 21. Часы-века 22, 23 и 24 – даны условно. На нашей схеме верхний левый сектор – Неть романа. Он настолько же скрывает в своей Потьме конец века, сколько его начало. «Скрытые» часы могли быть 10, 11 и 12. Очевидно, что это эпические века предыстории романа. Романный сюжет уже был «зачат» в лоне пространного народного сказа или сказания. С точки зрения теоретиков бардо, период от «смерти» романа до его нового «рождения» – это «сон». С точки зрения теоретиков немедленного перерождения, последняя четверть – медленное «умирание», после которого в точке перехода стрелки часов на правое полукружие наступает момент нового рождения.

На «часах» рисунка 5 приведена в соответствие статика русской космологии и свойства каждой стадии литературного процесса. Оживляющим компонентом схемы служит «Змей Юша»: чудище морское, которое Сварог поставил поддерживать Землю, «чтобы она вновь в океан не ушла». Потому он поставлен между землей и водой и может

быть назван «Змей оживляющий», или «Змей порождающий». Три области Вселенной здесь приведены в соответствие с кардинальными направлениями, а Змей гипотетически поставлен в начало цикла.

На рисунке 6 отмечены «четыре четверти Круга Всевышнего» русской ведической традиции. Циферблат представлен римской цифирью, которая нас приближает к идее обозначения не часа, а века. Змей здесь гипотетически поставлен в самый конец цикла как «Змей пожирающий», поскольку может выступить и в такой ипостаси. Он пожирает все смыслы, порожденные и зафиксированные «романом» пятого культурного периода, с тем чтобы предать его Потьме «чистым», т. е. пустым, внекачественным. В Потьме роман перерождается для нового витка истории. Циферблат, сохраняя римскую цифирь, здесь немного сдвигается, показывая век не как час, а как период, т. е. одну треть каждого сектора. Распределение стихий по Кругу – условно, порядок соответствует Мифу. Но творение Вселенной в русском космогоническом мифе начинается не с упорядочения хаоса и отделения Света от Тьмы, как в ветхозаветном иудейском мифе, а с создания земли, для которой потребовались также затем вода, огонь, потьма и змей: весь порядок творения относительно восточных вариантов перевернут. Здесь также важна идея ***единства и взаимосвязи*** этапов Творения и всех сил, участвующих в нем.

Рисунок 7 синтезирует русский и восточный варианты соответствия стихий сторонам света и добавляет рождение органов чувств,

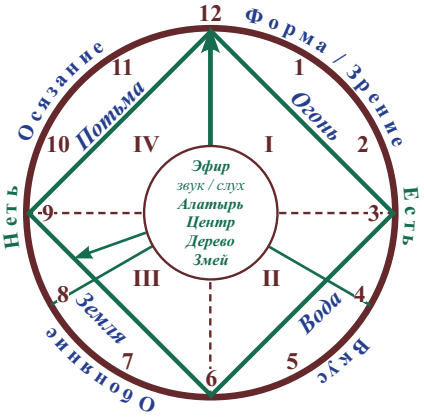

Рис. 7

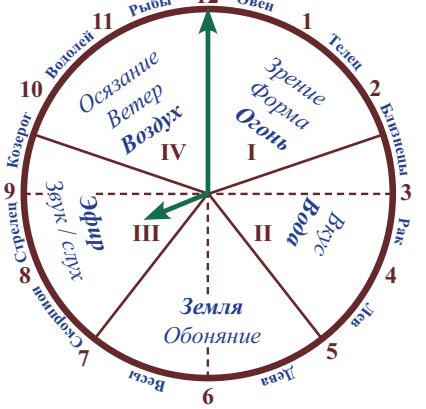

Рис. 8

связанных с этими первоэлементами. Причем пятый компонент отнесен, по китайской традиции, в центр как «несистемный»: восточное Дерево, Змей и Алатырь русской традиции – никак не отнесешь к «веществам» или «средам», как прочие (в то время как даже Потьма соответствует Металлу). Вместе с ними в центре оказывается Эфир, порождающий одновременно «звук» и воспринимающий его «слух». Все эти ключевые, или «оживляющие» «цепь стихий» компоненты, могли бы быть поставлены как в начало, так в конец цикла. Символически они заявляют о себе как об исключительных, не похожих на остальные. Бессмертные Камень, Растение и первое Живое существо (будь то Змей) могли быть как у начала нашего мира, в качестве матрицы будущих подобных им смертных, так и в конце – как результат эволюции минералов, растений и животных к духовности. Схема 7 облегчает сближение «цепи стихий» с «четырьмя четвертями», а также со славянским и индийским вариантами деления общества на страты (варны). Циферблат снова арабский: идея часа и периода сливаются в символе числа. Первый период и век – это первый этап литературного процесса.

Рисунок 8 добавляет в часы «этапов литературного процесса» солнечный зодиакальный круг, вызывающий сезонные ассоциации. Специфику знаков мы рассмотрим ниже. При этом мы извлекаем из Центра Эфир (с зарождением звука и слуха) и помещаем его в цепь стихий таким образом, что «Слово Божье» зачинает новую жизнь (ветхозаветный иудейский миф), так же как «Свет Лика Его» (Русские Веды). Глядя на часы 8, мы рисуем себе Начало жизни во всех гипотетически представимых вариантах и подбираем тот, который ближе нашему индивидуальному культурному складу.

Рисунки 9 и 10 указывают минутной стрелкой на точку Весеннего Равноденствия: момент «рождения», или «самозарождения», романа (кому как нравится). Обе они посвящены определению «мировоззренческого возраста» жанра, в пределах пятой культурной эпохи. Часовая стрелка указывает на сегодняшний день романа. Возрастные периоды указаны с учетом средней продолжительности жизни: для Средних веков (см. рис. 9) и для Современности (см. рис. 10). Периоды условны. Высшая точка мировоззренческой взрослости приходится на 12 или 13 часов: на зарождение жанра, откуда возраст начинает уменьшаться. Этот процесс мы описываем ниже. В Средневековье

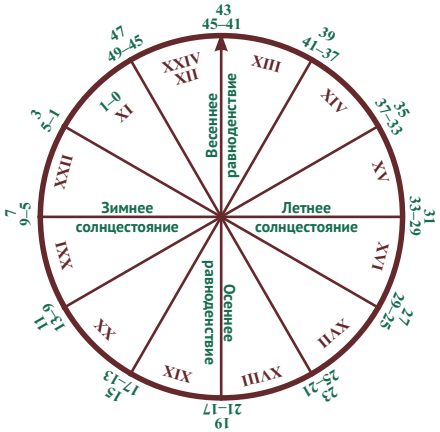

Рис. 9

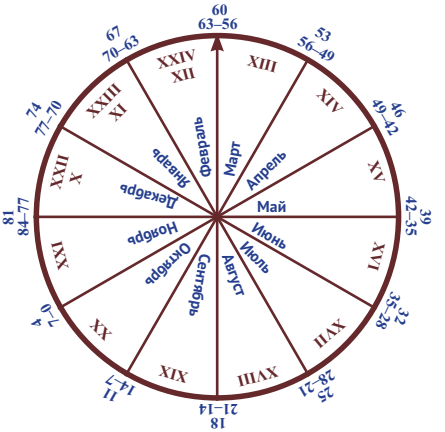

Рис. 10

в «Ночи» продолжается деградация, до градуса «Собаки» двенадцатиричного цикла. Секторы Свиньи и Крысы соответствуют Бардо. Тогда как в Современности деградация иссякает к сектору Петуха, откуда без Бардо зачинается новый цикл. Средневековая точка мировоззренческой зрелости и прижизненного Просветления (41–45) знаменовала высшую мудрость романа, отвечающего своей идее. В Современности точка Просветления (63–70) находится как бы за гранью видимости: перед рождением романа, в эпическом, внутриутробном, периоде его развития. Ведь роман признают «продуктом распада эпоса», следовательно, эпос ценится выше романа, откуда следует, что высшая мудрость романа – была у него до его рождения, и соответствует 70-летнему возрасту человека. Причем «возрастание» в мудрости Современность после Просветления не прекращает до самой смерти, за счет того, что современная теория исключает период временнóго Бардо между смертью и рождением. Всё это отражает картина 10. Точка Весеннего Равноденствия не сдвигается со своего места, поскольку указует на начало XIII в.: появление лучших образцов куртуазной разновидности жанра. Его мировоззренческий возраст для современности условно соответствует 56–63 годам. «Шаг» рисунков 9 и 10 взят условный, с учетом разницы «глубины» изживаемого времени. Как «романный век» ранее изживался за 43 человеческих года, так теперь условно изживается за 84, размеченные на рисунке 10. Рисунок 10 добавляет параметрам диаграммы разбивку на условные «месяцы»,

которые дадут нам представление о конкретном характере «погоды» всякого культурного направления и течения.

Рисунки 11 и 12 напоминают литературоведу о законах чередования преобладающего воздействия противоположных сил. Шаг чередования, согласно китайской традиции, соответствует десятиричному подходу. Но мы, в координатах русской недели и Семи верст русской ведической традиции, имеем в виду, что шаг чередования подвластен влиянию культурного домена, так что в западноевропейском романе он вполне может обнаружить себя в другом виде.

Рисунок 13 показывает движение истории романа по этапам зодиакального круга, наделяющего жанр своими свойствами. Здесь мы также легко прослеживаем переход «энергий» жанра в соответствии с теми органами и системами тела, за которые ответственна каждая область зодиакального круга.

Рисунок 14 показывает соответствие каждого «часа» романа двенадцатиричному большому астрологическому кругу животных, иллюстрирующему фазы развития каждого живого организма нашей планеты и также каждого творческого проекта. Здесь наглядно видна ситуация настоящего момента. В секторе 17.00–19.00 роман покоится в могиле, в сумерках между «обезьяной» (смертью) и «собакой» (прерыванием сна). Последующие за настоящим секторы «свиньи» (зародыш) 21.00–23.00 и «крысы» (вскармливание зародыша) 23.00–01.00

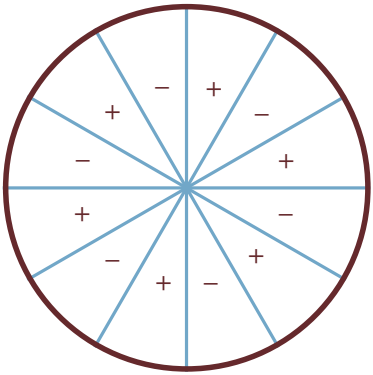

Рис. 11

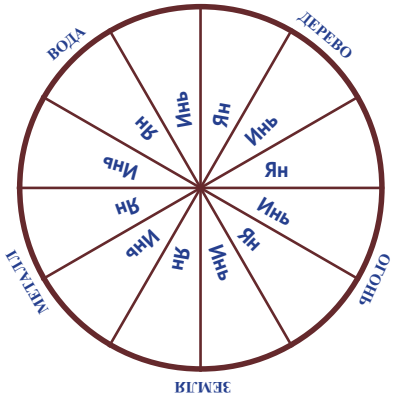

Рис. 12

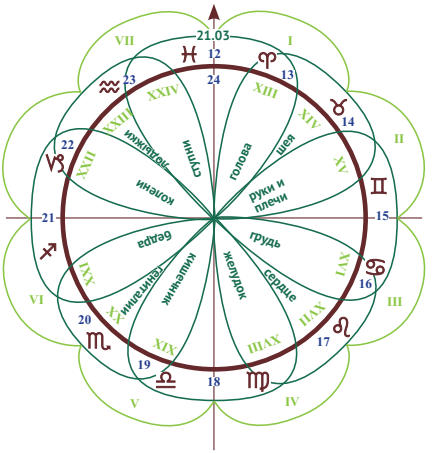

Рис. 13

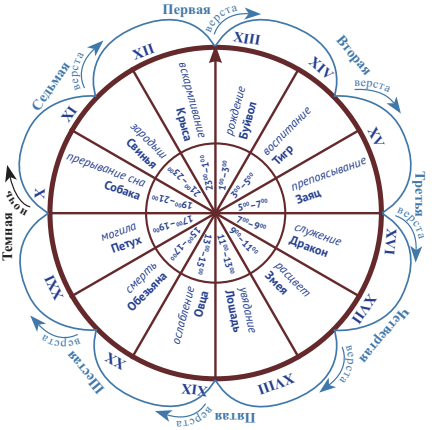

Рис. 14

приходятся в нашей картине на области Мифа, сказки и героического эпоса, в недрах которых вызревает романная форма.

Рисунок 15 показывает, где сегодня стоит стрелка часов романа относительно «Ести» и «Нети». На ней четко видна близость настоящего момента к периоду неизбежного «развоплощения». Цветом указано примерное соответствие культурных периодов «Семи верстам Вселенной» русской ведической традиции, семи дням русской и западноевропейской недели и их управляющим планетам. Окончание «Шестой версты» Вселенной, соответствующее русской и западноевропейской субботе и обозначенное самым темным цветом, нам еще предстоит пройти, прежде чем роман «свернется» в область Мифа, чтобы там переродиться.

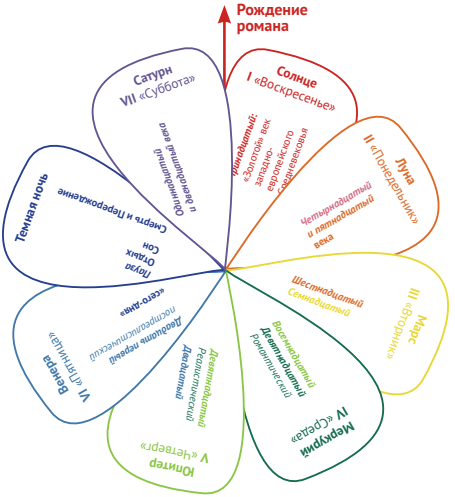

Рис. 15

На этом рисунке радужные переходы цветовой гаммы подсказали отсутствие цвета именно в конце цикла, так что настоящий

Рис. 16

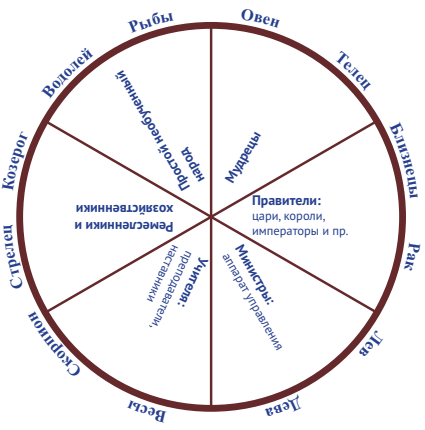

Рис. 17

отрезок истории романа и является как бы «Нетью», за которой стоит ждать перерождения через вневременное бардо. Не разлуку, а, напротив, бытийную встречу ищущих друг друга героев, читателей и авторов романа. Таким образом схема 15 наглядно соответствует славянскому и древневосточному представлению о том, что Ада топографически нет нигде, кроме как на самой Земле, в этой нашей жизни, которая не позволяет нам изведать полноты и цельности состояний. Она показывает, что за развоплощением непосредственно, без паузы, черной дыры, безо всякой «no men's land» (Шри Ауробиндо) последует фаза зарождения новой жизни, которая будет чище, насыщеннее и реальнее прошлой. Так, например, «стереофото», произведенное с двух точек одновременно, предстает «реальнее», чем просто «фото». Мы показываем, что «Рождению в физическом» предшествует духовное «Воскресение». Так и происходит в истории западноевропейского романа: попытка «обновления» в модернизме, «постобновление» как отказ от нее в Постмодернизме, смерть старой материальной формы произведения и – духовное освобождение содержания, которое вновь готовит на земле условия для следующего воплощения.

Рисунки 16 и *17* показывают соответствие секторов наших «часов» славяно-арийскому / индийскому и китайскому делению общества на страты. Часы и века маркирует здесь Зодиак посредством соответствующих рунических символов. На славяно-арийской / индийской схеме

Рис. 18

квалифицированное население составляет 3/4, тогда как на китайской – 5/6. Но это условно. Для нас важнее общая предрасположенность каждой варны и ее связь с сектором Неба, отвечающим за развитие умственных, душевно-духовных и телесных умений и навыков. По секторам, соответствующим уровням китайской «гексаграммы» «Книги перемен», мы видим «предопределение» каждого культурного периода романа к воспитанию той или иной «варны».

Рисунок 18 указывает на символическое соответствие координат нашей диаграммы четырем кардинальным ландшафтам. Далее будет описано соответствие художественного задания романа ландшафтам разных «верст».

Подчеркиваем, что мы характеризуем «часы» скорее качественно, чем количественно. Здесь намечаются скорее общие тенденции романа, чем его конкретные проявления. Каждая точка на диаграммах будет многомерно указывать на:

- мировоззренческий возраст романа;
- «угол» объективации героя и реальности романа;
- «ландшафтную» фазу и точку зрения;
- тип взаимоотношений между Богом – автором – героем – читателем – описываемым событием;
- тип взаимоотношений между автором и текстом;
- изменение веры (героя);
- чередования «маятниковых» влияний в литературных процессах;
- власть стихии и планеты над сектором;
- связь с одной из трех больших областей Вселенной (явной, неявленной и надсущей);
- связь с органами, частями и пятью чувствами человеческого тела;
- связь с варнами: профессиональными наклонностями каждого «часа» и сектора круга;

- творческую фазу развития живого организма или творческого проекта.

В соответствии с нашей экспериментальной диаграммой в точке Весеннего Равноденствия появляется первая форма западноевропейского романа: куртуазный роман. О примерной дате произведений этого жанра свидетельствуют рукописи XIV в., самые ранние из найденных документов. Общеизвестно, что двумя основными ориентирами куртуазного героя выступают подвиг и любовь, создающие напряженное равновесие сюжетной динамики. Как первая художественная романная форма, родившаяся под «духовной звездой» «Равноденствия», этот роман ориентирован на обожение человеческой природы. Внимание средневекового слушателя и современного читателя рыцарские романы обращают не на приключения или развлечения, а на символ духовного очищения и преображения: святой Грааль (различных авторов), Розу (Гильема де Лорриса и Жана де Мена) или отблеск Розы (Жана Ренара), Фиалку (Жербера де Монтрей) и Лилию (неизвестного автора). В этой и только в этой точке роман в наибольшей мере соответствует своей высшей идее, воспевая «fin amor» любовь совершенную, а влюбленный герой – своему призванию воплощать идеал. Здесь идея благородства выступает трояко: в поклонении Прекрасному Рыцарю и Даме, в поклонении духовному символу совершенства и в соблюдении христианской морали, без которой этика романа себя уже не представляла. Прекрасные Рыцарь и Дама опредмечивали и олицетворяли высшую мораль, делая ее для поклоняющегося более конкретной, насущной и менее абстрактной, чем она предстает в Писаниях. Соединение Писания о сотворении Земли и куртуазного предания о совершенных героях романа помогало найти человеку путь к примирению поэтики сердца и прозаики тела, эстетики любимого образа и этики повседневности. XIII век западноевропейской литературы предстает «золотым» не только в смысле понимания и отражения романом своей первоначальной идеи «Равновесия», но и в смысле нахождения жанром своего вечного названия «роман». Термин в точке «Равноденствия» встречается с жанром, который ему полностью отвечает[1].

[1] Слово «роман», родившееся первоначально из термина «романский» (вышедший из разговорного варианта латыни), отсылает к архетипическому ядру любого художественного сюжета – смыслу и сценарию взаимодействия

XIII, XIV и XV вв. романа мы будем считать «весной» романа, главным направлением периода – Восток: направление солнечного Восхода, а основными характеристиками зародившейся литературной формы прославление куртуазного идеала, служение Прекрасному, аллегоричность, символичность, готическая стройность фабулы, увенчивающейся счастливым концом: победой, свадьбой, взаимообретением, деторождением, прославлением рода. Жанр не остается неизменным на протяжении свей «весны»: начав собой цикл «очеловечения» и «взросления» героя, вышедшего еще вчера из сказки, он для предстоящего пути, тем не менее, иллюстрирует самый зрелый мировоззренческий возраст (см. на рис. 9 и 10 примерное соответствие романного века и возраста) в отношениях героя и духовного мира. А именно ту «версту Вселенной», когда духовность не отчуждается в абстрактное и не принижается животным дикарством. Именно здесь человек – в полной мере «герой», хотя «герой» еще не в полной мере «человек», а лишь в той мере, в какой он – часть божества, зеркало духа. Прозаизация и новеллизация куртуазного романа постепенно отчуждает жанр от его высоких идеалов поиска Истины и служения Любви. С ростом городов и распространением городской культуры, становясь достоянием средних и низших слоев населения, литература становится более легкой, насмешливой, а то и едкой. Духовные устремления уступают место бытовому попечению, праздничность – повседневности, исключительность изображаемых событий – их повторяемости, дальнозоркость – близорукости. Объективированная со стороны, аристократическая романная среда предстает вычурной и нарочитой. Поиски гармонии сменяются поиском приключений. Характер поучительный – развлекательным интересом. К концу «весны», перед наступлением «лета» западноевропейский роман утрачивает свой главный ориентир теоцентрического мировидения Средневековья – Небо, переводя изучающий взор с божественной на земную природу человека. Судьба героя отныне не будет объективироваться

главных героя и героини. Вошедшая в русский язык старофранцузская коннотация «само собой разумеющейся любовной истории» вступила в тесные отношения с санскритской праосновой русского языка, внушающей русскому уху, что «Raman» – это «Человек, воплощающий Идеал (Мужчины)» от «приятный / любимый», восходящего, в свою очередь, к राम *Rama: прекрасный* [Смирнова 2017б, с. 193].

в ракурсе реализации высшей природы в земной биографии. Автор через героя не подчиняет судьбу призванию, а изучает «объективную» реальность как то, что требует приспособления, компромисса, навек оставляя человека ущербным в его скромной роли «послушника» обстоятельств. Незнание истока и цели человеческой жизни узаконивает «страдание»: человек как бы надевает «вериги истории».

Литературный герой, появляющийся на страницах произведений западноевропейского Возрождения, смотрит на героя не снизу вверх, как на образец, а дерзко заглядывает ему в глаза как своей ровне, пытаясь изобличить в нем превосходство гравитации животной страсти над левитацией истинного благородства. Такова насмешка Рабле над великанами, которые страдают от обжорства, плохо поддаются обучению и совсем не участвуют ни в какой любовной интриге, создавая своей жизнедеятельностью «роман» так называемого нового типа. XVI, XVII и XVIII вв. – «лето» западноевропейского романа, когда вполне «очеловечившийся» в низшем смысле герой, «упавший» с небес идеальной любви на землю страсти, утрачивая духовность и представление о ней, постепенно опускается по оценочной шкале от подвига к поступку, от духовности к морали как чисто человеческой мере нравственности. Не имея духовных очей, роман Возрождения еще вспоминает о цели человеческой жизни как о путешествии к «Божественному» (Оракул Бутылки в романе Рабле). Классицизм, забыв о присутствии Бога в человеке, уже провозглашает высшей мерой соответствия идеалу – абстрактный человеческий долг, а Просвещение – человеческий разум. Тем не менее «лето» романа всё же остается самым ярким и «жарким» временем каждой романной эры. Неуклонно теряя в мировоззренческом возрасте, роман в этот период достигает высшей меры другого показателя: психологизма, одаривая нас шедеврами Мадам де Лафайет и аббата Прево.

С наступлением условной «осени» романа, знаменующейся переходом к Романтизму, роман объективирует своего героя сверху вниз: с облака мечты, воскрешающей устремление к духовности. Жанр уже не ставит читателя «на одну ногу» с героем, с которым ему приходилось соперничать в изворотливости Века Разума. Теперь он устанавливает свой «наблюдательный пункт» на «слоновокостной» башне романтики, пытаясь вернуть роман своей первоначальной идее и воскресить в нем волю к обожению человеческой природы. Эта художественная

задача и отражается в слове «Романтизм»: от мертвящего холода рассудочности – к живительному высвобождению естественных эмоций. Однако неподконтрольность эмоции приводит к тому, что высвобождается на волю из заключения не только позитив, но и негатив, выводящий на просцениум истории западноевропейской литературы армию символистов, певцов разрушительной силы.

На протяжении всей «вечерней» четверти «Круга Всевышнего», включающей в себя предположительно XIX, XX и XXI вв. романа, в приближении к полной «ночи», или «нети», роман деградирует в мировоззренческом возрасте до неразборчивого младенчества[1]. От прямого отражения несублимированных переживаний Яви (Классический реализм), через разрушение связей между словами и между означающим и означаемым (Модернизм), он переходит к Экзистенциализму, выводящему смысл из факта существования, и полному Абсурдизму, отрицающему не только смысл, но и смысл поиска смысла. В таком тотальном безволии относительно поиска и обновления источника воли и фантазии, роман сначала пытается искусственно создать запас предполагаемых вдохновений в калейдоскопической игре (фрагментов, слов, букв) Постмодернизма. А затем отказывается и от искусственного перезачатия формы, обнаружив себя в той области нашего многоступенчатого душевно-духовного мира, где смыслы извлекать невозможно, не из чего и нет нужды. Утратив мотивацию к самоорганизации, он демонстрирует полное разложение Космоса в Хаосе, а высшей человеческой природы – в жерле бесцельных опосредований, где прекращается всякий диалог между автором и героем, героем и читателем. На рисунке 18, изображающем кардинальные ландшафты «часов» романа, мы видим, как с эпической горы Меру, или средневековой вершины Монсальват, где читатель обращается с героем на «Вы», роман спускается на равнину Возрождения, где все герои сравниваются в статусе смертного, не различая и не оценивая друг в друге духовной заслуги. Затем, подменив служение духовности долгом перед человечеством и «здравым смыслом» обиходного существования, постепенно погружается в «морские пучины» бушующей стихии эмоциональной жизни человека. Покачавшись на гребнях волн в морские приливы и отливы, прославив и стихию, и противодействие ей, роман эпохи Романтизма, выбирается из «пла-

[1] В Средневековье от 19 лет, в Современности – от 18 лет (см. рис. 9 и 10).

вания» на сухой берег Реализма и держит путь по направлению к густому непроглядному лесу Ночи романа. Здесь, в преддверии зимы, в последней трети «осени», соответствующей ноябрю, мы с вами и стоим сегодня, когда книга превратилась в эфемерную «pocket book», предназначенную, по мере прочтения, на выброс. От прочтения книги больше не остается не только ничего вещественного в мире, но нет даже воспоминания о прочтении, поскольку книга не содержит единого сюжета, а сюжет – единого смыслового стержня. Случайно потревоженные ассоциациями, спровоцированными образами романа, наши память, представление, фантазия, жизнь сердца и жизнь ума – не сплачиваются для решения жизненно важной проблемы, поскольку книга такой проблемы не ставит. Она не ставит актуальной проблемы по той причине, что современное сознание не видит ни корней зла, ни кроны световой «цвета сельного», коим прозывается человек церковно-славянской четьи. Урока нет, но и нет морального целеполагания. Разгул без божественного кона и человеческого закона приводит к низшему, т. е. буквальному, уровню объективации интриги. Духовный ореол художественного образа разрушен, цельность его терпит ущерб. Восприятие не задается нравственностью, творчество не мотивировано духовным ростом. Распадаются все возможные «триединства» (такие как «мотив – процесс – результат»). Из «ночи» абсолютного отрицания через опытную невозможность полного самоуничтожения живое существо романа переходит в состояние «бардо» (см. рис. соответствия двенадцатиричного большого астрологического цикла фазам развития живых организмов, творческих проектов и социальных процессов).

В последней, четвертой, четверти «Круга Всевышнего» роман будет обновляться как бы без участия человека, ставшего неспособным вступить в диалог с заготовленной ранее формой. С наступлением ночи роман никак не объективирует героя, утратив способность к различению по причине полной темноты, или «царства Потьмы» русской ведической традиции. К началу весны и своего нового «года», т. е. новой спирали развития, он должен прийти на помощь читающему человеку не затем, чтобы усыплять его бдительность развлекательностью, а затем, чтобы пробуждать сознание кристальной чистотой замысла, устойчивой фабульной конструкцией, нацеленной на достижение нового духовного предела. Роман – постоянный переход

человека от наличности к гипотетическому пределу. А в точке, где предел преодолевается, и духовность вливается в пространство обновленной художественной формы, он вновь поднимается от буквализма разорванного на фрагменты мировосприятия – через усредненные до условной нормы требования морали – к цельности аллегории и символа, подобных нерасчленимым неуничтожимым бессмертным совершенным божественным сущностям.

Рисунки 19–22 представляют собой циклические заготовки для разработки новых методов преподавания дисциплины «История литературы на духовно-научных основаниях».

Рисунок 23 открывает историку французской литературы корреляцию правого и левого полукружий цикла как теплого и холодного, соответственно вовлекая в новые пространственно-временны́е отношения солнечный и лунный домены цикла как возрастание (в мужественном секторе, охраняемом теплыми минералами) и убывание (в женственном секторе, охраняемом холодными минералами).

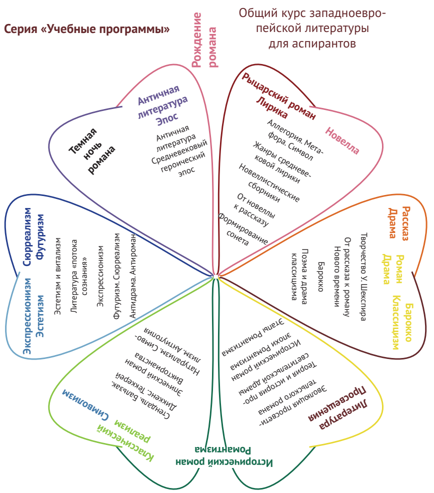

Рис. 19

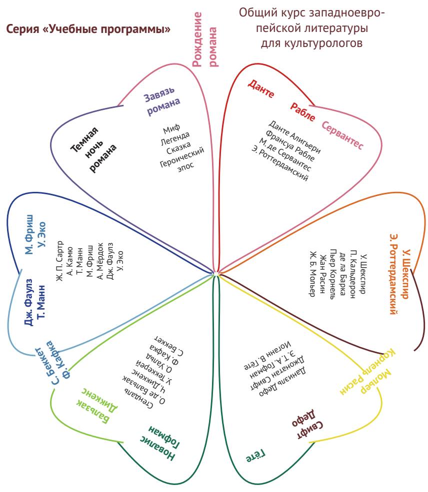

Рис. 20

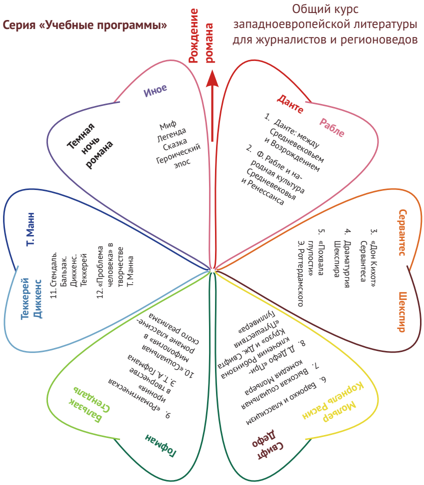

Рис. 21

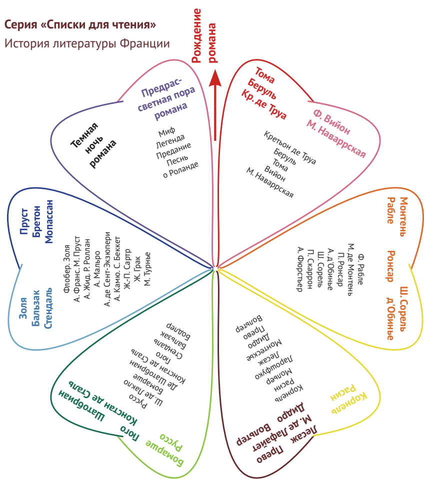

Рис. 22

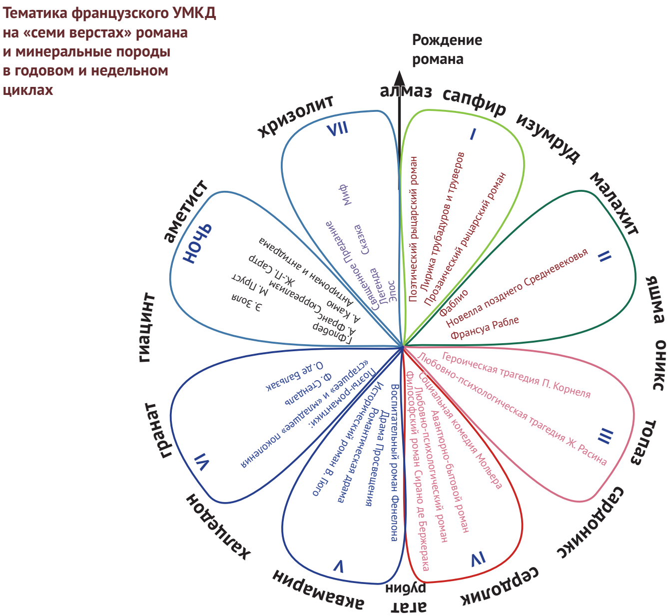

Рис. 23

Таким образом, мы вновь пришли к двойственности Ян – Инь и изначальной нераздельности и взаимозависимости коррелирующих элементов теории и истории литературы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарев А. П. Пособие по истории французской литературы эпохи Просвещения и романтизма М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. 124 с.

Бондарев А. П. Учебное пособие по теме: Эпос. Лирика. Драма. (На материале Средних Веков, Возрождения и Классицизма). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 1986. 129 с.

Бондарев А. П. Поэтика французского романа XVIII века : учеб. пособие. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2008. 105 с.

Бондарев А. П. Поэтика французского романа XVII века : учеб. пособие. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2010. 109 с.

Бондарев А. П. Большое историческое время диалогической поэтики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Филологические науки: Теория и история литературы. 2011. Вып. 22 (628). С. 21–48.

Бондарев А. П. Мифология. История. Человек: Литература Великобритании и США : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2013. 661 с.

Бондарев А. П. Диалогическая поэтика: Теория и история литературы: учебн. пособие для студентов разных специальностей. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. 360 с.

Голубева-Монаткина Н. И. Интертекстуальный очерк истории зарубежной литературы: от Античности до наших дней. М. : ЛЕНАНД, 2017. 240 с.

Карпенко Л. И., Нечаева-Зубец К. В. Традиция ведической Руси : в 4 т. М. : Самотёка, МИД «Осознание», 2014. Ч. 1. 504 с. ; Ч. 2. 680 с.

Смирнова И. Б. Романистика в диалоге культур: философский анализ (на материале французского куртуазно-реалистического романа цикла «О пари») // Романистика в эпоху полилингвизма : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 19–21 октября 2017 г. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017а. С. 495–505.

Смирнова И. Б. Женские типы французского куртуазно-реалистического романа и их непреднамеренная номинация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017б. Вып. 4 (772). С. 193–219. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/4_772_GM.pdf

УДК 82-31

Е. В. Сомова

доктор филологических наук, доцент;
профессор каф. отечественной и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: shalot1@rambler.ru

ТРАДИЦИЯ «ШКОЛЫ КАТАСТРОФ» В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ДЖ. УАЙТ-МЕЛВИЛЛА «ГЛАДИАТОРЫ»

Статья посвящена малоисследованному в отечественном литературоведении роману Дж. Уайт-Мелвилла «Гладиаторы» и вводит в научный оборот новый материал. Автор работы анализирует основные принципы создания исторического повествования, традицию В. Скотта и концепцию философии истории в романе. Рассматривается специфика работы писателя с историографическими источниками при воссоздании исторической эпохи. Выявляются особенности интерпретации библейских сюжетов в романе Дж. Уайт-Мелвилла.

Следуя художественному методу «документирования» произведения книжными источниками и топографическим материалом, Дж. Уайт-Мелвилл не только включает в повествование обширные сведения об архитектурном своеобразии Древнего Рима, но и сопровождает текст подробными подстрочными примечаниями и ссылками на известные работы по истории вопроса.

В структуре романа и образной системе Дж. Уайт-Мелвилл следует традиции В. Скотта. Сюжетные линии развиваются параллельно на общем историческом фоне. К наиболее значительным пространственным пересечениям, где сталкиваются все главные персонажи, можно отнести рыбный рынок как средоточие многолюдного Рима, амфитеатр, улицы города, Иерусалим. Перемещение главного героя в пространстве позволяет автору мотивировать отбор материала, выстраивая его в соответствии с намерением воссоздать исторические события и общий колорит эпохи.

Своеобразие исторической эпохи, культуры клонящейся к упадку Римской империи Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает с помощью усложненного хронотопа. Пересечение различных временны́х пластов с помощью приемов ретроспекции, сновидений, воспоминаний героев о странствиях позволяет со всей полнотой воссоздать сложную эпоху античного мира первых веков христианства. Воссоздавая национальную катастрофу, Дж. Уайт-Мелвилл обращается к мотиву роковой обреченности, Божьей кары, небесного огня, обрушившихся на нечестивцев и приведших к гибели всего народа. В романе упоминаются эпизоды из Библии, когда Иерусалим и храм были чудесным образом спасены, возникает мотив роковой предопределенности событий.

Анализируются основные принципы «школы катастроф» в английской литературе 1820–1830-х гг. Задача художника – показать беззащитность и слабость человека перед лицом Творца или грозной всемогущей стихии. Важную роль играет цветовая символика, используется излюбленный прием романтического

искусства – цветовые контрасты, чередование мрака и света, хаос цветовых оттенков. Живописи «школы катастроф» свойственна одновременно и панорамность изображения, и тщательная прорисовка массовых сцен, внимание к деталям. Одним из популярных сюжетов в искусстве становится гибель города в пламени пожара.

Исторические события дают для Дж. Мелвилл-Уайта обширный материал для воссоздания эпохи в традициях «школы катастроф» – кровопролитная гражданская война в Риме, ужасы голода и мора в стенах осажденного Иерусалима, битвы и казни, гибель Иерусалимского храма. В романе «Гладиаторы», созданном во второй половине XIX в., отчетливо просматривается художественная специфика, разработанная в исторических романах 20–30-х гг. XIX в. Мотивы предопределенности, небесной кары, неизбежности гибели, бессилия человека перед неукротимой, яростной стихией войны, образы огня и крови, соответствующая цветовая символика, мифологизация персонажей позволяют рассматривать роман Дж. Уайт-Мелвилла в рамках художественного стиля «школы катастроф».

Ключевые слова: исторический роман; жанр; традиция; философская система; Античность; христианство; философия истории; историческое повествование, трагическое, возвышенное, библейский сюжет.

E. V. Somova

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, MSLU;
e-mail: shalotl@rambler.ru

THE «SCHOOL OF CATASTROPHE» TRADITION IN THE HISTORICAL NOVEL «THE GLADIATORS» BY GEORGE J. WHYTE-MELVILLE

This article presents new material about the novel by George J. Whyte-Melville "The Gladiators - A Tale of Rome and Judea", which has not been sufficiently researched in our country. The author subjects to analysis the main principles of creating historical narration, the tradition of W. Scott and the conception of philosophy of history in the novel. The author explores some specifics of the writer's work with historiographical sources while recreating the historical period. Some peculiarities of interpreting biblical stories in the novel by G. Whyte-Melvil are regarded.

Applying the artistic method of "documenting" their works with literary sources and topographical material, G. Whyte-Melville does not only include in the narration extensive information about the architectural originality of Ancient Rome, but also accompanies the text with detailed footnotes and references to famous works on the history of the issue.

The structure of G. Whyte-Melville's novel and its imagery are within the framework W. Scott's tradition. The parallel story lines develop against the common historical background. Among the most significant spatial «intersections», where all the main characters meet, one can name the fish market as the center of the crowded Rome, the amphitheater, the city streets and Jerusalem. The main character's travels allow

the author to motivate the selection of material, arranging it in accordance with his intention of recreating the historical events and the overall flavor of the time.

The unique character of the historical period and culture of the time of the Roman Empire decline is recreated by G. Whyte-Melville by means of a complex chronotope. Intersection of different time layers with the help of retrospection methods, dreams and the characters' reminiscences of their journeys allow the author to reconstruct in great detail the complex period in the history of the ancient world that of the first centuries of Christianity. Recreating the national disaster, G. White-Melville turns to the motive of fateful doom, divine retribution, the heavenly fire that fell upon the sinners and resulted in the ruin of the whole nation. The novel mentions the episodes from the Bible when Jerusalem and the Temple were miraculously saved, there appears a motive of the fatal predetermination.

The author analyzes the main principles of the "School of Catastrophe" typical of 19th c English literature. The novelist aims at depicting the defenselessness and weakness of a person in the face of the Creator or fearsome all-mighty nature. An important role is played by color symbolism, and the favorite technique of romantic art is used – color contrasts, alternation of darkness and light, a chaotic mixture of color shades. The style of the "school of catastrophe" is characterized by both a panoramic view of life and a detailed depiction of the crowd. It is the end of a city in the flames of a fire that becomes one of the most popular stories in art.

Extensive material for recreating the historical period in the tradition of the «school of catastrophe» is given to G. White-Melville by historical events, i.e. the bloodshed in a civil war in Rome, the horrors of famine and plague within the walls of besieged Jerusalem, battles and executions, the destruction of the Temple in Jerusalem. The artistic features that evolved in the historical novels in the 20-ies and 30-ies of the 19th c. are clearly visible in the novel «Gladiators», created in the second half of the 19th c. The motives of predetermination, divine retribution, inevitability of death, human helplessness in the face of fearsome and violent force of war, the images of fire and blood, the corresponding color symbolism and the mythologization of characters make it possible to examine the novel by G. Whyte-Melville within the framework of the "school of catastrophe" art style.

Key words: historical novel; genre; tradition; philosophical system; Antiquity; Christianity; philosophy of history; historical narration; tragic; sublime; Bible story.

Появление интереса к природным и социальным катастрофам в XIX столетии обусловлено событиями второй половины XVIII – начала XIX вв. В сознании потрясенных свидетелей великих исторических катастроф на фоне изменившихся представлений о времени и истории возникают образы Последнего дня, Страшного Суда, гибели мира. На смену классицистическим и просветительским категориям – «красота», «гармония», «вечный идеал», «разум» – приходят гиперболические образы конфликтов, катастроф, столкновения

яростных, непримиримых сил. В 1820–1840 гг. в живописи и литературе появилось значительное количество произведений, воссоздающих картины бедствий, разрушений, стихийных бедствий. Данное явление, развивающееся в границах романтизма, получило название «школа катастроф» [Stabler 2002, с. 56]. Применительно к живописи появляется также понятие «живопись Judgment», обозначающее полотна с изображением Последнего Судного Дня, Божьей кары [Wheeler 1994, с. 83].

На развитие «школы катастроф» непосредственное влияние оказали археологические находки, открывшие миру тайны исчезнувших цивилизаций (раскопки Помпей, находки в Египте, исследование сохранившихся элементов культуры этрусков и т. д.).

Э. Берк в работе «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» («A philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and Beautiful», 1757) назвал источниками возвышенного всё то, что вызывает чувство страха или опасности; всё, что является ужасным. «Ни процветание любой империи, ни величие какого-либо короля не может воздействовать на нас, как гибель Македонского государства и печальная участь его правителя. Такая катастрофа в истории трогает нас так же, как разрушение Трои в мифе» [Берк 1979, с. 78]. Независимо от того, созерцает ли человек картины необычайных и тяжелых бедствий, пожаров, землетрясений в настоящем или же обращает свой взор в прошлое, в историю, трагическое вызывает сопереживание и становится источником возвышенного. Усилению эмоционального состояния возвышенного способствуют тьма, мрак, сила, мощь, огромные размеры, бесконечность.

Основные эстетические принципы и категории, разработанные Э. Берком, воплотились в живописи и поэзии «школы катастроф» в английском и французском искусстве XIX в. В английской живописи наиболее известны и значимы произведения Джона Мартина. Картины «Падение Вавилона» («The Fall of Babylon», 1819), «Страшный Суд» («The Last Judgment», 1820), «Разрушение Помпей и Геркуланума» («The Destruction of Pompeii and Herculaneum», 1822) оказали значительное влияние на поэтов «школы катастроф». Задача художника – показать беззащитность и слабость человека перед лицом Творца или грозной всемогущей стихии. Важную роль играет цветовая символика, используется излюбленный прием романтического

искусства – цветовые контрасты, чередование мрака и света, хаос цветовых оттенков. Живописи «школы катастроф» свойственна одновременно и панорамность изображения, и тщательная прорисовка массовых сцен, внимание к деталям.

Одним из популярных сюжетов в искусстве становится гибель города в пламени пожара. Об этом свидетельствует интерес европейцев к картине П. Брейгеля «Пылающая Троя», выставленной в Милане в 1841 г. Американский художник Т. Коль на полотне «Разрушение, или Падение империи» («Destruction, or the Fall of Empire», 1836) изображает крушение Рима, величественные храмы и арки в огне.

В литературе Англии «школа катастроф» начинает существование с момента появления драмы историка и теолога Г. Мильмана «Падение Иерусалима» («The Fall of Ierusalem», 1820). Действие разворачивается на условном фоне историко-мифологических событий. В патетических сценах и изображении неистовых страстей очевидно влияние мелодрамы.

Начиная с 30-х гг. XIX в., в английской литературе появляется несколько исторических романов, изображающих социальные или природные катастрофы: Э. Бульвер-Литтон «Последние дни Помпей» (1834), «Риенци, последний из римских трибунов» (1835); Дж. Джеймс «Аттила» (1837); У. Коллинз «Антонина, или Падение Рима» (1850); Дж. Уайт-Мелвилл «Гладиаторы» (1863).

В романе «Гладиаторы» («The Gladiators, a tale of Rome and Judea»), воссоздающем Древний Рим времен правления императоров Вителлия и Тита, действие охватывает период с 69 до 70 г. н. э. Включая в повествование обширные сведения по истории и культуре Древнего Рима, ранней Британии, Древнего Иерусалима, Дж. Уайт-Мелвилл сопровождает текст ссылками на труды Тацита, Ювенала, Иосифа Флавия, Светония, Э. Гиббона.

Своеобразие исторической эпохи, культуры, клонящейся к упадку Римской империи I в. н. э., Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает с помощью усложненного хронотопа. Пересечение различных временны́х пластов с помощью приемов ретроспекции, сновидений, воспоминаний героев о странствиях позволяет со всей полнотой воссоздать сложную, многоликую эпоху античного мира первых веков христианства.

В структуре романа и образной системе Дж. Уайт-Мелвилл следует традиции В. Скотта. Сюжетные линии Лициния, Плацида, Вителлия,

Элеазара, Валерии развиваются параллельно на общем историческом фоне. К наиболее значительным пространственным «пересечениям», где сталкиваются все главные персонажи, можно отнести рыбный рынок как средоточие многолюдного Рима, амфитеатр, улицы Вечного города, Иерусалим.

Перемещение главного героя британца Эски в пространстве позволяет автору мотивировать отбор материала, выстраивая его в соответствии с намерением воссоздать исторические события и общий колорит эпохи. Действие происходит в 69–70 гг. н. э. и воссоздает два исторических события в Римской империи. В первой и второй частях романа изображается заговор против императора Вителлия, восстание, приведшее к гражданской войне и пожару в Капитолии. В третьей части сюжетные линии искусно «вплетены» в описание завершающего этапа иудейской войны и ее кульминации – разрушение Иерусалимского храма.

Образная система исторического романа Дж. Уайт-Мелвилла включает три типа персонажей – вымышленные, исторические и те, чьи имена зафиксированы в исторических источниках, но краткость либо отсутствие сведений делает их фактически вымышленными. Специфику исторических образов в романе определяет принцип контраста. Императоры Вителлий и Тит представляют различные способы правления и противоположные взгляды на мир. Иудеи Элеазар и Иоанн из Гишхалы, также реальные исторические лица, упоминаемые Тацитом и Иосифом Флавием. Стремясь к власти, они возглавили противоположные партии в Иудее, охваченной гражданской войной.

При создании образов Вителлия и Тита историческими источниками Дж. Уайт-Мелвиллу послужили «Жизнь двенадцати цезарей» Светония и «История» Корнелия Тацита. Следовавшие друг за другом в истории Рима императоры представлены в романе на фоне исторической перспективы. Опираясь на материалы римских историков, романист создает яркую картину империи перед гражданской войной, выстраивая соотношение фактов и художественных образов.

Вителлий предстает в романе гротескной фигурой «царственного обжоры» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 52]. Император появляется в романе не во дворце, а на рыбном рынке: медлительный, с бледным лицом, мутными потухшими глазами. В прошлом лукавый царедворец, воин, полководец, он поглощен только одной страстью. В комментариях

Дж. Уайт-Мелвилл приводит большие цитаты из Тацита и Светония, свидетельствующие о его «обжорстве, жестокости, чревоугодии» [Светоний 1988, с. 251]. В XIV главе на основе исторического описания дается реконструкция одного из пиров Вителлия. Намеренно замедляя действие с помощью подробных описаний и избыточности деталей, романист воссоздает картину изобилия, излишества, перенасыщенности. Искажая пропорции, Уайт-Мелвилл подчеркивает животное начало императора, подавляющее разум.

Следуя Светонию, Дж. Уайт-Мелвилл вводит в роман мотив предсказания гражданской войны и свержения императора. Предвестником войны и символом времени в романе становится образ открытых дверей в храме Януса. Мифологический образ двуликого Януса, взгляд которого обращен и в прошлое, и в будущее, позволяет Дж. Уайт-Мелвиллу выстроить в романе историко-мифологическую перспективу. Царство Януса, принявшего изгнанного Сатурна и одаренного им мудростью, было мирным. В его храме, воздвигнутом в Риме Ромулом, двери открывались во время войны и закрывались во время мира. До правления Августа храм, как отмечает Дж. Уайт-Мелвилл, был закрыт только два раза – при Нуме и после первой пунической войны. Это является свидетельством того, что Рим на протяжении своей истории почти беспрерывно вел войны.

Кульминацией гражданской войны I в. н. э. и началом гибели империи, по мнению Дж. Уайт-Мелвилла, явилась гибель Капитолия. Тацит разрушение Капитолия называет «тяжким злодеянием». «Святыня перестала существовать, когда мир царил на границе. Созданный предками по указанию богов залог римского могущества, на который не осмелились поднять руку галлы, погубили яростные распри принцепсов. Пока мы вели войны в интересах родины, храм стоял нерушимо» [Тацит 1969, т. 2, с. 132].

Следуя повествованию Тацита, Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает события в традициях «школы катастроф». Возникает образ бури, которая, разразившись на закате солнца, «посеяла беспорядок и неистовство в большей части города» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 280]. Мятеж возрастал в силе и жестокости. Рим стал театром беспощадной гражданской войны, вызванной интригами различных партий, пришедших в этот момент в столкновение. Старая преторианская гвардия, распущенная Вителлием без почестей и вознаграждения, надеясь на

воцарение Веспасиана, столкнулась с новой преторианской гвардией императора.

Восставший Рим представлен в романе панорамно. Показана яростная схватка в нескольких частях города – на Капитолийском холме, в садах Саллюстия, на подступах к Риму. В финале изображается пожар в Капитолии, за несколько часов погубивший памятник, воплощавший гордость и величие Рима, связанный с именами Тарквиния, Сципиона и других героев римской истории. Дж. Уайт-Мелвилл опирается на свидетельство Тацита: «Охваченный жестокостью город был неузнаваемо безобразен» [Тацит 1969, т. 2, с. 138]. Среди бушующей битвы, безумной ярости схватки жители, как отмечает Тацит, вели себя «как в цирке» – кричали, аплодировали, поощряли то одну, то другую сторону. Сравнение Тацита превращается в романе Дж. Уайт-Мелвилла в символический образ Рима – гигантского амфитеатра: «Приученный к кровопролитиям ужасными зрелищами амфитеатра, римский гражданин не знал другого столь живого наслаждения, как созерцание агонии одного из себе подобных» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 283].

Кульминация восстания сопровождается в романе образами кровавого пира, вакхического неистовства, потоков крови, смешавшихся с вином. Женщины с блуждающими глазами, развевающимися волосами, с алыми от крови руками и ногами побуждали солдат к новым жестокостям своим «отвратительным вакхическим весельем» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 284]. В традициях «школы катастроф» в романе появляются аллегорические образы Порока и Смерти: «Порок обвивал руками царственный скелет, увенчивал гирляндами лишенное плоти чело, подносил к его устам кубок, полный крови, приводя его в безумие своим бессмысленным хохотом, и оба попирали ногами на мостовых Рима жизни своих жертв» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 284].

Картины ночного пожара начавшейся гражданской войны Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает с помощью игры света и цвета: багровое зарево объятого пламенем Капитолия бросало отблеск на лица: «зловещее зарево на черном небе» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 325]. Сцены становятся более зримыми и объемными благодаря воссозданию звуков – треск пламени, грохот рушащихся построек заглушает «дикий, зловещий крик», который резкими колебаниями возвещает жестокий триумф одних и поражение других [там же, с. 253].

Обращаясь к изображению I в. христианства, Дж. Уайт-Мелвилл делает акцент не на религиозно-этическом аспекте, а, главным образом, на категории времени и представлении о будущем мира. В проповедях христианина Калхааса, имитирующих стиль и образную систему Священного Писания, возникает идея провиденциализма. День отдаленный мыслится как наступление «царства Божия на земле» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 71]. В истории мира значимая роль отведена Риму, который «распростер крылья над многими народами, назвав себя владыкой мира» [там же, с. 78]. Однако в будущем голубь возобладает над орлом, ибо любовь более могущественна, чем ненависть.

Размышления о будущем мира, о роли Рима в судьбе других народов связаны в романе Дж. Уайт-Мелвилла также с сюжетной линией иудея Элеазара. Фигура реального исторического лица, иудейского вождя и полководца I в. н.э., воссоздана в соответствии с материалами V книги «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Краткие исторические сведения романист обогащает историко-мифологическими аллюзиями, делая образ ярким и зримым.

Элеазар убежденный, что его народу, насажденному десницей Всемогущего, судьбой предназначено управлять всем миром, живет мечтой о будущем, когда «Иерусалим сделается владыкой мира, римские орлы будут изгнаны, а избранный Богом народ вновь возвысится» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 83]. В первой части романа Элеазар сравнивает себя с библейским Иудой Маккавеем. Другая библейская аллюзия соотносит Элеазара с Иевфаем Галаадитянином, иудейским судьей и реализуется на сюжетном уровне во второй части романа. Считая себя избранным Богом для спасения Иерусалима от осады и разрушения, Элеазар, как Иевфай, готов пожертвовать единственной дочерью.

Кульминационный момент Иудейской войны, осада Иерусалима и гибель Храма, представлены в романе Дж. Уайт-Мелвилла в традициях «школы катастроф». Действие происходит перед праздником пасхального агнца, когда иудеи стекались в священный город и еще больше увеличивали страдания голода и ужасы осады. В изображении бедствий осажденного города – мертвой, зловещей тишины, нестерпимых мук голода, «свирепого мора, пожиравшего народ целыми семьями и родами» [Флавий 1993, с. 337], Дж. Уайт-Мелвилл опирается на материалы «Иудейской войны». Иосиф Флавий утверждает,

что ужасы, «превосходившие все пределы вероятного», приводящие рассказчика в содрогание, еще не были описаны в историографических трудах ни эллинов, ни варваров [Флавий 1993, с. 362].

Дж. Уайт-Мелвилл избегает шокирующих, жестоких сцен смерти, убийств, казней, представленных в «Иудейской войне» Флавия. Символичен в романе библейский образ «последних дней» великого города: «Иерусалим лежал, как находящаяся в агонии царица: с прекрасным лицом, изменившимся от истощения, с величественным челом, сдавленным диадемой, истомленная и дрожащая под багрянцем и золотом» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 380].

Изображению гибели города в «Гладиаторах» предшествует ретроспективная история Иерусалима, высвечивающая отдельные эпизоды: строительство Храма Соломоном, укрепление и украшение города Иродом Великим. Неотъемлемой частью истории, символом гордости, славы, древности нации в романе предстает Иерусалимский храм, который «во всем известном тогда мире славился своей величиной, блеском и неслыханными богатствами» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 383]. На основе описаний Иосифа Флавия, Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает архитектурное своеобразие, внутреннее устройство, украшения, религиозную цветовую и числовую символику храма.

Значимым образом в описании храма в романе становится золотая лестница, воплощение так называемой лествицы Иакова, явившейся ему во сне и соединившей небо и землю. В храмовой теологии и иконографии лестница, по выражению Ш. М. Шукурова, является «смысловым прообразом входа в вышние чертоги» [Шукуров 2002, с. 94].

У Иосифа Флавия момент, когда враги, «нечестивцы», поднимаются на ступени золотой лестницы, становится знаком падения храма. Дж. Уайт-Мелвилл, следуя Флавию, утверждает, что укрепленный и фактически неприступный храм-крепость никогда не был бы разграблен римскими легионами, если бы угроза исходила только извне. Раздоры политических и религиозных партий, противостояние полководцев, гражданскую войну в Иерусалиме Дж. Уайт-Мелвилл определяет с помощью библейской метафоры «царство, восставшее на себя». Неукротимый фанатизм и вражда «парализовали силу Иудейского льва», иудеи «ненавидели друг друга злобно и безжалостно, как могут ненавидеть только братья» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 384]. В романе вновь возникает образ «крови, льющейся рекой на улицах и

в священных пределах», осквернившей храм, который перестал быть обиталищем Бога и превратился в «могилу собственных сыновей» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 384].

Воссоздавая национальную катастрофу, Дж. Уайт-Мелвилл, вслед за Иосифом Флавием, обращается к мотиву роковой обреченности, Божьей кары, небесного огня, обрушившихся на нечестивцев и приведших к гибели всего народа. Элеазар в романе вспоминает эпизоды из Священной истории, когда Иерусалим и храм были чудесным образом спасены. Если Тацит, повествуя о пророчествах и знамениях, сопровождает их скептическими комментариями историка, то у Иосифа Флавия возникает мотив роковой предопределенности событий: «Людям не дано избежать предначертанного даже тогда, когда они предвидят его» [Флавий 1993, с. 371].

Дж. Уайт-Мелвилл, обращаясь к мотиву предвестий и чудесных знамений, предшествовавших гибели города и храма, «вплетает» в художественную «ткань» повествования образы и скрытые цитаты из сочинений Иосифа Флавия и Тацита: звезда в виде огненного меча над городом; низвергшийся из туч огонь, кольцом охвативший храм; огромные восточные ворота из меди, сами собой распахнувшиеся в полночь. Описание огненных колесниц и всадников, мчавшихся в облаках, ужасных, кровопролитных сражений от горизонта до горизонта также заимствовано из «Иудейской войны».

Важную роль в структуре третьей части романа «Гладиаторы» играет фигура пророка. Голос «пророка несчастий», леденящий кровь, повергающий в трепет даже смелое сердце, герои романа слышат в наиболее важные, судьбоносные моменты: он то усиливался, то ослабевал, как голос с того света, безостановочно повторяя торжественную угрозу: «Горе Иерусалиму! Горе Святому граду! Грех, болезнь, разрушение!» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 441]. В Примечаниях к роману Дж. Уайт-Мелвилл утверждает, что образ «пророка горя» не является поэтическим вымыслом романиста и создан на материале VI книги «Иудейской войны» Иосифа Флавия. У Флавия некий Иошуа, словно ведомый высшей силой, во время осады обходит город, «твердя, как молитву», зловещие пророчества о гибели Иерусалима.

Исторические предпосылки, перечисленные Дж. Уайт-Мелвиллом, и роковая предопределенность событий, на которую указывает Иосиф

Флавий, сделали гибель храма неизбежной: «Бог уже давно обрек храм огню, но вот, наконец, настал предопределенный во времени срок» [Флавий 1993, с. 366].

Сцены штурма, финальной битвы, гибели храма, представленные как столкновение стихийных сил, выполнены в романе в традиции «школы катастроф». Кульминации предшествует зловещее безмолвие, словно перед землетрясением или бурей. Затем тишина взрывается неистовыми криками наступавших римлян и иудеев, оборонявшихся с отчаянной отвагой. Воины в клубах черного дыма казались беснующимися «мрачными призраками». В описании битвы Дж. Уайт-Мелвилл обращается также к традиции Гомера, когда при отсутствии общей панорамы сцены поединков следуют одна за другой, а воины мифологизируются и героизируются. Гладиатор Гирпин, сраженный ударом, поднимается и снова вступает в битву, словно ему, как Антею, «мифологическому титану» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 503], мать-земля придавала новую силу. Иудей Элеазар словно был одновременно в нескольких местах, обретая в «стихии бури» все новые силы. В сверкающих латах он привлекал взоры и казался «древним героем» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 525]. Неизвестного воина в золотых доспехах с длинными вьющимися волосами и белыми руками сражавшиеся принимали за божество, пришедшее на помощь римским войскам. Воительница Валерия в сверкающей кольчуге была подобна Минерве и казалась неуязвимой.

В соответствии с описаниями Иосифа Флавия в романе «Гладиаторы» доминируют два образа битвы – пламя и кровь. По свидетельству историографа, «казалось, храмовая гора кипит с самого основания, так как вся она была залита огнем; однако обилие огня не шло в сравнение с обилием крови, образовавшей озера в священных пределах. Земля совершенно скрылась под мертвыми телами» [Флавий 1993, с. 369].

В разгар битвы падает на каменные плиты сраженная Элеазаром Валерия: «Кровь из раны хлынула темно-красным ручьем, и источник жизни быстро иссяк» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 498]. Над телом своей мертвой возлюбленной погибает гладиатор Гиппий. Римлянин Плацид и иудей Элеазар убивают друг друга в жестоком поединке. Несмотря на отвагу, герои бессильны перед стихией беспощадного, яростного кровопролития и обречены на гибель.

Венчает битву гибель храма. Тит, пытаясь спасти храм, преданный огню против его воли, заставил солдат тушить огонь, но воины были бессильны противостоять «огненной буре» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 617]. Возникает образ «опустошительной стихии», безжалостной и непобедимой: «Огненные языки скользили и играли по золотой крыше. Храм пылавший как горнило, превратился в один колоссальный костер. Во всех частях города, от стены Агриппы до Елеонской горы, люди наблюдали, как огненный столп катился, расширялся, восходил всё выше и выше в небо. Рушились балки, а драгоценный металл лился с крыши в виде пылающей расплавленной массы» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 514]. Гладиатор Гиппий видит, как золото и кровь текут ручьями по мостовой, но не может найти воды для умирающего Калхааса.

Обращаясь к гиперболическим образам, подчеркивающим грандиозность катастрофы, Дж. Уайт-Мелвилл также опирается на свидетельство Иосифа Флавия. Высота холма вместе с громадными размерами пылающего здания создавала впечатление, что весь город охвачен огнем. «Невозможно представить что-то более мощное и ужасное» [Флавий 1993, с. 368].

Иосиф Флавий, давая комментарий историка, следует идее «неизбежной судьбы для всего живущего и для всех творений рук человеческих» [Флавий 1993, с. 368]. Дж. Уайт-Мелвилл соотносит национальную катастрофу с древними пророчествами, в которых разрушение и осквернение храма было синонимом всеобщего разгрома нации: «Проклятие, доселе бывшее для них только мертвой буквой и непонятным свитком, буквально пало на их голову в потоке огня, святилище их было разорено, национальная самостоятельность уничтожена» [Уайт-Мелвилл 1993, с. 514].

Таким образом, исторические события 69–70-го гг. I в. дают для Дж. Мелвилл-Уайта обширный материал для воссоздания эпохи в традициях «школы катастроф» – кровопролитная гражданская война в Риме, ужасы голода и мора в стенах осажденного Иерусалима, битвы и казни, гибель Иерусалимского храма. В романе «Гладиаторы», написанном во второй половине XIX в., отчетливо просматривается художественная специфика, разработанная в исторических романах 20–30-х гг. XIX в. Мотивы предопределенности, небесной кары, неизбежности гибели, бессилия человека перед неукротимой, яростной стихией войны, образы огня и крови, соответствующая цветовая

символика, мифологизация персонажей позволяют рассматривать роман Дж. Уайт-Мелвилла в рамках художественного стиля «школы катастроф».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. с англ. Е. С. Лагутина. М. : Искусство, 1979. 237 с.

Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М. : Правда, 1988. 512 с.

Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. / пер. с лат. Г. С. Кнабе. М. : Наука, 1969.

Уайт-Мелвилл Дж. Гладиаторы / пер. с англ. В. А. Корепановой. СПб. : НИЦ «Альфа», 1993. 528 с.

Флавий Иосиф. Иудейская война / пер. с др.-греч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. М.-Иерусалим : Еврейский Университет в Москве, 1993. 509 с.

Шукуров Ш. М. Образ храма. М. : Прогресс, 2002. 496 с.

Stabler J. Burk to Byron, Burbauld to Baillie. 1790–1830. L. : Longman, 2002. 326 p.

Wheeler M. Heaven, Hell and the Victorians. Cambridge : Cambridge Univ. press, 1994. 279 p.

УДК 81

П. В. Бобкова

кандидат филологических наук, доцент каф. лингвистики
и профессиональной коммуникации в области гуманитарных
и прикладных наук ИГПН МГЛУ; e-mail: gewerkschaft@inbox.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЕНИЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье описываются основные направления исследования явлений англо-американской духовной культуры, выполненные в русле лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, стилистики, медиалингвистики и др. В работе подчеркивается актуальность комплексного изучения вопросов взаимодействия языка и культуры и намечаются перспективы дальнейшего исследования общекультурной и духовной картины мира сквозь призму английского языка.

Ключевые слова: англо-американская духовная культура; лингвистические парадигмы; когнитивная парадигма; дискурс; антропоцентризм; картина мира; концепт; лингвокультурология; когнитивная лингвистика; когнитивная стилистика.

P. V. Bobkova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of linguistics
and professional communication in the sphere of humanities
and applied sciences, Institute of Humanities and Applied sciences, MSLU;
e-mail: gewerkschaft@inbox.ru

LINGUISTIC RESEARCH OF SPIRITUAL CULTURE

The article is aimed at analyzing the research methodology of Anglo-American spiritual culture in modern linguistics. It suggests the main perspectives of further research into cultural and spiritual world views through the prism of the English language in the sphere of linguoculturology, cognitive linguistics, cognitive stylistics, media linguistics. The article emphasizes the importance of an integrative approach to studying the relationship between spiritual culture and language.

Key words: Anglo-American spiritual culture; linguistic paradigms; concept; world view; cognitive paradigm; discourse; anthropocentrism; linguoculturology; cognitive linguistics; cognitive stylistics.

В эпоху культурной глобализации наиболее важными являются научные исследования феноменов, специфичных для той или иной лингвокультуры. Особую актуальность приобретают исследования англосаксонской культуры вследствие распространения англо-американского языкового ареала, расширения англоязычного информационного пространства и обретения английским языком статуса языка международного общения. В условиях выстраивания диалога и полилога культур, в том числе в научной и образовательной сферах, важным представляется более глубокое изучение основ национальной духовно-нравственной картины мира, ценностных ориентиров языковых коллективов сквозь призму языка как культурного кода. Более того, знакомство с другими культурами является ключом к пониманию своей уникальности. Анна Вежбицкая в работе «Семантические универсалии и описание языков» в этой связи писала следующее: «Нельзя найти “идентичность” своей собственной культуры (сколь бы разнородной она ни была), пока глубоко и досконально не познакомишься с другой культурой, вплоть до того, что реакция на это знакомство обновит твое существо» [Вежбицкая 1999, с. 289].

Уникальность народа находит свое отражение, прежде всего, в духовной сфере культуры. Духовная культура является сложным образованием. Мы рассматриваем духовную культуру как совокупность нематериальных продуктов, представленных в том или ином языковом сообществе в субъективных сферах жизни. В основе данного понятия лежит система ценностных установок народа. Соответственно, к феноменам духовной культуры мы относим культурную символику, сказки, мифы и легенды, ритуалы, церемонии, нравы, обычаи и привычки, концепции философской и научной мысли, системы общественной организации, своды правил, законов и норм, согласно которым живет культурное сообщество.

Среди основных направлений лингвистики, рассматривающих вопросы взаимодействия языка и духовной культуры, можно указать следующие:

- лингвокультурология;
- этнолингвистика, культурная лингвистика (cultural linguistics);
- когнитивная лингвистика;
- лингвоконцептология;
- этнопсихолингвистика;

- межкультурная коммуникация;
- лингвострановедение;
- социолингвистика;
- этносемиотика.

Специфику лингвистического изучения явлений духовной культуры определяет то, что оно проходит на базе основополагающего положения об интеракции культуры и языка как двух разных знаковых систем. Исследование данного взаимодействия реализуется в процессе разработки целого ряда ключевых связанных между собой понятий, таких как *культурная коннотация, метафора и концептуализация, культурная и языковая компетенции, культурные установки, лингвокультура, языковая и духовно-нравственная, мировоззренческая, фразеологическая картины мира и др.*

Рассмотрение явлений духовной культуры в лингвистическом плане предполагает обращение к вопросу определения ведущей парадигмальной концепции. Лингвистическая наука в целом является полипарадигмальной по причине сложности своего объекта, требующего многоаспектности и интердисциплинарности в процессе изучения. Как правило выделяют три основные *лингвистические научные парадигмы*:

- сравнительно-историческую;
- структуральную;
- когнитивную.

Известно, что в основе сравнительно-исторического языкознания лежит положение о континуальности. Таким образом, в центре внимания компаративистики находятся механизмы модификации системы языка. Основным принципом структурной лингвистики является манипулятивность, что, в свою очередь, позволяет выделять языковые элементы в ходе исследования. В когнитивно-дискурсивной парадигме следует говорить об интегративности, в основе которой лежит изучение объекта в действии. Данная парадигма предполагает более глубокое изучение системы «язык – речь», раскрывая ее когнитивные и дискурсивные особенности. В рамках когнитивной лингвистики изучается роль языка в «шифровании» (кодировании), репрезентации и трансформировании информации. Соответственно, описывая языковой феномен, необходимо принимать во внимание свойственные ему коммуникативную и когнитивную функции. Появление когнитивной

парадигмы вызвано необходимостью разработки новых методов, решающих актуальные проблемы науки о языке. Одна из основных характеристик когнитивной лингвистики – ее антропоцентризм, обращение к человеку, его языковой и духовной картине мира. Антропоцентричность и субъективность предопределили интерес к когнитивным механизмам познания мира. Следует подчеркнуть, что многие современные исследователи руководствуются принципом интердисциплинарности в своих работах. Высказывается мнение о том, что будущее лингвистики связано с интегративным и междисциплинарным подходом к анализу языковых явлений [Бобкова 2015]. В настоящее время широкое распространение получает интегральное учение, которое, например, представлено моделью AQAL (all quadrants – all levels) – подход, который предлагает объединить существующие парадигмы научного знания. Важными представляются определенные аспекты, а именно: индивидуальный внутренний, включающий субъективное исследование предмета; индивидуальный внешний, относящийся к объективному исследованию предмета; коллективный внутренний, связанный с субъективным исследованием культурных отношений и коллективный внешний – объективное исследование социальных групп [Wilber 2006]. Следовательно, когнитивно-дискурсивная теория может быть рассмотрена как частная вариация более общей интегральной системы [там же].

Доказательством эффективности и продуктивности когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике при исследовании феноменов духовной культуры являются многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов, например: Т. Л. Зенковой, И. В. Зыковой, Дж. Андерхилла (James W. Underhill), Ф. Шарифиана (Farzad Sharifian).

Перейдем к рассмотрению основных направлений изучения феноменов англо-американской духовной культуры.

В первый блок мы условно относим *лингвокогнитивные исследования* концептосферы духовной культуры.

Лингвокогнитивный аспект предполагает выявление и описание универсальных ценностно-ориентированных и культуроспецифических концептов, например: душа (soul), дух (spirit), жизнь (life), смерть (death), вера (faith), надежда (hope), религия (religion), рай (heaven), ад (hell), грех (sin), совесть (conscience), закон и порядок (law and order), счастье (happiness), родина (homeland), родство (kinship), свой

и чужой (we and they), сердце (heart), разум (mind), война (war), дом (home), частная жизнь (privacy), здравый смысл (common sense), свобода (freedom), правда (truth), любовь (love) и ненависть (hate). Наиболее значимыми концептами англо-американской культуры являются: частная жизнь (privacy), здравый смысл (common sense), деньги (money), недосказанность (understatement) и свобода (freedom).

Обратимся к рассмотрению одной из работ зарубежного лингвиста Джеймса Андерхилла (James W. Underhill). В книге «Этнолингвистика и культурные концепты *правда, любовь, ненависть и война*» (Ethnolinguistics and cultural concepts: *truth, love, hate and war*), рассматривая концепты «любовь» и «ненависть» в современном английском языке, автор обращается к их интерпретации в одной из пьес У. Шекспира. В пьесе «Ромео и Джульета» любовь показана ненавидящей и “бушующей” (*brawling love*), а ненависть, в свою очередь, любящей (*loving hate*). В этой связи автор задается вопросом, можно ли избежать войны и дать новое определение ненависти и любви (*Can we escape war, and redefine hate and love?*) [Underhill 2012, с. 9–10].

Наиболее продуктивным является воссоздание англо-американской языковой картины мира на основании комплексного (лингвистического, когнитивного, концептуального, семантического, культурологического, семиотического и др.) анализа лингвоспецифических концептов, культуроспецифических слов английского языка в межкультурном рассмотрении с целью создания образа представителя англо-американской лингвокультуры (*mind* (англ.) и *душа* (рус.)). Например, при изучении концепта «душа» в англо-американской лингвокультуре было выявлено, что данное понятие в английском языке материализуется, а именно – ассоциируется с понятием «сердце».

В этой связи интерес представляет работа Т. Л. Зенковой, объектом исследования которой выступает духовная культура, репрезентируемая в концептосфере русской и английской лингвокультур. Предметом исследования здесь является лингвокогнитивный аспект изучения ценностных компонентов духовной культуры. Исследователь исходит из того, что каждому народу свойственны определенные характеристики и нормы поведения. Например, у британцев такими чертами являются стабильность и постоянство, замкнутость, индивидуализм и изолированность. Русская культура неразрывно связана с православием. Для представителя данной культуры характерно следующее: активная

жизненная позиция, особенно в вопросах духовной жизни, и четкое разграничение добра и зла. В исследовании отмечается, что изменения и деформация некоторых ключевых культурных концептов связаны с глобализацией и процессами массовой коммуникации. В связи с этим в русском менталитете появляется всё больше новых черт, соответствующих англо-американской картине мира [Зенкова 2011].

Перспективным представляется исследование основных ценностей и установок через описание концептов, применяя метод ассоциативного эксперимента (А. А. Леонтьев). При изучении значения культуроспецифических слов обретает важность динамический характер компонентов семантической структуры. Данный подход может оказаться эффективным для установления ключевых культурных особенностей современной англо-американской духовно-нравственной и языковой картин мира.

Следующее направление – изучение фразеологической репрезентации духовного мира, фразеологической картины мира. Фразеология приобретает новые перспективы изучения, опираясь на богатый запас знаний, наработанных в результате структурно-грамматических, сравнительных и когнитивных исследований.

Приведем примеры фразеологизмов, описывающих концепт «любовь» в английском языке: *to win one's heart; love-hate relationship; all is fair in love and war; to conquer one's affection*. Очевидно, что понятие «любовь» в английском языке неразрывно связано с понятием «война».

Ко второму блоку мы относим *дискурсивные исследования*. Обратимся к определению понятия «дискурс». В современном языкознании дискурс – это сложное коммуникативное явление, вбирающее в себя не только языковые формы, которые участвуют в формировании смыслового содержание речевого сообщения, но и экстралингвистические факторы, которые создают необходимые условия для создания, понимания и интерпретации текста [Бобкова 2015]. Изучение дискурса связано с взаимообусловленностью лингвистических и экстралингвистических факторов при формировании различных языковых явлений, что оправдывает использование термина «дискурс» в исследовательской работе.

Предлагаем обратить внимание на следующие направления дискурсивных исследований духовной культуры:

а. Религиозный и теологический дискурс (например, изучение жанра «проповедь» (sermon); вопросы интерпретации текстов Священного Писания (Holy Bible), рассмотрение заповедей (Commandments) в духовно-нравственной картине современного англо-американского общества (например, *Honour thy father and thy mother*; *Ye are the salt of the earth*; *Judge not, that ye be not judged*); изучение библейской фразеологии (например, *wisdom of Solomon*).

б. Манипулятивный, или аргументативный, политический дискурс (например, рассмотрение вопроса апелляции к духовно-нравственным ценностям в политике).

в. Массмедийный дискурс, при исследовании которого средства массовой информации рассматриваются как фактор формирования духовной культуры британского, американского и российского обществ, а также исследование массмедийного гипертекста [Бобкова 2011] в данном ракурсе.

г. Воспитательный дискурс, освещающий ценностный аспект (например, английская поговорка «Spare the rod and spoil the child» демонстрирует трансформацию воспитательного подхода в современном обществе при рассмотрении в диахронном плане).

Третий блок может быть представлен *стилистическими исследованиями* жанров англо-американской культуры в когнитивном плане. Особый интерес представляет изучение духовной и языковой картин мира на материале народных сказок, культуроспецифического жанра «лимерик», среднеанглийской гномической поэзии (например, мнимых изречений и пословиц Альфреда), а также в современной англо-американской литературе (например, *Brexit literature*).

Таким образом, перспективность когнитивно-дискурсивного подхода в лингвокультурологии и других направлениях изучения языка и духовной культуры совершенно очевидна. Исследования в этой области демонстрируют схожесть интересов анализа дискурса, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и современной лингвистики в целом.

В заключение отметим фрагментарный характер исследований явлений духовной культуры и подчеркнем необходимость перехода к интегративным исследованиям как приоритетным.

Изучение целостной духовно-нравственной картины мира в англо-американской лингвокультуре представляется одной из наиболее

важных задач современной лингвистики, поскольку более глубокое изучение и понимание англо-американского языкового сознания будет способствовать преодолению духовной дезинтеграции в мультикультурном обществе и сохранению своей индивидуальности, идентичности в глобальном мировом пространстве.

Настоящая работа представляет собой один из этапов рассмотрения вопросов изучения англо-американской духовной культуры в лингвистике и предполагает дальнейшее рассмотрение и разработку данной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобкова П. В. Политический дневник как жанр британского газетного дискурса : дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 200 с.

Бобкова П. В. Онтологические характеристики электронного массмедийного гипертекста и перспективы его лингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 14 (620). Ментальные пространства и их актуализация в языке, тексте и дискурсе. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 7–15. (Сер. Языкознание).

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Зенкова Т. Л. Духовная культура в лингвокогнитивном аспекте антропологического знания : дис. … канд. филос. наук. Чита, 2011. 162 с.

Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. … д-ра филол. наук. М., 2005. 332 с.

Sharifian F. Cultural linguistics. John Benjamins Publishing company, 2017. 142 p.

Underhill J. W. Ethnolinguistics and cultural concepts: truth, love, hate and war. Cambridge University press, 2012. 247 p.

Wilber K. Introduction to Integral Theory and Practice IOS BASIC AND THE AQAL MAP. Vol. 1, No. 1, Spring 2006. 38 p.

УДК 791 43/45

Л. Б. Брусиловская

кандидат культурологии, научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института истории и филологии, ГБОУ ВО МО Российский государственный гуманитарный университет; e-mail ikond@mail.ru

ДИАЛОГ И ПОЛИЛОГ В КИНЕМАТОГРАФЕ М. ХУЦИЕВА («Застава Ильича», «Июльский дождь», «Послесловие»)

Статья посвящена соотношению диалога и полилога в фильмах М. Хуциева («Застава Ильича», «Июльский дождь», «Послесловие»). В картинах, снятых в 1960-е гг., диалог и полилог существует в равных пропорциях, что характеризует эпоху «оттепели» как время активного общения между людьми, часто малознакомыми, а то и вовсе не знакомыми друг с другом. Многочисленные диалоги составляют тот самый полилог, «шум толпы», который искусно воссоздал Хуциев в своих фильмах. Самые характерные фильмы этого времени – «Застава Ильича» и «Июльский дождь».

В «Заставе Ильича» в центре сюжета находятся три товарища – Сергей, Николай и Слава. Они ходят на работу, встречаются с девушками (кроме Славы, который женат), посещают поэтические вечера и вернисажи и пытаются постичь смысл собственной жизни. Но режиссер не предлагает готовых ответов на вопросы как своим героям, так и зрителям. Он наблюдает за эпохой, подмечает ее самые яркие моменты и никому не навязывает своего мнения.

В центре сюжета фильма «Июльский дождь» жизнь молодой женщины Лены, у которой в жизни было все просто и понятно, пока она случайно не попала под ливень, и благородный незнакомец не одолжил ей куртку. С этого момента начинаются ее долгие задушевные разговоры с ним по телефону, в результате которых она решительно пересматривает свою жизнь. Лена расстается со своим женихом Володей, не утруждая себя объяснениями с ним и теперь смотрит на мир спокойно и радостно. Еще один неизменный «персонаж» этих фильмов – Москва. Можно сказать, что это и есть любимая «героиня» Хуциева. Он любуется городом, надолго задерживая камеру оператора на какой-нибудь незначительной, как может показаться, детали, которая приобретает у него поэтический шарм. Эти картины мастера – настоящий памятник эпохе «оттепели». Режиссер тщательно фиксирует быт коммунальных квартир, образ жизни людей того времени, их увлечения, тревоги, чувства, мысли. Хуциев сдержанно и почти бесстрастно воссоздал кинополотно, которое смело можно назвать киноманифестом «оттепели».

Работы режиссера 1980-х гг. принципиально отличаются от фильмов периода «оттепели»: полилог исчез совсем, диалоги стали короткими и сдержанными, их все чаще заменяют монологи. Хуциев стремится показать 1980-е гг. как время ухода людей в свою частную жизнь, своего рода, внутреннюю эмиграцию, и общество распадается на отдельные «мирки», где человеку комфортно лишь с ограниченным количеством собеседников, а то и просто с самим собой.

Этой теме посвящен фильм «Послесловие», и в нем всего два героя: пожилой Алексей Борисович и его зять Владимир, к которому тот приехал погостить. Тесть воплощает в себе жажду жизни, интерес к ней во всех ее проявлениях, детскую восторженность, а Владимир на его фоне кажется стариком, которому уже ничего не интересно. Но не все так печально: Алексей Борисович уезжает домой, а зять осознает, что эта неделя общения с тестем меняет его отношение к миру и у него еще есть шанс изменить свою жизнь.

Ключевые слова: «оттепель»; кинофильмы; частная жизнь; шум толпы; личное пространство.

L. Brusilovskaya

PhD (Cultural studies), SEI IN MO at Russian State Humanitarian University,
Research Fellow, the Institute of History and Philology;
e-mail ikond@mail.ru

DIALOGUE AND POLYLOGUE IN M. KHUTSIEV'S CINEMA ("Zastava Ilyicha", "July rain", " Afterword")

The article is devoted to the correlation of dialogue and polylogue in M. Khutsiev's films ("Zastava Ilyicha", "July rain", "Afterword"). In the pictures made in the 1960s dialogue and polylogue are in equal proportions, which characterizes the Khruschev "thaw" as a time of active communication between people, often not very well familiar, and even totally unfamiliar with each other. Numerous dialogues make up this very polilogue, noise of the crowd, which is subtly recreated in his films.

The most typical films of this time are "Zastava Ilyicha" and "July rain". In "Zastava of Ilyicha" the story revolves around three friends – Serge, Nicholas and Slava. They go to work, go out with girls (except for Slava, who is married), attend poetry readings and art exhibitions and are in search of the sense of their lives. But the Director offers ready-made answers to questions neither to his characters nor to his viewers. He observes the epoch, notices its highlights and imposes his opinions on noone.

The story of the film "July rain" is based on the life of a young woman, Lena, whose life was plain and simple until she accidentally was caught in the rain and a generous stranger lent her a jacket. From that moment she starts her long and intimate conversations with him on the phone, after which she changes her life. Lena breaks up with her fiance and she does not bother to explain anything to him and looks at the world with calm and joy.

Another frequent character of these films is Moscow. We can say that this is Khutsiev's favourite heroine. He admires the city, for a long time holding the operator's camera on some insignificant, as it may seem, detail which acquires poetic charm. These pictures of the master are a real monument to the epoch of "thaw". The Director carefully captures the everyday life of communal apartments, people's way of life, their hobbies, troubles, feelings, thoughts. Khutsiev almost dispassionately and with restraint recreated the motion picture, which can be called the cinemanovel "ottepel".

The Director's works of the of the 1980s are fundamentally different from the films of the "thaw" period: the polylogue has disappeared completely, the dialogues have become short and restrained, they are increasingly replaced by monologues. Khutsiev wants to show the 1980s as a time of people's retirement form the world when society splits into the separate worlds of their private lives, where one feels comfortable only with a limited number of interlocutors or even just with oneself.

This is the topic of the film "Afterword", and there are only two characters: old Aleksey Borisovich, and his son-in-law Vladimir, to whom he has come for a visit. The father-in-law embodies lust for life, an interest in it in all its manifestations, a child's delight, and Vladimir, in contrast with him, seems a hopeless old man who is not interested in anything. But it is not all so sad: Aleksey Borisovich goes home and his son-in-law is aware that this week with the father has changed his attitude towards the world and he still has a chance to change his life.

Key words: "ottepel"; movies; private life; the noise of the crowd; private space.

Марлен Хуциев – один самых ярких отечественных кинорежиссеров, имя которого связано в первую очередь с периодом «оттепели». Именно в это время Хуциев снял фильмы, в которых представил новый киноязык – принципиально отличающийся от языка недавней сталинской эпохи.

Рассматривая в качестве героев своих картин обычных, ничем не примечательных советских людей, он не пытается показать их жизнь как часть масштабного государственного проекта, а исследует их камерное существование в рамках частной истории.

В данной статье рассматриваются три наиболее ярких картины из фильмографии Хуциева, в которых максимально полно сконцентрированы все основные характеристики его творчества – «Застава Ильича», «Июльский дождь», «Послесловие».

В фильме «Застава Ильича» (1962) молодые люди, три товарища – Славка, Колька и Сергей пытаются искать смысл жизни в бесконечных разговорах: друг с другом, с родителями, с любимыми женщинами, со случайными знакомыми. Но это не просто бессмысленные споры – в этих многочисленных диалогах осуществляется поиск собственной личности, своего места в жизни, попытки осмыслить себя как части своего поколения. Последний, уже мысленный диалог главного героя со своим погибшим отцом, так же не дает ему ясного понимания жизни, как и подлинные разговоры с живыми людьми. «Тебе сколько лет? – спрашивает Сергея его юный отец, не вернувшийся с войны. – Двадцать три. – А мне двадцать один». Но сам процесс

внутренних размышлений персонажей фильма и их общение между собой и составляет главный интерес режиссера, ибо это и есть основа настоящей человеческой жизни.

Стихия и прелесть, аура как раз в непосредственной реальности, которая входит на экран с новой мерой полноты и с тончайшим ощущением бытия, наверное, еще не известным нашему кинематографу. Именно в этой непосредственной реальности, в бесчисленных наблюдениях, в воскрешенной каждодневности глубинным течением, подспудно движутся главные мысли картины. Эмпирия фильма богаче его концепций, – так писала Н. Зоркая об этом фильме, называя его «эмблемой, художественным итогом “веселых шестидесятых”» [Зоркая 1966].

Огромную роль в картине играют эпизоды съемок большого скопления людей: первомайской демонстрации, поэтического вечера в Политехническом музее, веселой молодежной вечеринки, просто спешащих куда-то людей на московских улицах. Сознательное и искусное «смешивание» Хуциевым художественных и документальных кадров создает тот необходимый звуковой фон, который характерен для живой, импульсивной и единой человеческой ткани, частью которой себя чувствует и зритель фильма. Полилог как «шум толпы», как многоголосье здесь получает свое яркое воплощение.

Характерно, что в картине совершенно нет агрессии, даже стандартный семейный конфликт между молодоженами описан одним из его участников вполне спокойно и в прошедшем времени, – так, Славка (С. Любшин), один из троих друзей, главных героев фильма, рассказывает об очередной стычке с женой без естественного в таких случаях раздражения, а лишь сожалея о непонимании, так неожиданно возникшим между ним и любимой женщиной.

Другой пример: диалог между Аней (М. Вертинская), девушкой главного героя Сергея (В. Попов) и ее отцом, представителем партийно-чиновничьей номенклатуры. Здесь режиссер демонстрирует классический конфликт «отцов и детей», что и стало одной из основных претензий к нему со стороны советской цензуры, ибо не должно было быть в стране победившего социализма подобных конфликтов между поколениями. При всем глобальном непонимании между дочерью и отцом их разговор не является семейным скандалом, они не повышают голос, хоть и не могут примириться с образом

жизни и мышления друг друга. Показательно, что и сам Хуциев не становится однозначно на сторону кого-либо, предпочитая позицию бесстрастного наблюдателя и предоставляя зрителю самому решить, кто в этом споре ему ближе.

Подобным настроением всеобщего интереса друг к другу, желанием общаться даже с малознакомыми людьми, слушать других и говорить самому, охвачен весь фильм, который смело можно назвать киноманифестом поколения шестидесятников и эпохи «оттепели», в момент ее наивысшего расцвета, когда казалось, что все беды позади, «культ личности разоблачили», как напоминает Аня отцу, и дальше всех ждет только хорошее.

Фильм «Июльский дождь» (1966), снятый уже на закате «оттепели», является более камерным, он сосредоточен на судьбе одной героини по имени Лена, у которой в жизни все вроде бы предопределено: она собирается замуж за перспективного и любящего мужчину, у нее прекрасные отношения с родителями и друзьями, любимая работа в типографии, где она участвует в выпуске репродукций шедевров мировой живописи. Но случайная встреча с незнакомцем, отдавшим ей свою куртку во время сильного дождя и последующие за этим долгие разговоры с ним по телефону, меняют ее планы на дальнейшую жизнь. У незнакомца есть только имя – Женя и голос, который она слышит по телефону, лицо его осталось «размытым» в том самом июльском дожде, но их телефонные диалоги являются стержнем сюжета, на который как бы «нанизаны» все последующие эпизоды фильма.

Лена вдруг обретает желанную близость, но не там, где ее ожидала. Она находит ее на другом конце телефонного провода. Загадочный Женя, словно внутренний голос, поддерживает ее в трудные моменты жизни, а иногда просто интересуется, как прошел день, что часто не менее важно.

Постепенно Лена, под воздействием бесед с Женей, которые становятся всё длиннее и задушевнее, начинает по-другому смотреть на окружавших ее людей и события. Так, например, она замечает, что Володя, ее любимый человек, при внешней уверенности в себе, успешности и физической силе («Морозоустойчив, водонепроницаем, антикарозиен, тугоплавок … не сгорает в плотных слоях атмосферы», как в шутку говорят о нем друзья), не решается пойти на конфликт со своим руководителем, присвоившим себе результаты его научных

исследований. Он соглашается на публикацию своего доклада под чужим именем, утешая себя тем, что в будущем это как-то может помочь его карьере. «Карабкаться надо», – откровенничает Володя.

В этой картине Хуциева тоже много представителей уличной толпы, но, в отличие от «Заставы Ильича», она не составляет единого целого, охваченного общим приподнятым настроением, а разбита на отдельные составляющие. Это хорошо проиллюстрировано эпизодом, в котором Лена, в качестве общественной нагрузки, ходит по квартирам многоэтажного дома, агитируя людей принять участие в предстоящих выборах в райсовет. Каждая семья здесь совершенно не похожа на предыдущую, у всех различный уклад жизни, все живут в своем замкнутом мирке, не особо интересуясь тем, что выходит за рамки их семейных проблем. Диалоги здесь существуют, не переходя в полилог.

Вот жизнерадостная семья, отмечающая за столом приезд из деревни деда-депутата, не отрываясь при этом от экрана телевизора. Хозяева радушно приглашают Лену разделить с ними трапезу, протягивают «рюмочку красненького», добродушно шутят, что они сами агитаторы. В другой квартире бойкий юноша предлагает съесть арбуз, а получив отказ, провожает Лену до двери, оставив свою девушку в комнате, интересуясь, когда он в следующий раз может увидеть «агитатора».

А вот пожилая интеллигентная пара со следами дореволюционного уклада жизни в квартире. Кажется, что это единственные жильцы, которые относятся серьезно к предстоящему событию. Хозяин спрашивает об отношении Лены к визиту де Голля, но на самом деле ему просто хочется поговорить с новым человеком и восполнить недостаток общения в своей нынешней жизни. Он пускается в воспоминания о прошлом, рассказывает о том, как он побывал во Франции в 1916 г. в составе Русского экспедиционного корпуса. «И хотя это было в той, Первой мировой войне, – осторожно продолжает хозяин, – но наши части участвовали в ударе, который…», – тут его голос крепнет и он прерывает самого себя, предлагая Лене выпить чаю с вареньем, рассчитывая на долгий разговор. Но разговора не получается – за Леной заходит ее жених Володя (А. Белявский), вызвавшийся помочь ей обойти квартиры многоэтажного дома.

Володя чувствует, что его девушка постепенно отдаляется от него, их диалоги становятся всё более короткими и малосодержательными, и он относит это за счет того, что до сих пор не сделал Лене официального предложения. Последний их разговор происходит возле окна в пустой комнате, где Лена сообщает Володе, что хочет «сохранить независимость», хоть ей и будет трудно объяснить окружающим, почему при его несомненных достоинствах, она не хочет выходить за него замуж. Диалог повисает в воздухе, непонимание между героями так никуда и не исчезло.

Единственный эпизод, выпадающий из общего тона и настроения фильма, это финальная сцена картины – встреча фронтовиков у Большого театра. Люди, счастливые тем, что выжили в страшной войне, что могут общаться друг с другом, представляют собой единый организм и ничего не замечают вокруг – ни камеры оператора, ни равнодушных взглядов подростков, стоящих неподалеку, – они существуют словно вне времени и пространства. Как писал об этом эпизоде кинокритик М. Черненко: «Я думаю, что никогда еще Хуциев не был близок к идеалу своего кинематографа, как в финале «Июльского дождя», в котором мир и впрямь существует одновременно во множестве уровней, множестве временных плоскостей, пересекающихся в сложнейшей звукозрительской партитуре, сталкивающихся и расходящихся снова в самых неожиданных конфигурациях и многоугольниках... Именно об этом, о неожиданной неоднозначности мира, о бездонности истории и говорят эти напряженные, недоверчивые, колючие взгляды, которыми обмениваются ветераны, впервые плачущие здесь, у Большого, на людях, после целого двадцатилетия исторического беспамятства, и молодые, уже битые школой и семьей, уже выходящие в семидесятые <...> Я сказал бы, что каждому из них Хуциев отдает на мгновение свой немигающий, чуждый иллюзий, неромантический и несентиментальный взгляд, и каждый из них открывает для себя другого, открывает для себя эпоху, историю, будущее...» [Черненко 1988].

В картине «Послесловие» (1983) события сюжета происходят преимущественно в закрытом пространстве – квартире главного героя Владимира (А. Мягков), к которому приехал тесть Алексей Борисович (Р. Плятт). Сжимается не только пространство, но и количество персонажей – их всего двое, не считая большого домашнего

пса. Каждый герой – словно отдельная планета, летящая на своей орбите, они не совпадают друг с другом ни по темпераменту, ни по жизненному опыту. Диалог у них возможен лишь на незначительные бытовые темы, и если тесть – шумный, яркий, многословный – пытается вызвать своего зятя на откровенный разговор, охотно рассказывая о своей жизни, то зять предпочитает вежливо отмалчиваться, оберегая свое пространство. Но в его личном пространстве тоже нет гармонии – зять берет отпуск на работе, чтобы завершить написание диссертации, но никак не может даже приступить к ней. Тесть пытается и в этом помочь ему, но неожиданно приходит к выводу, что у зятя не идет работа от того, что на его письменном столе слишком много ненужных вещей, которые его отвлекают, и что он недостаточно бывает на свежем воздухе. Сохраняя в своем почтенном возрасте живой и пытливый ум, всю жизнь занимаясь любимой работой, он не может и не хочет признать, что неудачи зятя происходят от его творческого бесплодия. Он лишь трагически констатирует, что Владимиру не нравится его работа и тут же наивно предлагает ему, пока не поздно, заняться чем-то другим.

Однако Владимир не пустой и поверхностный человек – в первый вечер общения с Алексеем Борисовичем он чувствует, что веселье тестя носит характер защитной маски: «Я вдруг почувствовал, что у меня начало портиться настроение. Что-то ненатуральное было в его жестах, в голосе старика, а глаза печальные, как у собаки. И эта его болтовня в машине <…>. С дочерью приехал повидаться, ах, твою душеньку…», – размышляет зять.

Улицы Москвы 1980-х гг. в корне отличаются от улиц Москвы 1960-х гг. – она не кажется здесь многолюдной, а пешеходы ее бегут куда-то по своим делам в одиночестве или парами. Характерный эпизод – Алексей Борисович сидит в задумчивости на скамейке Чистопрудного бульвара, и к нему подбегают девушка с юношей с просьбой о лишнем билетике в театр «Современник». Он, не отвечая им по существу, начинает рассказывать, что в его молодые годы здесь был кинотеатр «Колизей», «арена моей юности, и я был его верным гладиатором. Тут еще был тир, что очень важно…». Но юноша раздраженно бросает своей спутнице: «Идем, теряем время», – и они, извинившись, убегают, прервав старика на полуслове. Прошлое неинтересно, молодые спешат жить здесь и сейчас, они интересны лишь друг другу.

В этом отличие данных безымянных персонажей от Лены, героини «Июльского дождя», которая на вопрос пожилого рассказчика из последней квартиры, не спешит ли она, отвечает, что совсем не спешит, понимая, что старику необходимо выговориться. Равнодушие, граничащее с духовной жестокостью, характеризует, по мнению режиссера, атмосферу 1980-х гг. Исчезло то самое многоголосье, так ярко представленное Хуциевым в «Заставе Ильича» и «Июльском дожде».

Тесть – очень пожилой человек, и за его маской весельчака и балагура угадывается трагическая судьба, о которой довольно смутно упоминает про себя в начале фильма зять. Владимир вспоминает, что «…об этом старике всегда говорили в третьем лице. Он для жены и тещи был чем-то вроде фигуры нон-грата». Алексей Борисович знает пять языков, включая древнегреческий, постоянно цитирует стихи, поет, раньше работал военным хирургом и до сих пор проводит консультации. Его вкус к жизни безграничен, а его оптимизм кажется совершенно неиссякаемым, он сохранил способность удивляться самым простым вещам. Лишь в эпизоде, когда тесть оказывается у телевизора, по которому транслируют хронику Великой Отечественной войны, на его лице на некоторое время застывает трагическая маска скорби, словно он погружаются в страшную стихию прошлых лет.

На фоне жажды жизни старшего героя его зять кажется «потерянным» человеком, «старым», по сути, задавленным бессмысленными мелочами и не умеющим радоваться жизни. И он не один такой – все настоящие, подлинные личности, соответствующие масштабу тестя, оказываются выведены Хуциевым за кадр. Только телефонные собеседники Алексея Борисовича, и лишь один из них имеет фамилию – Гарбузенко, по-настоящему равны ему в силу схожего жизненного опыта. Все же остальные персонажи, обозначенные на экране, преимущественно молодые по возрасту, но погрязшие безнадежно в суете банальной повседневности, гоняющиеся за материальными благами (весьма показателен эпизод, где некий друг, по просьбе Владимира находит перевод фразы *Cruaute mentale* – духовная жестокость, и тут же требует за это бутылку коньяка) и добровольно заточившие себя в отдельные квартиры, где порой неинтересны даже друг другу.

Здесь впервые режиссер отказывается от изображения коммунальных квартир с их исчезающими к 1980-м гг. элементами общего быта, как и нет в этом фильме планов старой Москвы, так любовно

представленных в предыдущих картинах. Камера оператора бесцельно блуждает по безликим и унылым районам новостроек, неотличимых друг от друга. Эти лишенные индивидуальности дома вполне соответствуют людям, которые в них живут.

Алексей Борисович оказывается единственным по-настоящему живым человеком в фильме, и это обстоятельство особенно ярко проявляется в эпизоде с грозой. Он, словно ребенок, радуется этому проявлению стихии, оживает, протягивает руки к небу, будто находит наконец-то собеседника, равному ему по темпераменту, непосредственности и живым, непредсказуемым эмоциям. «Ура! Даешь грозу! Ты посмотри, какая мощь!» – восторженно кричит он.

С людьми диалога не получилось, остается только неодушевленная природа. Эта картина впечатляет зятя настолько, что он хватает фотоаппарат, стремясь запечатлеть подобное единение человека и природы, для него самого невозможное.

Тесть уезжает домой, но его появление в квартире зятя не прошло бесследно, – под воздействием общения с ним Владимир начал переосмысливать свою жизнь, свое место в ней, лучше понимать свою семью, своих друзей. Встретив вначале сообщение о приезде Алексея Борисовича как некую не критическую, но все досадную помеху в своем размеренном существовании, он вдруг осознает и понимает смысл приезда тестя. Это шанс для Владимира изменить свою жизнь.

Можно сказать, что эти три фильма составляют своего рода трилогию внутри творчества М. Хуциева, подводящую итоги целой культурной эпохе. Как отмечал М. Черненко, картина Хуциева была послесловием без всяких кавычек, была эпитафией эпохе «Заставы Ильича» и «Июльского дождя», снятой уже с достаточной временно́й дистанции, уже без особых эмоций, с печальной мудростью человека, подводящего итог и своему в этом времени участию, и своей судьбе шестидесятых и семидесятых годов. И в этом смысле «Послесловие» было картиной куда более важной, чем позволял увидеть это анекдотический ее сюжет с участием двух персонажей и одного телевизора, ограниченных пространством, в котором ничего не происходит и произойти не может. Как не происходит и произойти не может в том огромном и безлюдном пространстве, которое простирается за стенами сценической площадки, которое заполнено точно такими же,

только в иной масштабной шкале, декорациями, имитациями, пустыми аксессуарами» [Черненко 1988].

Кинематограф М. Хуциева – это мир человеческих взаимоотношений, которые так легко разрушить, где нет места грубым социальным материям, где диалог и полилог возможны только между живыми существами, будь то отдельный человек и природа, дружеская компания или толпа, пусть случайных, но живых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зоркая Н. М. Хуциев. Портреты. М. : Искусство, 1966. 312 с.

Черненко М. М. Марлен Хуциев. Творческий портрет. М. : Союзинформкино, 1988. 432 с.

УДК 141

Т. А. Ильина

кандидат философских наук, доцент каф. философских наук МГЛУ;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОЧЕВИДНОСТИ ИСТИНЫ

В статье анализируются гносеологические подходы к проблеме истины, признающие реальность универсальной познавательной способности субъекта, связанной с возможностью безошибочного определения истинного знания. Предпосылкой оправдания эффективности действия данной способности для сторонников концепции очевидности истины, служат представления о таких отличительных признаках истины, как очевидность, самовыражение, прозрачность.

Ключевые слова: нативизм; психологизм; феноменологизм; интуитивизм.

T. A. Ilina

PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department
of Phylosophical Science, MSLU; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

THE CONCEPT OF THE EVIDENCE OF TRUTH

The article analyzes epistemological approaches to the problem of truth which recognize the reality of the subject's universal cognitive ability enabling them to define true knowledge unambiguously. The proponents of the concept of the evidence of truth view such distinctive features of truth as obviousness, self-expression and transparency as a prerequisite for the justification of the effectiveness of this ability functioning.

Key words: nativism; phenomenology; psychologism; intuitionism.

Концепцией очевидности истины в гносеологии называется позиция, согласно которой истинным является всё то, что воспринимается ясно и отчетливо. Подобную точку зрения на понимание истины разделяют сторонники нативизма, психологизма, феноменологизма, интуитивизма. Все они допускают существование некой универсальной познавательной способности, обеспечивающей познающему субъекту возможность безошибочно отделять истинное знание от ложного. К отличительным признакам истины относят: очевидность, самовыражение, прозрачность. Множество трактовок содержания понятия очевидного могут быть сведены к трем основным.

1. Субъективно очевидное, основывающееся на конкретном опыте личности, который обусловливает его уверенность, убеждение в истинности того или иного содержания знания. Осмыслению

формирования очевидности в субъективном смысле способствует мысль Эдмунда Гуссерля о существовании двоякого типа логик. Первый тип включает некие общие логические стандарты – общезначимые инварианты доказательств и типов обоснований, применяемых в общечеловеческой практике научного познания. Содержание такого рода логики является всеобщим, общезначимым. Второй тип логики формируется в процессе опыта отдельного ученого, кристаллизующегося в многолетней практике научной деятельности. Она связана с результатом профессионального знания о конкретном предмете исследования. Содержание такой логики не является всеобщим, общезначимым, аподиктичным и конструируется персонально.

2. Логически очевидное, истинность которого является следствием доказательства, где сам смысл очевидности конструируется процедурой задания отношений аподиктичности между элементами доказуемого. Алгоритмы задания признака очевидности истины в логическом смысле составляют компетенцию научной деятельности. Традиционно логическая позиция, восходящая к Аристотелю, отвечая на вопрос об обоснованиях, отличающих научную истину (науку) от истины ненаучной (ненауки), утверждает: научная истина, в отличие от ненаучной, является всеобщей и необходимой. В соответствии с этим выявляется аппарат, способный задать свойства всеобщности и необходимости. Определенность такого аппарата усматривается в процедуре логического доказательства (обоснования) знания. Истинность научного (доказательного) знания базируется: во-первых, на принципе достаточного основания; во-вторых, на применении таких логических приемов и стандартов (структур умозаключений, правил вывода, классификации, систематизации и т.п.), которые обеспечивают истине образ всеобщности и необходимости. При этом под всеобщностью понимается результат наличия принудительного способа задания истины для субъекта, который формирует чувство убежденности в обладании истиной. Феномен принудительной реакции (признания) субъекта на доказательное и обоснованное знание давно зафиксирован в гносеологии. В частности, Риккерт пишет: «Чувству, с которым мы соглашаемся в суждении, мы придаем не только независимое от нас значение, но мы переживаем в нем нечто, отчего мы зависим. Я чувствую, когда я хочу рассуждать вместе с тем связанным чувством “очевидности”, с которым я согласен, т. е. я не

могу произвольно утверждать или отрицать, я чувствую себя определяемым силой, которой я подчиняюсь, с которой я сообразуюсь и которую я признаю для себя обязательной … то, что руководит моим процессом суждения и, следовательно, моим познанием есть непосредственное чувство, что я должен рассуждать так, а не иначе» [Риккерт 1909, с. 127]. «Так, а не иначе» выражает факт непререкаемой обязательности признавать содержание научного знания, поскольку имеются достаточные и необходимые основания, обусловливающие чувство субъективной уверенности в обладании истиной. Без факта подобной обязательности в условия научного знания регистрируется состояние субъективной неуверенности. Поэтому акты научного знания сопровождаются чувством субъективной убежденности в несомненной (очевидной) истинности его содержания.

3. Непосредственно очевидное, основывающееся на конкретном опыте личности, который обусловливает уверенность в истинности того или иного содержания знания. Такое очевидное не является результатом собственной логической демонстрации, или разновидностью обоснования, принятого в «логически очевидном», а конструируется субъектом в познавательной оценке признаков того или иного объекта. Основанием для подобной оценки выступают качества самого объекта, следующие из сущности объекта. Так, апеллируя к непосредственной очевидности некоторых свойств, можно с уверенностью утверждать о различии цветовых характеристик объектов, проводить их качественное сопоставление и т. д.

Нативизм

Нативизм (*лат*. natives – врожденный) – учение о наличии в разуме врожденного знания (идей, принципов), с помощью которого он познает мир. Рене Декарт выступает одним из наиболее ярких его представителей, оказавших сильное влияние на последующее развитие философии. Он полагал, что в основе всего знания лежат врожденные самоочевидные внеопытные принципы, из которых можно дедуктивным путем вывести всё содержание науки. Декарт причислял к врожденным идеям необходимые истины науки. Свою гносеологическую программу Декарт развивает в духе антисхоластической направленности. Вслед за Аристотелем, схоласты провозглашали целью познания постижение мира сущностей, о которых человек может

получить совершенное, абсолютно достоверное знание, скрытое за чувственным миром явлений. Аристотелевско-схоластическая концепция знания трактовалась как истинная, полностью отражающая совершенный Космос. Неизменность знания о всеобщем отражала неизменность и совершенство мира сущностей – Космоса. Подобный образ мира и исчерпывающего знания о нем соответствовал социальной организации античного и средневекового общества с его опорой на статичность, замкнутость, иерархическую организованность. С развитием буржуазных отношений возникает кризис доверия к картине мира и образу знания Аристотеля и его последователей. Влияние идей эпикуреизма, стоицизма, скептицизма в той или иной мере испытывают большинство мыслителей XVII в. – Бэкон, Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц, Локк и др. Целью познания Декарт провозглашает достижение объективной истины. Однако до тех пор, пока не будет разъяснен познавательный статус истины, теория познания будет не в состоянии ответить на вопросы: что представляет собой истина? Почему она возможна в ходе познания? В качестве ответа на поставленные вопросы Декарт развивает модель очевидности истины. Задание очевидности истины на субъективном уровне осуществляется на пути методологических условий познания. Под последними понимается совокупность «точных и простых правил, строгое соблюдение которых всегда препятствует принятию ложного за истинное» [Декарт 1950, с. 89]. Тем не менее сам по себе метод еще не гарантирует от заблуждения: несмотря на то, что в каждом из нас «находится известная способность различать истину от лжи [там же, с. 372], все же «имеются люди, которые ошибаются в рассуждениях, относящихся даже к … геометрии – наиболее доказательной строгой науке – «и делают здесь паралогизмы» [там же, с. 282]. Поэтому справедливо допускать те предпосылочные обстоятельства, которые делают возможным конструктивную реализацию методологических условий обнаружения истины. Эти обстоятельства усматриваются в нативистских структурах, присущих познающему субъекту. В качестве основы достоверного знания Декарт выдвигает только то, что находится в полном подчинении сознанию и может быть удостоверено с помощью «ясного и внимательного» ума. К такого рода истинам относятся утверждение: «Мыслю, следовательно, существую» и ряд метафизических и математических положений.

В иерархии врожденных идей первой и главнейшей выступает идея Бога. Таким образом: «Наши идеи … представляя собой нечто реальное, исходящее от Бога … могут быть только истинными», поскольку Бог как совершенное существо «не может быть обманщиком» [там же, с. 287, 387]. Проблема достоверности научного знания волновала многих мыслителей Нового времени. Большинство представителей новой науки разделяли доступное человеку знание на две сферы: 1) достоверное знание полностью контролируемое мышлением – математика, логика, метафизика; 2) фактуальное, более или менее вероятное знание, не зависящее целиком от мышления – естествознание, история, право. Максимальной степенью очевидности фактуального знания обладал уровень «моральной достоверности». Многие представители новой науки использовали понятие моральной достоверности для внутринаучного и социального оправдания знания, не отвечающего старым аристотелевско-схоластическим идеалам и нормам научности. Принцип моральной достоверности для обоснования своих естественно-научных концепций применяли Гассенди, Декарт, Ньютон, Лейбниц, Бойль и др. Термин «моральная достоверность», органически вошедший в интеллектуальную культуру XVII в. из теологии, означает высшее состояние личной убежденности человека в истинности данного положения. Ученый, выдвигающий новую методологию познания мира, должен математически, метафизически (логически) и морально обосновать предлагаемую им концепцию. Так, Декарт, создавая свою теорию устройства мироздания в «Началах философии» пишет, что выдвигает ее лишь « как гипотезу, быть может и весьма удаленную от истины…» [там же, с. 510].

Однако, разделяя два типа достоверности – математическую и моральную, опирается в своем выводе на моральную достоверность, «достаточную для того, чтобы управлять нашими нравами или равной достоверности вещей, в которых мы обычно не сомневаемся касательно правил нашего поведения, хотя и знаем, что в смысле абсолютном эти правила, может быть, и неверны <…>. Имеется моральная уверенность, что в здешнем мире все вещи таковы, какими они могут быть согласно тому, что тут было доказано» [там же, с. 541]. Если мы, утверждает Декарт, даем себе отчет в ясном восприятии истины, то предполагаем веру или убеждение столь же твердое, как и самая совершенная достоверность. Лейбниц, решая проблему достоверности

научного знания, также делит его на самоочевидное и вероятное. Самоочевидное знание обладает логической, математической или метафизической необходимостью. Мир вероятного (фактуального, опытного) знания неоднороден. Максимально вероятное знание переходит в разряд морально достоверного. «Когда какой-нибудь частный факт соответствует нашим собственным постоянным наблюдениям и подтверждается согласными свидетельствами других людей, то мы признаем его столь же твердо, как если бы это было достоверное познание, а когда он, насколько известно, соответствует свидетельству всех людей во все времена, то перед нами здесь первая и высшая степень вероятности. Таковы, например, предложения: “Огонь греет”. “Железо тонет в воде”. Наша вера, покоящаяся на таких основаниях, поднимается до степени уверенности» [Лейбниц 1984, с. 477].

Моральная достоверность связана моральной необходимостью, вытекающей из выбора наилучшего. Лейбниц связывает моральную необходимость с божественным совершенством и с «великим принципом существования» – принципом достаточного основания. Необходимые правила нравственности, которым как истинам привержена большая часть человечества, существуют врожденно. Их выражают, хотя и в разных формулировках, Библия и Коран. Не принимая представлений натуралистического нативизма, согласно которым врожденные идеи реально присутствуют в уме человека, Лейбниц полагает, что «…врожденно то, что можно назвать потенциальным (*virtuelle*) знанием, подобно тому как фигура, намеченная прожилками мрамора, заключается в мраморе задолго до того, как их открывают при обработке его» [там же, с. 253]. Нативизм Лейбница основывается на толковании врожденных идей разума как неких чистых возможностей. Таким образом, убежденность субъекта в истинности врожденных идей и критерий моральной достоверности позволяет реализовать познавательные претензии представителей нативизма. Поскольку в основе каждой из отраслей научного познания лежит то или иное множество врожденных идей или возможностей – *a priori* истинных – из них, по правилам логически строгого дедуктивного метода, может быть развернута система потенциально достоверного знания. Концепция нативизма оказала большое влияние на последующее развитие проблемы об априоризме истин в философии и науке.

Психологизм

Психологическую позицию, выдвигающую особую интерпретацию признака очевидности истины, рассмотрим на примере программы Христофа Зигварта. Гарантом установления истины на основе признака очевидности является психологическая уверенность субъекта в обладании истины. Ни субъективная, ни логическая, ни непосредственная интерпретации очевидности, в конечном счете, ничего действенно не говорят, по мнению Х. Зигварта, о типе соотношения между истиной и очевидностью. Познавательные условия возможности истины заключаются в умении субъекта очевидным образом усматривать ее. Помимо психологического признака очевидности не может быть других критериев истины. Истина конструируется исключительно субъективно, сообразно определенной норме персональной реакции на знание. Из этого вытекает, что чувство психологической уверенности в обладании истиной является высшим ее гарантом. В итоге, рациональное, дискурсивное, доказательное научное познание основано на недоказуемых, безосновательных, неанализируемых предпосылках. Последнее понимает Зигварт, признавая неспособность дать экспликацию установления истины по выдвинутым психологическим рецептам, и, ссылаясь на невозможность подвергнуть обоснованию то, что само выступает гарантом обоснования: «Опыт этого сознания и вера в его надежность есть постулат, дальше которого идти невозможно» [Зигварт 1908, с. 14]. Логическим следствием подобной позиции может быть апелляция к теологическим условиям познания, а именно: исходя из таким образом сформировавшегося склада наших познавательных структур, «мы не можем мыслить иначе, чем мыслим» [там же]. Психологизм конструирует определенность истины с позиций *quaestio facti*, исходя из тех субъективных условий познания, проявление которых гарантирует обнаружение истины. Формой бытия истины в познании – в этом суть психологизма – объявляется реально-психологическая форма, не обладающая автономным к субъекту статусом. Это проблематизирует возможность инвариантного содержания истины относительно субъективно-психологического процесса ее осуществления. Действительно, если познавательная определенность истины конструируется индивидом, каковы предпосылки общезначимой интерсубъективной истины? Основной круг аргументов, выдвинутых критиками психологизма – Липпсом, Фрейтагом, Риккертом,

Кассирером и др., сводился к проблеме выявления условий общезначимой интерсубъективной истины. Подобный статус знанию может быть обеспечен в обязательности требования различать реально-психологические и идеально-логические аспекты мыслительного процесса. Сообразно этому в противоположность психологическим методам исследования мышления с позиций *quaestio facti* антипсихологисты предлагали узаконить процедуру исследования мышления с позиций *quaestio juris*. Иначе говоря, они предлагали исходить из учета тех объективных оснований, которые способны конструировать идеально-логический (общезначимый) статус содержания мысли. В соответствии с этой установочной идеей было разработано учение «трансцендентности» форм мышления (суждений). Генрих Риккерт писал: «Признаваемая во всяком суждении ценность заключается в том, что она вне временна, независима от всякого индивидуального содержания сознания, которое мы представляем» [Риккерт 1904, с. 124]. Возникают вопросы: каковы объективные основания, конституирующие трансцендентность мышления? На чем в действительности основывается гносеологическая определенность ценности форм мышления, не зависящая от реально-психологического контекста их использования? Как реально-психологическое по форме человеческое сознание может иметь своим содержанием нечто лежащее выше этой реально-психологической сферы? Из этой проблемы исходит и Гуссерль, формулируя феноменологическую концепцию истины.

Феноменологизм

В феноменологической концепции, выработанной Эдмундом Гуссерлем, истина должна наделяться познавательной значимостью не в связи с моментом субъективного усмотрения, а, напротив, безотносительно к нему. Истины, настаивает Гуссерль, «имеют значение, не поскольку мы их усматриваем, а наоборот … мы усматриваем их, поскольку они имеют значение» [Гуссерль 1909, с. 209]. Прибегая к элиминации истины от субъекта, Гуссерль оказывается перед необходимостью снять вопрос существования истины «самой по себе», вне процесса ее познания. Он разъясняет: в отсутствии познавательных актов «каждая истина сама по себе остается такою, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие. Она не находится «где-то в пустом пространстве», а есть единство значения в надвременном

царстве истины» [там же, с. 210]. Итак, Гуссерль изолирует истину от процесса общественно-исторического познания. Истина перестает быть свойством человеческого знания о мире, трансформируясь в самостоятельный, обособленный от субъекта мир знания. Избегая психологизма, он помещает истину в область самодовлеющих идеальных значений. Процесс обнаружения истины сводится к выявлению тождественно идеальных актов, воссоздавая их по мере приобщения субъектов к царству истины. Предпосылкой эффективного познания является обязательность определения критерия истины: в отсутствии такого определения невозможна реализация каких бы то ни было познавательных целей. Проблему критериев истины Гуссерль подчиняет нахождению оснований, по которым научная истина отличается от ненаучной. Наличие таких оснований он усматривает в факте доказательности, обоснованности научной истины в отличие от истины ненаучной. Однако мерилом обоснованности истины выступает, в конечном счете, субъект. Чтобы, с одной стороны, задать основания, наполняющие субъекта уверенностью в обладании истиной, ввести условия демаркации обоснованной истины от необоснованного предубеждения, субъективной видимости и, чтобы, с другой – обезопасить себя от антропологического критерия субъективного признания истины, Гуссерль вводит понятие ноэтических условий. Ноэтическими Гуссерль называет «идеальные условия, вытекающие из формы субъективности вообще и из ее отношения к познанию» [там же, с. 96]. Это такие условия, которые, во-первых, определяют очевидность обоснованной истины, а, во-вторых, детерминируют однозначное распознание обоснованной истины на уровне всякого субъекта познания. Ноэтические условия имеют априорный характер, не зависят ни от содержательной, ни от предметной, ни от антропологической стороны познания. Они *a priori*, без всякого отношения к эмпирической особенности человеческого познания в его психологической обусловленности, вытекают из идеи познания как таковой [там же, с. 208–209]. Действенный смысл этих условий заключается в распознании истины на основе признака очевидности. Хотя, по мнению Гуссерля, характеристика очевидности приложима не ко всем истинам, а только к априорным. В реальной (эмпирической) науке существуют предположения, вероятные знания, точки зрения и т. п., которые не могут быть отнесены ни к области субъективной предвзятости, ни к области

истинного, самоочевидного знания. Истинность огромного множества знаний, фигурирующих в реальной науке, лишь очень приблизительно определяется признаком очевидности. Мимо этого факта Гуссерль не может пройти, анализируя концепцию очевидности истины. Ядро истин априорного знания составляют, например, основные законы формальной логики, простейшие математические соотношения и т.д., которые, «правда, очень бедны содержанием, но обеспечивают нам яснейшую очевидность того немногого, что они дают» [Гуссерль 1909, с. 132]. Законы же реальной науки не относят к области подлинно априорных истин, поэтому, говорит Гуссерль, они не являются распознаваемыми на основе признака очевидности: «единственный путь для обоснования и оправдания подобных законов есть индукция из единичных фактов опыта» [там же, с. 52]. Очевидность истины у Гуссерля не является признаком осознаваемого субъектом содержания знания, а сливается с принудительной обязательностью априорных истин. «Они принадлежат к области абсолютно обязательного, куда мы относим все, обязательность чего для нас достоверна» [там же, с. 112]. По этому основанию он проводит разграничение априорно очевидных истин как абсолютно обязательных для субъекта и аподиктически вероятностных истин, производимых в конкретно-исторической практике реальной науки. Однако ноэтические условия, хотя и позволяют дифференцировать доказательное знание от бездоказательного предубеждения, всё же не обеспечивают самоочевидных обоснований формирования уверенности субъекта в обладании априорной истиной. Обсуждение данной проблемы Гуссерль сводит к выявлению условий субъективного переживания принудительно-общезначимой истины. Внутренняя организация субъективного переживания истины включает в качестве наиболее фундаментальных структурных единиц поток целостных идеальных образований, называемых феноменами. Феномены – явления, которые предстают сознанию после его «очистки», освобождения от наивно-реалистических установок, типичных в традиции как обыденного так и научного опыта путем «заключения в скобки» (нейтрализации) всевозможных убеждений, суждений, оценок, знаний и т. п. о предмете для создания позиции «чистого созерцания». Онтологическую сущность феноменов составляет внутреннее содержание переживания истины в целом. В развитии этой теории Гуссерль исходит из разработанного

Францем Брентано учения об интенциональности сознания, суть которого сводится к констатации определенной направленности сознания на какой-либо предмет. «Каждый психический феномен, – утверждал Брентано, – характеризуется тем, что схоласты Средних веков называли интенциональным, а также ментальным, внутренним, существованием предмета и что мы обозначили бы – правда, не вполне свободным от двусмысленности выражением – отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым не следует понимать какую-либо реальность) или имманентной предметностью» [Brentano 1995, с. 115]. Таким образом, онтологическая (предметная) характеристика феномена, а вместе с ней и содержательная характеристика истины представляется чисто имманентной. Гносеологическая сущность феноменов заключается в непосредственной раскрытости, данности, очевидности истины, которая передается субъекту в актах созерцания «чистых переживаний», наполняя его уверенностью. Как мы видим, по Гуссерлю, существует два типа созерцаний: эмпирическое, заключающееся в восприятии чувственного, фактического и категориальное, направленное на восприятие идеального предмета. Категориальный тип созерцания объявляется Гуссерлем высшим типом созерцания, представляющим наиболее эффективное постижение истины в ее непосредственной целостности. При анализе этой части теории Гуссерль заявляет, что только внутреннему восприятию, направленному на психические явления, присущ признак очевидности, которой не хватает внешнему восприятию. Здесь нельзя не отметить ее близость к учению Брентано. На деле эта очевидность присуща внутреннему восприятию именно благодаря его совпадению с его же объектом. Отсюда следует, что высшим условием, конституирующим признак очевидности истины, является полное совпадение идеально полагаемого и категориально созерцаемого объектов. Гарантом же реальной действенности этого условия выступает чувство субъективной удовлетворенности результатами указанного созерцания. Чувство, которое появляется спонтанно. Суть позиции Гуссерля, как выяснено, заключается в допущении особенностей строения духовной организации субъекта, обеспечивающей совпадение идеально полагаемого и категориально созерцаемого объекта. Вывод, к которому приходит Гуссерль, вступает в противоречие с первоначальной задачей, которую он ставил в борьбе с психологизмом.

Интуитивизм

Интуитивистскую концепцию очевидности истины проанализируем на примере позиции С. Франка, критически оценивающего доктрину Гуссерля. Основанием критики феноменологизма выступает отрицание действенности теории интенциональности Брентано-Гуссерля. «Цель этой теории остается неосуществимой. Она хочет установить в понятии интенции отношение между субъектом и трансцендентным ему объектом, а в итоге приходит к такому понятию интенции, которое исключает всякое отношение к объекту … предмет и субъективный акт, включая интенцию, стоят друг против друга без всякой связи» [Франк 1995, с. 84]. Теория интенциональности, считает Франк, не оставляет надежд на объяснение содержательности истины, при подмене ее проблемой переживания. Позиция, расценивающая очевидность как следствие осознания совпадения содержательного момента истины с тем содержанием, которое субъект заранее предположил, может квалифицироваться как субъективизм. Впрочем, аналогичные оценки своей теории разделял и Гуссерль, констатируя, что он находится в неприятной ситуации, трансцендентального солипсизма. В такой постановке утрачивается предметно-содержательная сторона знания, предпосылки объективно значимой истины. Гуссерль, как следует из анализа его концепции истины, не находил выхода из этой «неприятной ситуации». Какой выход предлагает Франк? Подобно Гуссерлю, он начинает с рефлексии условий общезначимой истины. Соответствующую возможность, как и Гуссерль, Франк усматривает в факте ее независимости от субъекта: «Усмотрев необходимость какого-либо содержания, мы тем самым мыслим его независимым от нашего сознавания его, и эта независимость, это “бытие само по себе” и есть не что иное, как момент необходимости, приписываемый данному содержанию» [там же, с. 14–15]. Однако условия «независимости» истины от субъекта, ее «бытия самого по себе», иные, нежели в феноменологизме. Франк акцентирует не самостийное существование истины в некотором «надвременном царстве», откуда оказывается ее регулирующее действие, но непосредственную слитность с бытием: «Необходимость отдельного содержания знания, – утверждает Франк, – есть не что иное, как связь его самим бытием … те содержания, которые мы высказываем, не выдуманы и не свободно созданы

нами. Мы убеждены, что они действительно лежат в самом предмете, и только сознание превращает мысль в знание» [там же, с. 25].

На этой основе Франк развивает концепцию очевидности истины. Истина представляет собой интуитивное вживание в бытие. Истина, по мнению этого автора, слита с бытием, раскрывает его полноту субъекту.

Подведем итоги анализа концепции очевидности истины, развиваемой в нативизме, психологизме, феноменологизме, интуитивизме. Цель реконструкции позиций представителей названных направлений определялась задачей вскрыть достаточно мощную, хотя и не представляющую какой-либо целостности, тенденцию, ставящую условия достижения истины в познании в зависимость от непосредственного распознавания ее субъектом на базе ясности и отчетливости восприятий. В этих доктринах была предпринята попытка реализовать стремление найти рецепт достоверного, самоочевидного знания. Последнее определяло замысел познания реальности, основные идеи которого в обобщенной редакции выражены в проекте наукоучения Зигварта:

1. а) выяснение алгоритма приобретения первичных понятий в науке;
   б) разделение научных представлений на элементарные;
   в) установление неизменных правил синтеза элементарных представлений в комплексные.
2. Выработка механизма образования достоверных, самоочевидных суждений.
3. Введение универсальных критериев научности.
4. Точное определение истины [Зигварт 1908, с. 26].

Реализация данных шагов, а с ними и проекта наукоучения, охватывающего всякое познание реальности, позволило бы, по мнению Зигварта, «заложить фундамент» обоснованного распознавания истины.

Типичной чертой, объединяющей рассмотренные направления, выступает отчетливо выраженное отрицание становления и утверждения истин в процессе познания. Коль скоро истина наделяется очевидностью, прозрачностью, самовыражаемостью, то общественная познавательная деятельность заменяется непосредственным обнаружением, созерцанием истины отдельно взятым субъектом. Между тем, обращение к истории познания показывает, что истине имманентно не присущ признак очевидности. Достаточно вспомнить многосложную

историю становления коперниканства, проблемы, связанные с обоснованием неевклидовых геометрий, трудности, возникающие с признанием дарвинизма, специальной теории относительности, многих других научных идей, чтобы усомниться в адекватности концепции очевидности истины. Во времена Коперника представлялось ошибочным, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Во времена Лобачевского оказалось не очевидным, что через точку, лежащую вне прямой и находящуюся с ней в одной плоскости, можно провести множество прямых, параллельных данной. Во времена Максвелла, Эйнштейна неоднозначно расценивалась замена эфира электромагнитным полем и т. д. Чтобы удостовериться в истинности получаемого знания, следовало радикально порвать с системой общепринятых образов, существовавших в астрономии, изменить представления относительно предмета геометрического знания, выдающимся первопроходцам науки было чрезвычайно сложно. Коперника не могли понять коллеги астрономы; Лобачевский не находил поддержки в среде современников-математиков; теория света наталкивалась на ожесточенное сопротивление ведущих физиков XIX столетия. Реальная история науки располагает множеством примеров того, как революционные теоретические открытия были обречены на непризнание современников. Осознание того, что новое знание должно пробивать себе дорогу, чтобы завоевать надлежащее право считаться вошедшим в контекст науки, не оставляет надежд на спасение концепции очевидности истины. Уже Вильгельм Гумбольдт восставал против абстрактно-гносеологических спекуляций, построенных на допущении очевидности истины. Обобщая практику утверждения истин в науке, он недвусмысленно констатировал, что для того чтобы прийти к истине, нужно сто лет, а для того, чтобы начали следовать ей, нужно еще сто лет. Если бы истинность знания была очевидной, она принималась бы непосредственно. Перед теорией познания встали вопросы: почему возможно непризнание истинного (как выясняется post factum) знания? Какова природа факторов, обусловливающих становление, утверждение, признание и ассимиляцию научного знания? Выдвижение подобных вопросов ориентировало гносеологию на известный отказ от изучения традиционных абстрактных постановок: что есть истина и как она возможна? И знаменовало переход к анализу проблематики, выдвигаемой практикой развития реального познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. СПб. : Образование, 1909. 224 с.

Декарт Р. Избранные произведения. М. : Политиздат, 1950. 712 с.

Зигварт Х. Логика. Т. 2. СПб. : Польза, 1908. 464 с .

Лейбниц Г. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1984. 734 с.

Риккерт Г. Введение в трансцендентальную философию. Киев : Просяничко, 1904. 260 с.

Франк С. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. СПб. : Наука, 1995. 656 с.

Brentano F. Psychology from an Empirical Standpoint. London: Routledge, 1955. 446 p.

УДК 378

М. И. Козьякова

профессор, доктор философских наук, кандидат экономических наук,
профессор каф. философии и культурологии ФГБОУ ВО Высшее театральное училище (институт) имени М. С. Щепкина;
e-mail: markoz@yandex.ru

УТИЛИТАРИЗМ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

В настоящее время выработка новой образовательной парадигмы является приоритетной сферой, что дает возможность обратиться к фундаментальным проблемам образования. Образование реализует две основные функции – социально-культурную и профессиональную. Они должны находиться в равновесии: доминирование одной из них дает негативный эффект, отражающийся как на качестве подготовки обучающихся, так и на жизнедеятельности всего общества. Излишняя социализация, социальная ангажированность, идеологизация ведет к социально-классовому утилитаризму элитарного либо пролетарского толка. Элитарный вариант имманентно присутствует в истории европейского образования; идейный диктат, абсолютизация революционности, догматизм характерны для российской истории XX в.

Современный актуализированный вариант утилитаризма – перекос в сторону узкоспециализированного профессионального образования. Рациональный подход связан с доминированием техногенной культуры, в которой техника, соединенная с наукой, осознается как единственная и фундаментальная основа современной жизни. Особый тип рациональности – макдональдизация, внедряемая в образование, здравоохранение и другие сферы, подчиняет их исключительно целям эффективности, оптимизации и контроля. Образование в своем рационалистическом модусе рассматривается как сфера бизнеса, предоставляющая услуги, а высшая школа предстает лишь как фабрика трудовых ресурсов, конвейер, обслуживающий производственные, либо бюрократические структуры.

В концепции отечественного образования необходимо исключить крайности утилитаризма – как политизацию, так и излишние рационализаторские интенции. Учитывая фактор социализации молодого поколения, новая образовательная парадигма должна базироваться на гуманистической доктрине, быть нацеленной на выработку у студента гражданских мировоззренческих позиций, воспитанию духовных ценностных ориентиров. Образование XXI в. должно взять все лучшее из своей многовековой истории, мировой и отечественной. Главным образом это относится к принципам гуманизма, демократизма, универсальности. В статье рассматривается исторический контекст развития европейского образования и его высшего звена – университетов с целью выявления и обоснования репрезентативности данных принципов.

Ключевые слова: образование; парадигма; социализация; идеологизация; духовная культура; гуманизм; демократизм; универсальность.

M. I. Kosyakova

Doctor of Philosophy, Professor, PhD (Economics),
Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Higher theatre school (Institute) named after M. S. Schepkin;
e-mail: markoz@yandex.ru

UTILITARIANISM AND SPIRITUAL CULTURE IN THE NATIONAL EDUCATIONAL PARADIGM

The development of a new educational paradigm is now a high priority area, which makes it possible to address the fundamental problems of education. The two main functions of education are socio-cultural and professional. One should try to keep a balance between them as the dominance of either has a negative impact on both the quality of training students and the life of society as a whole. Excessive socialization, social bias and ideologization lead to social and class utilitarianism of either elitist or proletarian variety. The elitist variety is a kind immanent in the history of European education; ideological dictatorship, the absolute dominance of revolutionary ideas and dogmatism are characteristic of 20th c. Russian history.

The modern updated version of utilitarianism is biased in favor of highly specialized professional education. The rational approach is associated with the dominance of technogenic culture in which technology, connected with science, is recognized as the only foundation for modern life. A special type of rationality – McDonaldization implemented in the systems of education, health care and other spheres – makes them exclusively subordinate to the goals of achieving efficiency, optimization and control. Education, in its rationalist modus operandi, is considered within the context of business as a sphere providing services. Higher education is only treated as a factory of human resources, an assembly line catering for either industrial or bureaucratic institutions.

The national concept of education should withstand such extremes of utilitarianism as both politicization and excessive rationalistic intentions. The socialization factor of the younger generation taken into consideration, the new educational paradigm should be based on the humanistic doctrine, aimed at the development of the student's civil attitude towards society and at the up-bringing of moral values. Education in the 21st century is to absorb the positive features it has displayed in its long history, both at home and abroad. This generally applies to the principles of humanism, democracy and universality. The article focuses on the historical development of European education and its top level, i.e. universities, in order to identify those principles and justify how representative they are.

Key words: education; paradigm; socialization; ideologization; spiritual culture; humanism; democracy; universality.

В настоящее время выработка новой образовательной парадигмы, формулировка ценностных ориентиров в образовании и воспитании подрастающего поколения становятся приоритетной сферой, что дает возможность обратиться к фундаментальным проблемам

отечественного образования. Образование в современном мире – ключ, открывающий будущее: оно обладает особой значимостью для государства, социума, каждого отдельно взятого человека. На макроуровне оно формирует креативные возможности общества, обеспечивает его научными кадрами, готовит для народного хозяйства трудовые ресурсы. Оно развивает «человеческий капитал» любого общества, его интеллектуальный, духовный и нравственный потенциал. Новым поколениям оно передает культурное наследие, воспроизводя лучшее из социально значимых ценностей, традиций прошлого и настоящего. На микроуровне образование обслуживает потребности каждого человека, дает ему путевку в жизнь, одновременно ранжируя его, определяя профессиональный и социальный статус. Свой смысл и значение, оно в полной мере обретает только в соотнесении с жизненно важными задачами самого человека, с его творческим самоопределением и самореализацией.

Эта важнейшая сфера становится объектом государственного и социального регулирования. В соответствии с выбранными целями государство организует данную систему, определяет ее важнейшие параметры, задает стандарты времени и качества, финансирует в том или ином объеме. Гражданское общество также не может оставаться безучастным к ситуации в данной сфере, поскольку обучение является достаточно эффективным каналом для культурной, национальной, этнической идентификации и самоидентификации. Общее профессиональное, среднее и высшее образование дает возможность не только освоить азы профессии, приобрести необходимые профессиональные и культурные компетенции, но и в известной мере сформировать взгляды молодого специалиста.

«Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества» [Мангейм 1994, с. 479]. Социальный фактор играет решающую роль в определении образовательных стратегем: что больше всего необходимо развивать в данный момент, в чем больше всего нуждается общество на данном этапе развития. Отсюда следует, что выработкой новой образовательной парадигмы, формулировкой ценностных ориентиров в образовании и воспитании подрастающего поколения необходимо заниматься и специалистам, и общественности. И только таким образом, в каждый данный момент будет складываться конкретная область задач,

определяемых потребностями общества, а также функционалом самой системы.

Образование реализует две основные функции – социально-культурную и профессиональную. Они взаимодополняют друг друга и по своей природе должны находиться в равновесии. Доминирование одной из них дает негативный эффект, отражающийся как на качестве подготовки обучающихся, так и на жизнедеятельности всего общества. Социальная ангажированность, недоступность общего и профессионального образования для широких слоев населения ограничивает круг обучающихся, превращает его в элитарный проект таким образом снижая инновационный потенциал общества. Излишняя социализация, идеологизация в организации обучения ведет к социально-классовому утилитаризму элитарного либо пролетарского толка: его наименее опасными последствиями будут «всего лишь» непрофессионализм, дилетантизм, неспособность к решению практических задач.

Привилегированный характер обучения (его высших ступеней) был традиционным явлением вплоть до начала, а во многих случаях и до середины XX в. Практически это характеризовало все системы «свободного» либерального образования: призванная обслуживать привилегированные слои, готовящая элиту так называемого праздного класса (М. Вебер), миноритарная система предназначена была для воспитания и обучения исключительно верхушки жестко стратифицированного сословного общества.

В случаях, когда классовые подходы приобретают значение абсолютных доминант, могут возникнуть более тяжелые трагические последствия для интеллектуального развития. Именно такая ситуация сложилась в России после Октябрьской революции: главным для дела большевиков стала идея революционного переустройства общества, и поэтому идейный диктат, абсолютизация революционности стали стержнем образовательной доктрины. Достаточно упомянуть в этой связи об Указе В. И. Ленина 1918 г. «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», означавшего фактический запрет на поступление в вузы детей «лишенцев» – представителей бывших господствующих классов. Этому же способствовало введение особых комиссий и экзаменов по политической благонадежности и, наконец, так называемые

чистки, предназначенных для исключения политически неблагонадежных учащихся, т. е. тех же студентов-лишенцев, происходивших из семей дворянства, купечества и духовенства [Рожков 2003]. В этих же целях применялась практика по направлению в вузы политически благонадёжных молодых людей – активистов, имевших «правильное» социальное происхождение. Списки составлялись по квотам, которые предоставлялись партийным, советским, профсоюзным органам, воинским частям, а уровень их подготовки был, как правило, катастрофически низок.

Таким способом в 1920-е гг. было была достигнута необходимая советской власти идеологизация и политизация обучения, сопрягавшаяся впоследствии с культом вождей и практикой террора. Уничтожая оппонентов, власть высылала их из страны, подвергала репрессиям, а культуру все более вытесняла и заменяла идеология. Новая интеллигенция – послушные профессионалы, «красные спецы», натренированные идеологически на определенный манер, которых можно будет «штамповать, как на фабрике» (Н. И. Бухарин) – вот что нужно было новому режиму. Эту трагическую для нашего народа связь неоднократно отмечали отечественные историки и философы. Так, отец Павел Флоренский писал в свое время: «Идеологизм усматривает в формах хозяйства и в обрядах культа простое применение теоретических – научных, мифологических, догматических и т. д. – построений разума. Сначала придумывается, что надо то-то и то-то сделать так-то и так-то, а потом этот проект деятельности якобы осуществляется. «…» Террор завершил эту теорию, пожелав единичными мановениями перестроить всю жизнь, до дна, по выдуманным схемам». [Флоренский 1977, с.109]

Советское общество пребывало в сфере жесткой насильственной идеологизации почти семьдесят 70 лет. Растеряв былую революционность, марксизм-ленинизм в последние десятилетия своего существования отличался больше всего своим догматизмом, моделируя отнюдь не революционные интенции, но охранительные цезуры эпохи застоя. Тем не менее ликвидация неграмотности, введение всеобщего начального обучения детей, восстановление и расширение среднего и демократизация высшего образования, формирование новой советской интеллигенции наряду с промышленным развитием, способствовали подъему страны, позволили в определенной степени «залечить раны», полученные в предыдущем периоде.

Иной вариант утилитаризма – перекос в сторону узкоспециализированного профессионального образования, рационализированный подход, преобладающий в настоящее время. Прошлое столетие, прошедшее под знаком научно-технической революции, было ознаменовано становлением техногенной культуры – в ней техника, соединенная с наукой, осознавалась как единственная и фундаментальная основа современной жизни. В это время создается «новая природа» – искусственная среда жизни человека, так называемая техносфера, чье воздействие является одним из центральных моментов в глубоких трансформациях образа жизни и ментальности современников. Техносфера, ее технические структуры диктуют определенные ритмы существования, характеристики мира машин трансформируются в ценности культуры; человек вовлекается в движение вещей и подчиняется этой логике.

Технические, вещные, зависимости жестко ограничивают индивида, лишая его «жизнеориентационного существования древности» (Л. Мэмфорд). Человек функционализируется технизированным обществом, отчуждается от природной среды, превращаясь в один из видов производственного сырья, в «постав», используя терминологию М. Хайдеггера. Данные тенденции отчетливо проявляются в различных областях, в том числе в здравоохранении, в образовании – процесс получил название макдональдизации. Посвятивший ей специальную работу Дж. Ритцер рассматривает это явление как особый тип рациональности, принципы которого были заложены конвейерной линией, бюрократией и научным управлением [Ritzer 2000, с. 39].

В этом искусственно созданном постиндустриальном мире высшая школа рассматривается как фабрика трудовых ресурсов, как конвейер, удовлетворяющий исключительно потребности производства, но не самого человека. Такова же логика иной позиции, в которой образование предстает как сфера по обеспечению кадрами политических институтов, государственных и административных структур. При этом исходная установка всё та же: специалист-исполнитель предназначен для обслуживания неких институциональных структур, он становится в таком случае «винтиком» не производственной, а бюрократической машины.

Так называемая макдональдизация является одним из аспектов современной глобализации, вызывающим наибольшую тревогу как

процесс дегуманизации культуры. Ее принципы ложатся в основу организации весьма далеких от ресторанного бизнеса сфер – образования, здравоохранения, туризма и др. В больницах, учебных заведениях распространяются технологии массовых производств: конвейерные технологии в медицине, лекционные потоки и дистанционное обучение, система рефератов и тестов в образовании. Продукция или услуга подлежат жесткой стандартизации по объему, качеству, алгоритму операционности; при этом система позволяет снижать риски, связанные с непрофессиональной деятельностью. Управленческая стратегия при этом сводится к эффективности, оптимизации и контролю, обеспечивая средний стандарт качества. В системах, организованных по принципу макдональдовской рационализации, пациенты, клиенты, учащиеся теряют свою индивидуальность, низводятся до элементов конвейерной линии.

Образование в своем рационалистическом модусе рассматривается как сфера бизнеса, предоставляющая услуги. Бизнес есть бизнес, он руководствуется правилом: «Что хорошо для «Дженерал моторз»», хорошо и для Америки». В таких случаях действительно, образование, в том числе высшее, превращается в сферу вложения денег и извлечение прибыли становится главной целью данного предприятия. Естественное целеполагание доходности требует от бизнеса оптимизации производственного цикла, провоцирует попытки экономии. В первую очередь ликвидируются гуманитарные и другие непрофильные «излишества» – дисциплины философского, исторического, культурологического цикла.

Нельзя не согласиться с неоднократно звучавшими предостережениями, что подобная практика губительна для России: специалист, лишенный гражданского начала, плохо различающий или пренебрегающий этическими ценностями, будет в своей работе руководствоваться преимущественно или же исключительно материальными факторами. Поточно-массовая узкоспециализированная подготовка кадров дает обществу не гражданина, но лишь профессионала-исполнителя, «винтика» производственной или бюрократической машины. Ориентация на односторонний профессионализм провоцирует космополитические настроения: – «Родина там, где лучше»: исполнителю будет всё равно, где и над чем он будет трудиться, ставить опыты на крысах или на людях, выполнять заказы благотворительных или террористических организаций.

В концепции отечественного образования необходимо исключить крайности утилитаризма – как излишние рационализаторские интенции, так и политизацию. Новая образовательная парадигма должна базироваться на гуманистической доктрине, быть направленной на выработку у студента гражданских мировоззренческих позиций, воспитанию духовных ценностных ориентиров. Образование XXI в. должно взять все лучшее из своей многовековой истории, из мировой и отечественной. Главным образом это относится к принципам гуманизма, демократизма, универсальности.

Идеи и модель демократического образования впервые появились в Античной Греции, отражая ее общественные отношения, традиции и ценности. Свободное обучение и воспитание предназначалось для свободного человека и гражданина, т. е. носило элитарный характер. Программа обучения предусматривала сочетание интеллектуального, эстетического (мусического) и физического компонента. Мусическая подготовка – триединая хорея – была необходима для участия в религиозных обрядах; физическая – для военной службы. Кроме того, спорт готовил к будущим состязаниям, учил молодых людей владеть собой, что было важно для общества, в жизни которого агонистика играла ведущую роль. Гармоничное сочетание духовного и физического развития – идеал античного синтеза, калокагатия: очищенная от сословных предрассудков, идея гармоничного развития стала составной частью классического наследия мировой культуры.

Средневековый мир не относил образование к числу главных христианских добродетелей: единственное из сословий, духовенство, было не только самым образованным, но и вообще единственно грамотным сословием. С распадом Римской империи Европа погружается во мрак «культурного безмолвия», которое прерывается краткими периодами культурных подъемов, связанных с деятельностью отдельных властителей: Каролингское, Оттоновское возрождение. Традиции античного светского образования сохраняются лишь в редких очагах культуры, а образование сосредотачивается в монастырях и носит исключительно религиозный характер. Церквям и особенно монастырям, принадлежит выдающаяся роль в развитии культуры средневекового мира, тем не менее, восприняв римское культурное наследие, Средневековье усвоило его в упрощенной и опосредованной форме – «это была культура цитат, избранных мест и дигест» [Ле Гофф 1992,

с. 108]. Позднее, вместе с подъемом городов, развивается светская школа, ставшая центром свободомыслия, формиоуется новый, высший, тип учебных заведений – университеты.

Университет в полной мере воплощал в себе средневековую идею универсализма. С одной стороны, в нем возрождаются в новых условиях античные образцы сочетания науки, обучения и гражданского воспитания – античные примеры, данные Академией Платона, Ликеем Аристотеля. С другой стороны, универсализм относился к знанию, его производству, сохранению и трансляции: это был принцип единства мира, который формировала теология. Теоцентризм – основа и квинтэссенция средневекового знания, являлся в то же время главной характеристикой средневекового гуманизма: все факты и явления мироздания объяснялись в едином ключе, трактовались единообразно, создавая в итоге системное восприятие мира, его целостную картину. В соответствии с теоцентристской методологией большой космос – вселенная, так же как и малый – человек, управлялись одними и теми же законами.

Как свидетельствует исторический опыт, система образования развивается прежде всего под влиянием своего высшего звена. Появившись на европейском пространстве, университеты задают качественные и количественные стандарты образовательного процесса: диктуют определенные требования к уровню подготовки студентов, обеспечивая его первоначально собственными силами – в частности, для этого был предназначен низший «факультет свободных искусств». В дальнейшем возникают промежуточные звенья, в том числе средняя школа, профессиональные учебные заведения; формируется еще один вид высшего образовательного учреждения – коллегии, колледжи.

На протяжении многих столетий образование как система, как особая сфера жизнедеятельности общества всегда отличалась консерватизмом, приверженностью к сохранению уже существующих форм и методов обучения. Образовательные нормы и соответствующие структурные подразделения университетов, сложившиеся в средние века, сохранялись и в последующем, причем на протяжении довольно длительного времени. В XVIII в., как и в Средневековье, факультеты «по заведенному обычаю», как упоминал об этом И. Кант, делились на два класса: высшие – богословский, юридический, медицинский факультеты и низший – бывший факультет искусств, получивший новое название «философский факультет» [Кант 1965, с. 315].

Сохраняя приверженность традиции, университеты отвечали на вызовы времени: на появление опытной науки, развитие капитала и промышленности, на развертывание научно-технической революции в XX в. Они превращаются в центры просвещения, науки и культуры, становятся центрами воспитания. Университетское образование строится на принципах либерального, свободного обучения, дает студентам фундаментальные знания. Об этом подходе как принципиальной характеристике университетской подготовки писали гуманисты, философы, теоретики и практики образования В. Гумбольдт, Дж. Ньюмен, Р. Хатчинс, Т. Веблен, Х. Ортега-и-Гассет, К. Маннгейм. Они отмечали необходимость формирования у студента «философской привычки ума», ознакомления его с системой представлений о мире и человечестве, «воспитания интеллекта». Как констатировал К. Мангейм «теория либерального образования основывалась на принципе, гласящем, … что конечная и исключительная цель образования – воспитание свободной личности путем беспрепятственного развертывания внутренних качеств» [Мангейм 1994, с. 464].

В Новое время в европейской, а затем и в мировой практике сформировались различные модели высшего образования. Особенность англосаксонской системы – университеты так называемого либерального направления, ориентированные на классические гуманитарные знания. Этот «культуроцентристский тип» учебных заведения предназначен для воспитания «культурных джентльменов»: классический пример такого рода – Оксфорд и Кембридж. В Германии университеты больше ориентированы на подготовку специалистов, хотя и здесь никоим образом не провозглашались идеи отказа от гуманитарного образования. Более того, Берлинский университет нового типа, чьи принципы разрабатывал В. Гумбольдт, был призван стать центром образования, науки и культуры. Великий гуманист и практик Вильгельм фон Гумбольдт отрицал узкоутилитарные взгляды на образование, предвидя опасность технократизма. Гумбольдтовская модель, его реформы в образовании в XIX в. оказали колоссальное влияние на Европу и Америку.

Американская модель высшего образования имеет свои особенности, поскольку ее история, в отличие от европейской, начиналось не с университетов, а с колледжей. Специфический симбиоз либерального и профессионально-технического образования создал присущий

американской культуре утилитаризм, дух «деловой Америки». В XIX в. к руководству университетами были допущены капитаны бизнеса; университеты стали инкорпорировать в свою структуру колледжи, перенимая стиль и правила организации американского бизнеса. В результате в системе высшего образования возникло два принципиально отличавшихся друг от друга типа учебных заведений: немногочисленные университеты, где господствовал старый классический дух «туманного Альбиона», характерный для XVIII в., – это Йельский, Принстонский, Колумбийский университеты; с другой стороны, появилось большое количество новых учебных заведений по типу университета Дж. Гопкинса, которые были предназначены для подготовки специалистов-практиков. С последними связан процесс девальвации классических образовательных и научных ценностей в буржуазной культуре, превращения знания в товар, на котором можно «делать деньги». Этот процесс, проанализированный автором теории «праздного класса» Т. Вебленом, был показан им на материале американских университетов [Веблен 1984].

Отечественное образование также имеет много славных страниц. Университеты в России возникают позже европейских, в середине XIII в. – (первый открыт в 1755 г.). Они воплотили в себе многие лучшие черты предыдущего развития: демократизм, универсализм, сочетание фундаментальной научной подготовки и широкого культурного, образовательно-воспитательного воздействия. В свое время советская система образования также наглядно демонстрировала свои преимущества, главным из которых была ее общедоступность. Колоссальный резонанс во всем мире имел запуск первого спутника Земли, первый полет человека в космос. Феномен, названный «шоком от спутника», среди других последствий имел реформирование сферы образования во многих развитых странах и, в частности, в США, направленное, в том числе, на ее демократизацию.

Как отмечалось во многих исследованиях, посвященных высшей школе, у истоков европейских университетов лежат две, во многом противоположные, тенденции: с одной стороны, направленность на поиск истины, получение и передача фундаментальных знаний, с другой – стремление получить практическую профессиональную подготовку высокого уровня. [Белл 2004; Мангейм 1994; Университет как центр…;Захаров, Ляхович 1994]. Эти тенденции, их неразрывная

связь и взаимосоотнесенность составляют основной вопрос как университетского образования, так и всего образовательного комплекса. Этот основной вопрос является наиболее острым и в настоящее время, актуализированный как проблема взаимосвязи утилитарно-прагматического профессионального и общекультурного знания.

Узкая специализация, одномерность и однонаправленность полученного образования недостаточна в настоящее время. Неизбежно встает проблема повышенной динамики социальной и производственной среды, ее трансформации на протяжении жизни одного поколения. Настоятельным требованием времени становится способность к переквалификации, овладению новыми профессиональными навыками. Такую возможность предоставляет широкая базовая подготовка. На современном этапе развития технологий особую значимость приобретает ответственность ученого, инженера и техника за результаты своей деятельности. Да, современная наука и техника может кардинально преобразовывать природу, но нужно ли это человечеству? Какими будут отдаленные последствия данных новаций? Пойдут ли они во благо последующим поколениям? Эти вопросы требует ответственного подхода, он должен исходить из морально-этических принципов, восприятие, усвоение которых достигается путем соответствующего воспитания.

Старая, хорошо известная еще с античных времен идея воспитания «добродетели» звучит снова и снова у различных мыслителей и практиков, обсуждающих проблемы образования. Весь XIX, XX, а теперь уже и начало XXI в. она проходит рефреном динамичные трансформации этих эпох. Об образовании, как необходимом базисе в воспитании гуманистического мировоззрения, писали философы, теоретики и практики университетского образования В. Гумбольдт, Дж. Ньюмен, Р. Хатчинс, Т. Веблен, К. Маннгейм, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Белл. Именно наличие свободного общедоступного образования с его гуманитарным потенциалом должно преградить путь техническому Апокалипсису. Университет, обеспечивающий определенный цикл гуманитарных наук, должен стать посредником между культурой и техникой, сдерживая прыть технократов, этих «наездников технологии и рационализации» (Д. Белл).

Большой проблемой образования XXI в. будут процессы массовизации, происходящие в современном обществе. Тенденции

глобализации, развитие массовой культуры выводят на первый план «улицу» массу. «Человек массы» – это всегда «новый», «свежий», «голый» человек. Он существует «вне времени», вернее, его время и пространство чрезмерно мало, ограничено рамками данного локуса. «Здесь и сейчас», «сегодня» – так фокусируется событийная канва. Область массы – «мир вечного сегодня» (Н. Н. Козлова), где люди обитают в мире первичной социальности. Высокие материи, в том числе национальный выбор, исторические судьбы народа и т. п. не входят в его габитус. Локус прагматичен, ограничен насущными заботами, которые предельно онтологизированы. Именно этот субъект повседневности становится объектом «серийной культуры» (Ж.-П. Сартр). Реклама, средства массовой информации, мода устраняют вертикаль ценностной ориентации, манипулируют сознанием, особенно сознанием молодежи. Стираются границы между этическими полюсами, между научным и обыденным знанием, между высокой валоризованной и массовой культурой.

Только образование, обучение культуре может поставить заслон, воспрепятствовать этим тенденциям. Концепция гуманитарной трактовки образования призвана противостоять как идеалу рационального практицизма, так и культурному, духовному примитивизму. Особенно важная роль здесь принадлежит гуманитарной компоненте. Воспитание человека и гражданина возможно только через воспитание духовности, через знакомство с исторической национальной культурой, где можно получить представление о культурных традициях, преемственности, исторических корнях, определяющих нормы поведения в условиях современной жизни. Именно духовная культура сможет стать противоядием от нигилизма и «культурного одичания», поскольку культура есть единственная сфера, «растящая и питающая личность» (П. А. Флоренский). И такова должна быть логика ориентированной на человека перспективы развития образования в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 2004. 790 с.

Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 366 с.

Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университетов в европейской культуре. М. : Фонд «Новое тысячелетие»,1994. 240 с.

Кант И. Спор факультетов / Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966. 742 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М. : АКАЛИС, 1994. 700 с.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск : БГУ, 2005. 104 с.

Рожков А. Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы) : автореф. дис. … д-ра истор. наук. Краснодар, 2003. 44 с.

Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / М. А. Гусаковский, Л. А. Ященко, С. В. Костюкевич и др. ; под ред. М. А. Гусаковского. Минск : БГУ, 2004. 279 с.

Флоренский П. А. Из богословского наследия // Богословские труды : научно-богословский журнал РПЦ. 1977. Вып. 17.

Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.

УДК 81'25

М. В. Кутьева

кандидат филологических наук, доцент; доцент каф. иностранных языков № 2
РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва; e-mail: marku2006@yandex.ru

ДУХОВНЫЕ СИМВОЛЫ В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ НА РУССКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ: РАЗЛИЧИЯ ОБРАЗНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ

В данной статье с точки зрения образной специфики и семантических оттенков мы сопоставляем несколько наиболее важных и известных эпизодов Священного Писания, несущих значительное духовное содержание и символику, запечатленных на русском и испанском языках. Рассматриваемые нами словосочетания стали библейскими фразеологизмами или, иначе говоря, библеизмами и активно эксплуатируются в современном речевом узусе, в частности ресурсами СМИ, влияя на мировосприятие огромного количества читателей. Проанализированный материал подталкивает нас к выводу о том, что лексико-семантические различия и несовпадение образных рядов в русской и испанской версиях являются весьма существенными. Однако еще более значительной представляется нам разница в смысловых трансформациях и метафорической деривации, которым подверглись рассматриваемые нами фразеологизмы. Сопоставление параллельных фрагментов из Ветхого и Нового Заветов выявило огромную понятийную и прагматико-семантическую разницу в испанских и русских трактовках одних и тех же сюжетов, остро проявляющуюся в современном узусе. Думается, выявление прагматико-семантических различий параллельных фрагментов Библии и анализ специфики их иносказательности позволяет глубже осознать этнокультурное своеобразие духовности и вербального мышления соответствующих народов.

Ключевые слова: перевод; библеизм; образ; метафора; символ; контекст; семантика; вариант; версия.

M. V. Kutieva

Ph.D. (Philology), Associate professor,
Associate Professor at the Department of foreign languages No. 2,
Plekhanov Russian University of Economics (REA Plekhanov), Moscow;
e-mail: marku2006@yandex.ru

SPIRITUAL SYMBOLS IN THE TRANSLATIONS OF THE BIBLE INTO RUSSIAN AND SPANISH: DIFFERENCES IN FIGURATIVE REALIZATIONS

From a figurative and semantic standpoints the article compares several most important and well-known episodes of the Holy Scripture in Russian and Spanish, bearing significant spiritual content and symbolism. The phrases we have considered

have become biblical phraseological units. The mass media, influencing the worldview of a huge number of readers, actively use them in modern speech. The analyzed material leads to the conclusion that the lexical and semantic differences and the dissimilarity of figurative image series in the Russian and Spanish versions are very significant. However, even more significant is the difference in semantic transformations of phraseological units. The pragmatic and semantic differences in the parallel episodes from the Bible and the peculiarities of their allegory give a better understanding of the ethno-cultural identity of the spirituality and verbal thinking of the respective peoples.

Key words: bibleism; image; translation; metaphor; symbol; context; semantics; variant; version.

Насчитывая более двух тысяч лет с момента создания, Библия стала беспрецедентным источником духовности и созидателем нравственности человечества, оказав огромное воздействие на мироощущение и вербальную ментальность многих лингвокультур. Со страниц Библии ведут свое начало глубокие символы, самые различные образы и устойчивые выражения, весьма рекуррентные во всех стилях речи. А. О. Жолобова характеризует доминантные сюжеты «Книги книг» как «ключевые пункты в интертекстуальном пространстве современной культуры» [Жолобова 2005, с. 5]. Нет такого свойства характера личности или сферы человеческих отношений, нет таких перипетий быта или социально-политических процессов, к которым было бы невозможно подобрать определенный библеизм – для того чтобы охарактеризовать их или дать им оценку [Шулежкова 2002, с. 48].

Задача перевода Священного Писания на иные языки характеризуется чрезвычайной сложностью, которая обусловлена рядом причин. Главной из них является, с нашей точки зрения, тот факт, что процесс перевода Библии охватывает чрезвычайно длительный период и абсолютно не соприкасавшиеся друг с другом культуры. Кроме того, переводчик Слова Божьего, благоговея перед величием этого грандиозного памятника, лишен права приводить комментарии экстралингвистического плана и вынужден грешить буквализмом. Очевидно, и по причине контекстуальной многозначности слов перевод Библии чреват семантическими искажениями. В идеале труд переводчика подразумевает адаптацию переводного текста с учетом ментальности, духовности и когнитивных особенностей взаимодействующих культур. Однако адаптация происходит в самой минимальной степени при переводе Библии. Именно поэтому трактовать

Библию сложно и долгое время в Средневековье было запрещено, ибо вольные толкования могут приобрести неожиданный и даже нежелательный вектор.

К сожалению, Священное Писание изобилует переводческими ошибками и разночтениями, что отмечается многими источниками [Menendez 2013]. Основные упущения и герменевтические сбои произошли на этапе перевода с арамейского на европейские языки. Так, в Исходе (34: 29–35) описывается Моисей, сходящий с горы Синай. В арамейском варианте при описании его лица используется глагол *излучать*, который имеет тот же корень, что и существительное *рога*. Поэтому, из-за неверного переводческого выбора, в латинской Вульгате, а вслед за ней и в испанской версии, вместо *сияющего лика* перед нами предстает *рогоносец* «Quod *cornuta* esset facies sua»). Моисея с рогами, похожими на лучи, несложно встретить в европейской живописи эпохи Ренессанса. Заметим, что в древности рога символизировали силу, власть и мудрость. В Средние века рога стали ассоциироваться с дьяволом. Эволюция смыслов, связанных с многозначной символикой, стала источником многих недоразумений.

Обратимся, для иллюстрации герменевтических quid pro quo, к весьма популярной среди большинства носителей русского языка Псалтири. В Псалме 32 (стих 17) говорится: *«Не спасется царь множеством воинства;* исполина не защитит великая сила. *Ненадежен конь для спасения*, не избавит великою силою своею» (Пс. 32:16–17). В испанской Библии это Псалом № 33. В отличие от русского и старославянского прочтений, он несет в себе немаловажное уточнение: ложной *надеждой на победу* (на спасение) является конь:

> El rey no se salva por gran ejército; ni es librado el valiente por la mucha fuerza. Falsa esperanza de victoria (salvación) es el caballo, ni con su mucha fuerza puede librar (*Salmos 33:16–17 Nueva Biblia Latinoamericana de Hoy*).

В церковнославянском варианте интересующая нас фраза записана буквой *ер* – ъ, как *Лож***ъ** (*ложен*) *конь во спасение*. В нынешнем ежедневном речевом обиходе лозунг «ложь во спасение» нашел широчайшую, горячую поддержку у среднестатистической языковой личности, рьяно ищущей на страницах священных книг оправдания своим заблуждениям и прегрешениям. Ошибка произошла из-за переводческой невнимательности: твердый знак был прочитан как мягкий,

и краткое прилагательное *ложъ / ложен* трансформировалось в существительное *ложь*, синонимичное обману и вранью. Именно ошибочная *ложь во спасение* получила всеобщее признание и постоянную прописку в русской разговорной речи, художественной литературе и театральных постановках, поднимающих вопрос о том, можно ли ложью спасти человека. Зерно такового сомнения приписывается Библии, где его никогда не было и нет.

Рассмотрим еще один показательный библейский сюжет. В Евангелии от Луки, изданном на русском языке, говорится о мытарствах ***блудного*** сына. Обратим внимание на то, что в семантике лексемы *блудный* взаимодействуют два значения. Первое связано с глаголом *блуждать* и явлением *блуждания* (обычно во тьме), т. е. поиска своего духовного пути. Второе восходит к категории *блуда*, т.е. распутства, потери нравственных ориентиров [Дубровина 2012, с. 84]. В испанской притче на ту же тему сын назван не *блудным*, а растратчиком, транжиром – *pródigo*. Разница представляется нам серьезной, концептуальной, весьма значимой. В первом случае акцент сделан на нравственном облике сына, сбившегося с пути истинного. Во втором внимание сосредоточено на финансовой стороне вопроса. Переводческий выбор указывает, таким образом, на сущностные различия в мировоззрении и духовных ориентирах лингвокультурных сообществ. Оборот *hijo pródigo* продолжает свою жизнь с акцентуацией на теме безответственности по отношению к отцовскому капиталу. Испанская газета «Эль Паис» обращается к сюжету с блудным сыном, иллюстрируя каталонский политический кризис:

> ¿Se acuerdan de la parábola de la Biblia *del hijo pródigo*? Aquel hijo que se marchó de casa con un buen dinero, que lo malgastó y luego regresó a casa del padre, que lo acogió de nuevo con los brazos abiertos. *El hijo pródigo* Puigdemont, al contrario que en la parábola de la Biblia, no será bien recibido si decide volver a Cataluña. Para muchos catalanes ha actuado con cobardía; otra gran mayoría se pregunta quién sufraga los gastos de su estancia en Bruselas: la respuesta es que la estancia de la fuga la sufragamos todos los catalanes (*El País. 31.01.2018. https://elpais.com/elpais/2018/01/31/opinion/1517421824_817368.html*).

Сопоставление параллельных фрагментов из Ветхого и Нового Заветов выявило огромную понятийную и прагматико-семантическую разницу в испанских и русских трактовках одних и тех же сюжетов,

остро проявляющуюся в современном узусе. Так, в книге пророка Даниила говорится о Валтасаровом пире. На испанский язык это словосочетание переводится как *festín de Baltasar*. Заметим, что чаще в обиходе используется оборот *el banquete de Baltasar*. Семантику этого действующего в настоящее время испанского фразеологизма диктует следующая библейская фраза:

> El Rey Baltasar ofreció un gran festín a mil de sus dignatarios, y todos fueron testigos de la cantidad de vino que bebió.

Можно было бы считать эти лексические параллели, ставшие в обеих лингвокультурах фразеологизмами, полными эквивалентами. Однако это не так. В русском языке Валтасаров пир характеризует беспечно веселое, легкомысленное поведение, чреватое бедствием и даже гибелью [Дубровина 2008, с. 73]. В испанском языке, по свидетельству фразеологического словаря Левинтовой, – это только лишь обильное угощение [Левинтова 1985, с. 271]. Нетрудно заметить, что различия имеют глубокий когнитивный и семиотический смысл. При этом духовная составляющая, охватывающая такие моральные категории, как поведение, безответственность, чревоугодие, расплата за прегрешения, беда как неизбежная кара, высвечивается именно в русском обороте, в то время как в испанской его интерпретации остается лишь позитивная, радостная, гедонистическая составляющая – похвала изысканности и размаху угощения. В русском языке это библейское словосочетание обладает силой предостережения, призывает думать о последствиях нашей опрометчивости. В испанском – это лишь констатация избытка блюд на праздничном столе и (или) их роскоши. Словарная дефиниция находит множественные подтверждения в материалах современной прессы:

> El coreógrafo y bailarín aparece con su desconcertante aspecto de entre monje y Buster Keaton, con la camisa cerrada hasta el útimo botón del cuello. Se sienta muy recto, pide un ascético café solo mirando admonitoriamente el café con leche y el cruasán de su interlocutor como si fueran *el festín de Baltasar* (*J. Antón. Cesc Gelabert: "El cuerpo no dice mentiras". El País. 09.11.2017*).

В приведенном фрагменте *Валтасарову пиру* выпала лишь украшательская роль, и образ этого пира в описании персонажа имеет чисто эстетическую функцию. Это как раз тот библеизм, внешняя

идентичность которого в двух языках может привести к когнитивному шоку. В таких случаях, когда через оборот «Валтасаров пир» носитель испанского языка хочет всего лишь похвалить шик и блеск стола, русский заподозрит в этих словах угрозу или предупреждение о неминуемой каре, следующей за беспечностью и излишествами.

Выявленная нами сущностная разница в том, как именно и с каких позиций каждая национальная культура интерпретировала одно и то же сочетание слов, описывающее определенную ситуацию, является иллюстрацией следующего тезиса: библейские изречения стали концентрированной трансляцией мировоззренческих основ, принципов морали и систем символов, содержащихся в Святом Писании. Мироощущение каждого народа выстраивает свою уникальную иерархию приоритетов, маркированную в этнокультурном отношении.

Символизация Всевышнего через образ птицы носит в Библии характер константы и, естественно, сохранена как в испанском, так и в русском переводе Библии, хотя и здесь есть некоторые оттенки.

И в русской, и в испанской Библии фигурируют птицы как аллегория доверия Всевышнему:

> Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? (Мат. 6:26).
>
> Mirad las aves del cielo, que no siembran, ni siegan, ni recogen en graneros; y vuestro Padre celestial las alimenta. ¿No valéis vosotros mucho más que ellas? (Mateo 6:26).

Разница состоит в том, что по-русски люди *лучше* птиц, а по-испански люди *сто́ят больше*, нежели птицы. Иными словами, русский перевод избегает слова *стоить*, следовательно, намеренно уходит от меркантильных образов, а испанский перевод настаивает на присутствии «денежного» контента через глагол *valer*. Высказывание евангелиста Матфея о Божьем покровительстве над птицами стало широко известной в мире крылатой фразой.

Скорбное чувство с помощью образа птицы транслируют слова Иисуса, переданные евангелистом Матфеем:

> Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! (Мат. 23: 37).

В испанской версии не используется лексема *птица*. Вместо нее в тексте фигурирует *курица с цыплятами*, которая в русской ментальности благодаря фразеологии птицей не считается и наделена несколько сниженными коннотациями. Приведем соответствующее восклицание по-испански:

> ¡Jerusalén, Jerusalén, que matas a los profetas, y apedreas a los que te son enviados! ¡Cuántas veces quise juntar a tus hijos, como la gallina junta sus polluelos debajo de las alas, y no quisiste!

Кроме того, в испанском тексте вместо «вы не захотели», читаем «*ты* (*Иерусалим*) не захотел», что представляется более логичным по сравнению с русской версией. По-русски *дети иерусалимские* идентифицируются через местоимение «твои». Далее в русском тексте возникают логически выбивающиеся из контекста и рассогласованные *вы*. Возможно, причина такой мены кроется в особенностях местоименной системы более древних, чем испанский и русский, языков, что, тем не менее, вовсе не оправдывает решение переводчика, которое наносит ущерб адекватному восприятию смысла.

Одна из Притч заверяет нас в том, что не стоит бояться случайного проклятия: безосновательное проклятие силы над Вами не возымеет. Бог не допустит его осуществления. Посмотрим, как именно выражена эта мысль в русском и испанском Священном Писании (Притчи (Proverbios) 26:2):

> Como el gorrión en su vagar, y como la golondrina en su vuelo, así la maldición nunca vendrá sin causa.

Буквальный перевод с испанского видится нам следующим образом: «Как воробей в своих скитаниях и как ласточка в своем полете, так и проклятие *никогда не придёт* без причины». Русская параллель, одобренная Русской Православной Церковью, предстает в таком обличии:

> Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие *не сбудется*.

На наш взгляд, это несколько разные суждения. В испанской версии воробей и ласточка даже не направятся, не начнут движения в ненужную сторону – туда, куда не следует, к тому, кого «зря», «по ошибке» проклялли. В русской версии воробьи и ласточки, став аллегорией проклятия,

прилетят, приземлятся в безосновательно заданную точку, но, вдруг осознав ошибочность «адреса», внезапно вспорхнут и *у*летят, не став реальностью, не осуществившись. Этот пример показывает, что смысловые акценты расставлены в двух версиях абсолютно по-разному.

Встречающееся в Библии выражение «отдать тело птицам небесным» означает убить. В первой Книге Царств читаем:

> И сказал Филистимлянин Давиду: подойди ко мне, и я отдам тело твое птицам небесным и зверям полевым … (1 Цар. 17:44).

Сравним эту фразу с ее соответствием в испанском языке:

> Dijo luego el filisteo a David: Ven a mí, y daré tu carne a las aves del cielo y a las bestias del campo (1 Samuel 17:44).

В испанской Библии фигурирует не тело, а мясо (плоть), что вообще очень характерно для испанского менталитета. Лексема '*carne*' переводится не только как *мясо*, но и как *плоть*. Кроме того, *филистимлянин* вводится в русский текст с прописной буквы как имя собственное. В испанском тексте он предстает существом нарицательным, ведь первая буква его имени – строчная, поэтому персонаж воспринимается как один из одноплеменников, а не исключительный и полномочный представитель своего народа, типа полномочного и чрезвычайного посла.

В ветхозаветном пророчестве Исаии рассказывается о том, как гнев Господа опустошит землю, обратит ее в горящую смолу.

> …И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, *пристанищем страусов* (Ис. 34).

По-испански это предостережение звучит так:

> En sus alcázares crecerán espinos, y ortigas y cardos en sus fortalezas; y serán morada de chacales, y *patio para los pollos de los avestruces*.

Предложим наш дословный перевод с испанского:

> В его замках вырастут тернии, а крапива и репейник – в его крепостях; и будут они жилищем *шакалов*, двором для *птенцов страуса*.

Именно *птенцы страуса*, а не сами *страусы*, воспринимались, видимо, в южных культурах как аллегория грязи, уродства и безобразия.

Для иллюстрации картины опустошения привлекаются образы тех животных и птиц, которые в культуре первоисточника являются носителями отрицательных коннотаций. Помимо пеликанов, шакалов и гадких страусят, это еще и коршуны:

> Там и *коршуны* будут собираться один к другому (Ис. 34:9).

Стих 34:11, дополняя инфернальный ряд образов, гласит:

> И завладеют ею *пеликан* и еж; и *филин и ворон* поселятся в ней (Ис. 34:11).

Испанское соответствие на этот раз является точным и идентичным, однако имеет единственное отклонение – *филин* / *buho* заменен *совой* / *lechuza*:

> Se adueñarán de ella el pelícano y el erizo, la lechuza y el cuervo morarán en ella (Is. 34:10).

Особенной экспрессией, благодаря специфике привлекаемых в повествование образов, обладает четырнадцатый стих Пророчества:

> Las fieras del desierto se encontrarán con las hienas, y la cabra salvaje gritará a su compañero; la lechuza también tendrá allí morada, y hallará para sí reposo (Is. 34:10).

Приведем буквальный перевод с испанского:

> Звери пустыни встретятся с гиенами, дикая коза будет звать своего товарища (кричать своему спутнику); сова обретет свое жилище там, и найдет там себе покой.

Канонический синодальный перевод на русский язык таков:

> И звери пустыни будут встречаться с *дикими кошками*, и *лешие* будут перекликаться один с другим; там будет *отдыхать ночное привидение* и находить себе покой (Ис. 34:10).

Муки переводческие вылились в тот факт, что в синодальном каноническом переводе испанская *дикая коза* (*cabra salvaje*) трансформировалась в русского *лешего*, а *сова* (*lechuza*) – в *ночное привидение*. Каждое новое поколение переводчиков, нередко именуемых мудрецами, вносило свою лепту в сгущение красок ужасов. Что могло повлиять на решение переводчика? Мы подозреваем, что толкователь мог выполнять определенный социальный заказ. В его задачи входило

навести на читателя священный трепет. Поэтому в пятнадцатом стихе этого пророчества из Синодальной Библии читаем:

> Там угнездится *летучий змей*, будет класть яйца и выводить детей и собирать их под *тень свою*; там и *коршуны* будут собираться один к другому.

Испанский вариант имеет следующий образный ряд:

> Allí anidará el *búho*, pondrá sus huevos, y sacará sus pollos, y los juntará debajo *de sus alas*; también se juntarán allí *buitres*, cada uno con su compañera.

Приведем наш буквальный перевод с испанского:

> Там совьет себе гнездо *филин*, отложит яйца, и выведет птенцов, и соберет их под своими крыльями, и соберутся там также *коршуны*, каждый с подругой своей.

Испанский *búho* / *филин* и английский *great owl* преобразуются в русской версии в образы *летучих змеев,* а в украинской – в *скакучих гадюк* для усиления прагматического воздействия. Примечательно также, что для русского адресата коршуны собираются «один к другому» – как бы в войско, а для испаноязычного реципиента каждый коршун обзаводится *подругой*, *спутницей* с целью продолжить «свою кровь» в будущем. Можно заключить, что для русской ментальности опасным видится мужское объединение агрессивно настроенных особей, а не их «мирные» интенции; для испанской лингвокультуры отрицательными коннотациями наделены и «серьезные намерения» коршунов-самцов по отношению к самкам.

Однако Библия, бьющая все мыслимые рекорды по количеству переводов, содержит не только те образы, которые никак нельзя назвать тождественными, но и такие метафоры, которые стали вечными, общепланетарными, интертекстуальными. Одна из них – это выражение «соль Земли». В Испании словосочетание *La sal de la tierra* – метафорический образ, который используется для указания на силу какого-либо явления, индивидуума или группы единомышленников. В России *соль Земли* референрует действенных активных людей. К таким людям обращался евангелист Матфей:

> Vosotros sois la sal de la tierra; pero si la sal se desvaneciere, ¿con qué será salada? No sirve más para nada, sino para ser echada fuera y hollada por los hombres (Mateo 5: 13).

Соль Земли – это самые талантливые, выдающиеся, творческие люди; лучшие представители общества, носители и хранители его духовных и интеллектуальных ценностей [Дубровина 2008, с. 620]. В испанской лингвокультуре этот библеизм, почерпнутый в Нагорной Проповеди, наделен сходным значением, но все же несколько иным, более широким, распространяющимся и на абстрактные понятия. В отношении к людям он имеет хождение в более развернутой форме: *ser sal de la tierra y luz del mundo* / *быть солью Земли и светом мира*. Очевидно, этот испанский библейский фразеологизм носит не цитатный, а сюжетный характер. Этот оборот легко генерирует двойной смысл благодаря игре прямого и переносного значений и поэтому часто выносится в названия кинематографических произведений. Так озаглавлены:

La sal de la tierra: Palestinos cristianos en Cisjordania del Norte (Salt of the Earth: Palestinian Christians in the Northern West Bank / Соль Земли: Палестинские христиане на Западном берегу реки Иордан) – документальный фильм 2004 г.;

La sal de la tierra – бразильский документальный фильм о Себастьяне Салгаду – человеке, который бросил всё, чтобы заниматься любимым делом;

La sal amarga de mi tierra, aunque en Huarás no hay salinas / Горькая соль мой земли – и роман перуанского писателя Marcos Yauri Montero.

Таким образом, взаимоотношения библеизмов русского и испанского языков характеризуются сложностью и неоднозначностью. Мы показали, как библеизмы или библейские устойчивые сочетания, в семантике которых значительным является символьный компонент, выступают семасиологическими идентификаторами национального самосознания. Передаваясь новым поколениям, они будут транслировать в будущее не только универсальные духовные ценности и ориентиры, но и самобытность мироощущения, присущего данной лингвокультуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / Перепечатано с Синодального издания. 2-е изд. М. : Изд-во «СЕП» и «СМП», 1988. 1509 с.

Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М. : Флинта, 2012. 264 с.

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта, 2008. 808 с.

Жолобова А. О. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 24 с.

Левинтова Э. И. Испанско-русский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1985. 1076 с.

Осипова А. А. К вопросу о современных переводах Священного Писания на английский язык // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 3. С. 101–104.

Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М. : Азбуковник. 2002. 288 с.

Biblia paralela. URL : bibliaparalela.com/isaiah/43-20.htm (accessed on 23.01.2018).

Meléndez García L. Nueva biblia corrige más de 2 000 errores y añade Salmo 151 // El Diario. 03. 01. 2013. URL : eldiariony.com/2013/01/03/nueva-biblia-corrige-mas-de-2-000-errores-y-anade-salmo-151/ (accessed on 01.02.2018).

Nueva Biblia Latinoamericana de Hoy (NBLH). URL : www.biblegateway.com/resources/audio/?source=26&aid=52 (accessed on 23.01.2018).

УДК 81’42

А. А. Лебедева

доктор филологических наук, профессор,
заведующий каф. иностранных языков Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); e-mail: lebsuch@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ КОНТЕКСТА ДЛЯ КОРРЕКТНОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПРАВОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье проводится многоаспектный анализ влияния контекста на адекватность переводческих решений. Автор развивает теорию культурного компонента значения, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, и рассматривает трудности межъязыкового перевода юридической терминологии. Проводится также анализ примеров безэквивалентности и вариантности (синонимии и полисемии) юридических терминов в контексте воздействия центробежной и центростремительной тенденций развития терминосистем.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект; лексико-семантический анализ; параллельный перевод; точность перевода; межъязыковой перевод юридической терминологии.

A. A. Lebedeva

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages,
All-Russian State University of Justice
(Ministry of Justice of the Russian Federation);
e-mail: lebsuch@yandex.ru

CONTEXT SIGNIFICANCE FOR CORRECT INTERLINGUISTIC TRANSFER OF LEGAL TEXTS: LINGUO-CULTURAL ASPECT

The article deals with the multi-aspect analysis of context influence on translation correctness. The author develops the theory of the cultural component of meaning detected in the course of the lexical-semantic analysis of the humanities terminological units and focuses on the difficulties of interlingual legal terminology translation. The author also analyzes examples of non-equivalence and variation (synonymy and polysemy) of legal terms with regard to the centrifugal and centripetal tendencies in the development of terminological systems.

Key words: linguo-cultural aspect; lexical-semantic analysis; parallel translation; precision of translation; interlingual legal terminology translation.

Для грамматически корректного построения фраз на иностранном языке необходимо научиться видеть детали окружающего мира, которые незаметны в ходе разговора на родном языке. Как сказал великий Гёте в XVIII в., «сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек». Лишь как красивую метафору обычно воспринимают известную в народе поговорку, что немецкий язык – для войны, английский – для бизнеса, французский – язык любви. Лингвистические исследования последних лет убедительно показывают, что люди, говорящие на разных языках, часто думают по-разному [Богданова 2003; Тер-Минасова 2004; Атабекова, Сысоева 2007; Атабекова 2008; Лебедева 2010; Воробьева 2015 и др.]. В лингвистической литературе неоднократно упоминалась необходимость держать в голове массу подробностей в процессе разговора на китайском языке даже о самых простых вещах. При переводе словосочетания «моя тетя» на китайский язык, например, нужно знать, по матери или по отцу тетя, младше или старше она других родственников, родная она сестра папы или супруга его брата, так как все эти китайские названия будут звучать по-разному. Вопрос китайца: «Вы уже ужинали?» – это фраза для инициирования беседы, а не предложение покушать вместе [Sun 2007]. Подобная функция и у английского вопроса «What's up?», не предполагающего какого-либо конкретного ответа. Преподаватель английского языка вспоминал, как на начальном этапе своей работы в Японии заметил, что японцы приветствуют своих коллег при входе в офис и прощаются с ними, уходя. Пытаясь быть вежливым, после занятий он тоже решил попрощаться с коллегами и произнес «Mata ne» («See you later»). Данная грамматически корректная фраза, однако, оказалась чересчур «панибратской» и соответственно культурно неприемлемой. Правильно было бы сказать что-то типа *Osaki ni shitsurei shimasu* (*букв*. 'Excuse me for leaving before you') [Neff, Rucynski 2013]. Подобные примеры свидетельствуют о необходимости приобретения изучающими иностранные языки определенных знаний в области межкультурной коммуникации.

В условиях расширения международного сотрудничества в разных областях знаний в последние десятилетия наблюдается стремительное развитие профессиональных контактов представителей разных национальностей. Многие профессиональные понятия стали общими, в связи с чем можно говорить об универсальности профессиональной картины мира, которую, вслед за Е. С. Закировой, будем

определять как «содержательную систему научного знания в определенной области профессиональной деятельности человека, обладающей универсальностью, так как научные знания характеризуются объективностью» [Закирова 2015]. При этом национальная профессиональная картина мира, как правило, национально специфична, поскольку общие понятия в каждом конкретном языке вербализуются средствами данного языка и подчиняются правилам этого языка. В современной лингвистике используются разные термины для определения данного феномена, в том числе «национальная научная картина мира» (определяемая О. А. Корниловым как «информативный инвариант научного знания о мире, “одетый” в языковую оболочку конкретного национального языка» [Корнилов 2003, с. 43]), «профессиональная языковая картина мира» (определяемая Е. С. Закировой как профессиональная картина мира, эксплицированная средствами национального языка, т. е. это «национальная форма выражения единого содержательного профессионального вербального кода средствами определенного языка» [Закирова 2015, с. 22]) и др. Профессиональное осмысление языковой личностью научных понятий в какой-либо сфере знаний создает предпосылки для формирования профессионально ориентированной языковой картины мира как родного, так и переводимого языков, и дает возможность профессиональной языковой личности оперировать обслуживающей данную сферу знаний терминологией, реализовывать общение в пределах заданных коммуникативных стратегий и в рамках жанров, составляющих институциональный дискурс. При анализе вида дискурса (личностно, культурно и ситуативно-детерминированной коммуникативной практики по В. И. Карасику [Карасик 2015, с. 125]), как правило, выделяют дискурсивную личность экономиста, политика, юриста и т. д.

Какие факторы влияют на выбор переводного эквивалента при работе с разными типами контекстов? Каковы характерные особенности работы с юридическим дискурсом, в частности трудности перевода при работе с текстами правовой направленности, такими как законодательные акты, инструкции или подзаконные акты, монографии, учебники по какой-либо отрасли права и т. д.?

При работе с разными типами дискурса необходимо обращать внимание, прежде всего, на ***корректность контекстного перевода***. С одной стороны, наблюдается большое количество многозначных

слов и омонимов: английское слово *sentence*, например, может переводиться как «грамматическое предложение» и как юридический термин «приговор»; слово *fine* – как «прекрасно» во фразе *He is fine* и как «штраф» в юридическом контексте; слово *probation* – как «стажировка» и как «условное наказание по приговору суда»; слово *trust* – как «трест» и как «доверительная собственность». При этом в рамках одного и того же юридического дискурса нередко наблюдается многозначность: слово *custody*, например, должно переводиться как «предварительное заключение» в рамках уголовного права и как «опека» в контексте семейного права. Понятийная основа языковой единицы является ее семантическим инвариантом, развитие же многозначного слова происходит в текстовом фрагменте. Использование одного и того же слова в различных контекстах требует не только отражения в сознании обучающихся предметов и явлений, актуализации знаний, но и осмысление информации, полученной в ходе изучения определенной отрасли права.

Не так давно весь мир российских программистов потешался над обошедшими Интернет контекстными переводческими ошибками, появившимися при локализации на русский язык программного обеспечения под названием SAP (очень дорогая немецкая аналогия 1С) в результате перевода интерфейса с помощью программы типа «Magic Gooddy»: вероятно, сначала с немецкого языка на английский, а потом с английского на немецкий, после чего переведенные фразы были распределены между людьми, вручную перепечатавшими их в SAP ERP. При этом было допущено множество ошибок (например, «налогооблАжение», «вниматИльно»), поскольку часть людей, по всей видимости, русский язык либо не понимали совсем, либо правку почему-то не вносили: не может русскоговорящий человек перевести пункт настроек «Country-specific requirements» как «страновые требования». Особенно бросалось в глаза «пушномолочная свинья-несушка» (так до определенного времени называлась программа RAIMEWMS, сейчас название уже исправили) – в оригинале «Eierlegende Wollmilchsau», максимально близкий по смыслу корректный перевод данного выражения будет «мастер на все руки». «Умная» программа «Magic Gooddy», однако, посчитала, что «Wollmilchsau» – это три отдельных слова (*Woll, milch, sau*) и перевела фразу «Eierlegende Woll milch sau» как «Яйцо укладки шерсти молока свиноматки» (несмотря на

контекст – интерфейс: выбор программы). Остается только удивляться, как данная версия потом превратилась в выражение «Пушномолочная свинья-несушка» (*mail.yandex.ru/re. ...*).

С другой стороны, в процессе актуализации значения определенной языковой единицы в конкретном контексте необходимо обращать внимание на окружение этой единицы. К примеру, *commission of a crime* – это «совершение преступления», *commission of the peace* – «мировая юстиция», *to execute commission* – «реализовать полномочия», *presidential commission* – «президентская комиссия». Специфической особенностью некоторых английских слов является необходимость передачи при переводе разных смысловых значений в единственном и множественном числе: слово *damage*, например, переводится как «ущерб», а *damages* – «возмещение ущерба»; слово *government* – «правительство, управление», а *governments* – «государственные ценные бумаги»; слово *security* – «безопасность», а *securities* – «облигации, ценные бумаги» и т. п.

Большое значение для достижения точности перевода имеет правильное восприятие контекста. Перевод некоторых слов и выражений требует знания культурных реалий представителей другой национальности. В Гаване, например, провинциалов часто иронично называют *el palestino* (приезжие «из дальних палестин»), что можно рассматривать как аналог русского слова «лимита». Вопрос-приветствие у китайцев «Вы уже поели рис?», ответ на который обычно звучит как «Да, спасибо. А Вы?», целесообразно переводить на русский язык фразой «Как дела?». В японском языке нет названия месяцев, их обозначают порядковыми номерами, например июнь, шестой месяц, – это [рокацу]. Носители финского языка считают годами, а не веками, например говорят «в начале тысяча восьмисотых годов» вместо словосочетания «в начале девятнадцатого века». Греки подзывают кошку звуками «пс-пс-пс» и произносят «кс-кс-кс», чтобы прогнать ее. Носители разных языков, как известно, слышат издаваемые животными звуки поразному. Финны полагают, что лошадь произносит [ихахаа] (*ihahaa*), собака – [хау] *(hau),* а утка – [кваак] (*kvaak*). Петух кричит во Франции [кокорико], в Италии [чикиричи], по-английски [кокадудльду], по-немецки [кикерики], по-корейски [кокио] и, как добавляют в известном анекдоте, по-украински [слава Украине]. Буквальный перевод с финского языка имени их Деда Мороза Йоулупукки – «козел», хотя

корректным такой вариант перевода не назовешь. Слово *abolitionist* нужно переводить четко в зависимости от контекста: в конце XX в. – это сторонник отмены смертной казни, в начале XX в. – сторонник отмены «сухого закона» в США, в середине XIX в. – сторонник отмены рабства. Коннотативное восприятие одних и тех же слов также иногда меняется в разные исторические периоды. К примеру, слово *cowboy*, имеющее нейтральную коннотацию в современном мире, обозначающее нанятого для присмотра за стадом всадника и зафиксированное в английском языке с 1725 г., звучало оскорбительно в эпоху Американской революции 1775–1783 гг., поскольку так называли сторонников Англии (кстати, в Техасе ковбоев называют *cowpuncher*).

При сопоставительном анализе одноименных терминосистем в разных национальных вариантах специального дискурса часто наблюдаются расхождения, несовпадение каких-либо признаков, положенных в основу номинации. При переводе английских юридических терминов, например, нередко можно столкнуться с ***межвариантной вариативностью*** – существованием разных обозначений одного понятия в разных вариантах английского языка. Если лексемы *solicitor* и *barrister* в британском английском относятся к одному лексико-семантическому полю – «стороне защиты», находясь при этом в синонимических отношениях, то лексема *solicitor* многозначна и может переходить в другое лексико-семантическое поле – «сторона обвинения», приобретая в американском национальном варианте другое значение «прокурор, глава юстиции города, штата»: *Solicitor General* переводится как «заместитель главного прокурора (*Attorney General*) в США. В национальных вариантах английского языка используются различные термины, соответствующие русской лексеме «адвокат»: *Jurist* (American English), *Writer* (Scottish English), *Counselor-at-law* (Irish English). В американском национальном варианте нет дифференциальных признаков между адвокатами, выступающими в суде и готовящими документы (*litigators*, *trial lawyers*), в отличие от британского английского (*barrister* / *solicitor*). Термин *Attorney at large* обозначает адвоката, выступающего во всех судах. Если в русском языке лексико-семантические поля лексем «адвокат» и «прокурор» четко разграничены: «сторона защиты» / «сторона обвинения», то в английском языке лексемы *attorney* и *counsel* могут употребляться как по отношению к

представителю защиты, так и обвинения: *counsel for the prosecution* – прокурор, *counsel for the defense* – адвокат защиты, *Counsel for the Crown*, *Queen's Counsel* могут употребляться как для обозначения обвинителя, так и адвоката короны. При этом термины *solicitor*, *attorney* и *counsel* являются примером терминологической энантиосемии [Озюменко, Чилингарян 2015], подразумевающей, что одна словоформа выражает противоположные значения: в данном примере лиц с разными юридическими титулами, выполняющих противоположные функции, – обвинения и защиты.

Необходимо обращать внимание и на ***особенности пунктуации, присущие конкретному типу дискурса***. В английском языке, например, при перечислении перед союзом обычно ставится запятая, но в юридических документах ее, как правило, опускают. В завещаниях принято писать «rest, residue and remainder» (оставшаяся часть) без запятой перед *and*. Подобная тенденция прослеживается и в названиях юридических фирм «Stone, Green@Brown».

Пунктуация в разных языках нередко варьируется. Греки, как известно, ставят точку с запятой вместо вопросительного знака. Носители английского языка в десятичных дробях отделяют десятые и сотые точкой, в то время как русскоговорящие – запятой (7.25 / 7,25), запятая же в цифрах в английском языке ставится после указания тысяч, в отличие от русского языка, где тысячи не отделяются знаком препинания (46,970 / 46 970). Индийцы, как известно, пишут при помощи деванагари. При использовании данного типа письма к верхней горизонтальной черте как бы «прикрепляются» свисающие буквы, что является характерной особенностью деванагари. Вместо предлогов при написании используются послелоги: таким образом, фраза «на стуле есть (лежит) книга» в буквальном переводе будет звучать как «стул на одну книгу есть».

Одновременно целесообразно принимать во внимание ***стиль речи, типичный для данного конкретного вида дискурса***. Как известно, характерной чертой юридического английского является наличие чрезмерно длинных предложений, нередко представляющих собой сложные предложения, в состав которых входят несколько придаточных предложений. В США заявление на выдачу патента, например, должно быть оформлено одной фразой. Присутствие второго предложения может стать причиной отказа в выдаче патента. Характерной

чертой юридических документов является также чрезмерное многословие. Часто вместо предлогов или наречий можно встретить словосочетания: *in the event that* вместо *if, subsequent to* вместо *after, prior to* вместо *before, at slow speed* вместо *slowly, in the timely manner* вместо *in time, during the time that* вместо *during* и т. п. В любом договоре увидим «terms and conditions of the agreement», хотя «terms and conditions» – синонимы, достаточно было бы использовать одно из них; в заголовке фактически любого завещания находим: «Last Will and Testament of John Miller», где *Will and Testament* – также синонимы, и использование только одного из этих слов было бы вполне приемлемо. В литературе неоднократно высказывалось мнение, что излишнее многословие объясняется принятой во многих странах почасовой оплатой юристов, составляющих завещания, контракты, доверенности и другие документы.

В лингвистической литературе при перечислении трудностей перевода, как правило, выделяют ***несовпадение или отсутствие реалий***, ***отсутствие эквивалентов***, ***языковые интерференции*** и т. д. В рамках юридического дискурса могут возникнуть сложности с поиском аналога при переводе названий судов, государственных органов надзора за деятельностью коммерческих организаций и т. п.

В результате превращения юридического английского в язык международного юридического сообщества во многие языки, в том числе в русский язык, вошло большое количество английских юридических терминов, в результате чего нередко возникают ***расхожения в семантических конфигурациях юридических терминов***, ***относящихся к так называемым ложным друзьям переводчика***. К примеру, термин «новация» определен в статье 414 ГК РФ как «соглашение сторон о замене первоначального обязательства, существовавшего между ними, другим обязательством между теми же лицами, если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений». Англоязычный же термин *novation* допускает замену сторон помимо замены обязательств, ср.:

> A novation is an agreement made between two contracting parties to allow for the substitution of a new party for an existing one. The original contracting party who is replaced by the new party with the novation is excused by the novation, and therefore the original party who is replaced gives up any rights it has against the other original party to the contract. Both original contracting parties must agree to the novation.

Подобные расхождения семантической наполненности наблюдаются и с другими терминами, например, *complience-control* и «комплаенс-контроль» в банковском праве [Лебедева 2011] и др. Вошедшие в другие языки как калька с английского, подобные термины при переводе для широкой аудитории, как правило, требуют контекстного комментария или семантического расширения.

Одним из источников пополнения юридической терминологии является ***метафоризация как разновидность лексико-семантического способа терминообразования***. Бытовая лексика становится объектом переосмысления – метафорического переноса: в выражениях *no-frills legal services*; *no-frills legal advice* лексему *no-frills* можно перевести как «бюджетный, простой, ничего лишнего» (ср.: *no-frills divorce* – «развод без хлопот»), а метафорическое сочетание *cookie cutter wills* целесообразно будет перевести как «завещания, составленные по шаблону» (*cookie cutter* – форма для выпечки печенья).

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что комбинированное изучение основ специальности в лингвострановедческом ракурсе одновременно с приобретением навыков перевода является эффективным средством, способствующим овладеванию иностранным языком. При этом целесообразно обращать внимание на различия в картинах мира сопоставляемых языков, а также на особенности терминологического состава переводимых в процессе обучения текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атабекова А. А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. М. : Изд-во РУДН, 2008. 198 с.

Атабекова А. А., Сысоева И. А. Концепты профессиональной культуры в правовом дискурсе: лингвометодические аспекты // Вторые Всероссийские Державинские чтения: в 8 кн. Кн. 8. Иностранный язык юридической специальности. М.: РПА, 2007. С. 20–21.

Богданова Л. И. Культурные концепты в преподавании иностранных языков // Актуальные проблемы современного международного публичного права: материалы Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранных языков и обучение переводу в контексте высшего профессионального образования». М. : Изд-во РУДН, 2003. С. 3–5.

Воробьева М. П. Интердискурсивные смыслы англоязычной судебной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 30–38.

Закирова Е. С. Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей : автореф. дис. ... д-ра филол.наук. М., 2015. 46 с.

Карасик В. И. Языковое проявление личности: монография. М. : Гнозис, 2015. 384 с.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: монография. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.

Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста. М. : РПА Минюста России, 2010. 242 с.

Лебедева А. А. Проблемы юридического перевода. Методика обучения студентов переводу контрактов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 92–97.

Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантичность английской юридической лексики как проблема перевода // Вестник РУДН. 2015. № 2. С. 180–192. (Серия Лингвистика).

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : МГУ, 2004. 350 с.

Neff P., J. Jr. Rucynski. 2013. Tasks for Integrating Language and Culture Teachinh // English Teaching Forum. № 51 (2). P. 12–23.

Sun S. 2007. From linguistic knowledge to cultural awareness // Intercultural Communication Studies. № 16 (3). P. 192–197.

УДК 81-139

Е. А. Осьминина

доктор филологических наук, профессор
каф. мировой культуры ИГиПН ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: eleosminina@mail.ru

САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ (на примере поэзии З. Н. Гиппиус)

Важнейшим источником прецедентных феноменов для русской литературы была Библия – как Ветхий, так и Новый Завет. Символизм и религиозная направленность поэзии Гиппиус позволяют наглядно продемонстрировать эти прецедентные феномены на ее примере. В разные периоды своего творчества Гиппиус обращалась к разным текстам Нового и Ветхого Завета. Прецедентные ситуации в довоенном творчестве Гиппиус в большинстве своем взяты из Евангелия, одна – из Откровения Иоанна Богослова. В военный период в Евангелии выделяются новые ситуации и тексты, прежние осмысливаются по-новому. Гиппиус трижды обращается к Откровению Иоанна Богослова, появляются в ее стихотворениях и отзвуки Ветхого Завета. В эмиграции вспоминается и Евангелие, и Ветхий Завет, и Апостол. В этот период Гиппиус обращается и к довоенным темам: личным, исповедальным или связанным с творчеством Мережковского, и к военным, публицистическим, антибольшевистским. Выбор прецедентных феноменов диктуется временем создания стихов, историко-культурной и и общественно-политической ситуацией, читательской аудиторией, для которой они предназначены. Должна быть учтена и «предтрадиция»: воспитание самого поэта в православии и христианские основания отечественной культуры XIX – начала XX вв., которые русская эмиграция старалась сохранить.

Ключевые слова: прецедентная ситуация; прецедентное имя; Библия; Гиппиус; поэзия; литература русской эмиграции.

E. A. Osminina

Doctor of Philology, Depart, Professor at the Department of World Culture,
Institute of Humanities and Applied sciences, MSLU;
e-mail: eleosminina@mail.ru.

THE SACRED TEXT AS A SOURCE OF THE PRECEDENT PHENOMENA (based on the poetry by Zinaida N. Gippius)

The most important source of precedent phenomena for Russian literature was the Bible, both the Old and the New Testaments. The symbolism and religion-oriented character of Z. Gippius' poetry make it possible to clearly represent precedent phenomena. In different periods of her creative work, Z. Gippius turned to various

texts of the Old and New Testament. The precedent situations in Z. Gippius' prewar poems were mostly taken from the Gospels, one – from the Revelation of St. John the Evangelist. During the war period, new situations and texts are found in the Gospels and the former texts are conceptualized in a new way. Z. Gippius refers to the Revelation of St. John the Divine three times, her poems contain the echo of the Old Testament too. In emigration, she remembers the Gospels, the Old Testament and the Acts of the Apostles. During that period, Z. Gippius turns back to the prewar topics: personal, confessional or related to the creative work of D. Merezhkovsky, as well as to military, publicist and anti-Bolshevic topics.

The choice of precedent phenomena is dictated by the time of creating the poem, the historical, cultural and socio-political situation and the readership for which they are intended. The "background" tradition should also be taken into account, i.e. the facts that the poet herself was brought up in Orthodoxy and that the Russian culture of the 19th – early 20th cc. was based the Christian tradition, which the Russian emigration tried hard to preserve.

Key words: decisional situation; the case name; the Bible; Gippius; poetry; literature of the Russian emigration.

Важнейшим источником прецедентных текстов для русской дореволюционной литературы являлась Библия – как Ветхий, так и Новый Завет, прежде всего потому, что Россия была православной. Поэтому и Первая мировая война, и революция осмысливались как «Апокалипсис русской истории», а последующая эмиграция называлась Великим исходом, сравнивалась с исходом евреев из Египта (показательно название пьесы И. Д. Сургучева о жизни беженцев – «Реки Вавилонские»). Русская эмиграция была антибольшевистской, а большевики являлись атеистами. Поэтому борьба с ними воспринималась, в том числе, как борьба за веру, «крестовый поход», что также диктовало обращение к Библии.

Поэзия З. Н. Гиппиус является ярким примером для анализа такого обращения по ряду причин. Прежде всего, она поэт-символист. В именах и знаках ее поэзии выделяется и денотат, и коннотация; они полны скрытых и явных цитат и смыслов. Сама Гиппиус это отчетливо осознает и декларирует.

Здесь – только обещания и знаки:
Игла в закатном золоте вина,
Сияющий прорыв, прорез во мраке….
Здесь только счастье – голубого сна [Гиппиус 1999, с. 270].

Гиппиус – не только христианка по вероисповеданию, но и представитель религиозного модернизма, неохристианства. Много сил она

отдала и антибольшевистской борьбе, что также отразилось в ее творчестве. Именно поэтому стихи ее полны библейских аллюзий, образов и сюжетов – того, что современная лингвокультурология называет прецедентными феноменами. К ним относят прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные тексты. Они определяются следующим образом.

Прецедентное имя: «“Воплощенное” имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и / или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться денотативно (интенсионально), выступая в роли семантического предиката» [Ковшова, Гудков 2017, с. 114].

Прецедентное высказывание: «Репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, оказывающемуся шире простой суммы значений» [там же, с. 112].

Прецедентная ситуация: «Единичная ситуация, имевшая место в реальной или виртуальной действительности, ставшая эталонной для последующих ситуаций, схожих с ней по тем или иным параметрам, актуализирующаяся в речи при помощи устойчивых вербальных маркеров» [там же, с. 104].

Все вышеприведенные феномены основываются на прецедентном тексте (в настоящем случае – на Библии) и являются производными от него. Представляется, что базовыми для анализа поэзии Гиппиус являются прецедентные ситуации, к ним восходят и имена, и высказывания. Для их обозначения в большинстве случаев подходят названия иконописных сюжетов и образов.

Прецедентные ситуации в довоенном[1] творчестве Гиппиус в большинстве своем взяты из Евангелия и относятся к земной жизни и крестной смерти Иисуса Христа. Это ситуации: «Благословение детей», «Помазание Христа миром в доме Симона прокаженного», «Тайная Вечеря», «Суд Пилата», «Распятие Христово».

К «Благословению детей» восходит молитва «Нескорбному учителю» (1901, 1903). Прецедентная ситуация описана в трех синоптических Евангелиях (Мф 19, 13–15. Мк 10, 11–13. Лк 18, 15–17). В первом из них: «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф

[1] Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918).

19, 14). У Гиппиус она выражена в строке «Иисус, детей надежда!» [Гиппиус 1999, с. 106]. Ситуация сопровождается использованием прецедентного имени, дважды: «Иисус, в одежде белой» [Гиппиус 1999, с. 106].

К «Помазанию Христа миром в доме Симона прокаженного» восходит молитв «Дар» (1901, оп. 1903). Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Луки и Евангелии от Иоанна: «Мария же, которой брат Лазаря был болен, была *та*, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими» (Ин 11, 2), «…и, став позади у ног его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром <…>. Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром» (Лк 3, 38; 50). У Гиппиус она выражена в строках: «Тебе Мария умыла ноги, // и Ты ее с миром отпустил» [Гиппиус 1999, с. 106]. Прецедентная ситуация сопровождается использованием прецедентного имени (Мария).

К «Тайной Вечере» восходит высказывание из послания «Христу» (1901, оп. 1902) и элегия «Тринадцать» (1903, оп. 1903). Прецедентная ситуация описана во всех Евангелиях (Мф. 26, 17–35; Мк. 14, 12–31; Лк. 22, 7–39; Ин. 13, 21–30). Слова Спасителя во время «Тайной Вечери»: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам» (Ин 14, 18) дословно цитируются в четверостишии послания: «Ты во дни, когда был меж нами, // Сказал Сам: // “Не оставлю вас сиротами, // приду к вам”» [Гиппиус 1999, с. 106]. Строки из элегии «В святую ночь беседы тайной // Еще прибавил – одного» [Гиппиус 1999, с. 130] указывают на саму ситуацию и на Иуду, не названного по имени.

Надежда на пришествие Иисуса Христа также выражена в послании «Любовь» (1900, оп. 1903), где цитируется Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог» (Ин 1, 1). У Гиппиус: «Вначале было Слово. Ждите Слова» [Гиппиус 1999, с. 105].

К «Суду Пилата» и «Распятию Христову» восходит послание «Сообщники» (1902, оп. 1903). Прецедентные ситуации описаны во всех Евангелиях (Мф 27, 15–16; 33–56. Мк 15, 6–15; 22–41. Лк 23, 13–25; 33–49. Ин 18, 39–40; 19, 1–37). В послании Гиппиус говорит о первой ситуации: «И спрашивал один, и сомневался, // Другой молчал, – как и в былые дни» [Гиппиус 1999, с. 136], – и подробно описывает вторую:

Кричали мы: распни Его, распни!

Шел в гору Он – ты помнишь? – без сандалий…
И ждал Его народ из ближних мест.
С Молчавшего мы там одежду сняли
И на веревках подняли на крест.

Ты, помню, был на лестнице, направо…
К ладони узкой я приставил гвоздь.
Ты стукнул молотком по шляпке ржавой, –
И вникло острие, не тронув кость.

Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра, вдвоем…
Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьем?

И не с тобою ли у двери гроба
Мы тело сторожили по ночам? [Гиппиус 1999, с. 136–137].

Гиппиус указывает не только на исторический, но и на вневременной смысл происходящего, в последних строках послания: «Вчера, и завтра, и до века, оба – // Мы повторяем казнь – Ему и нам» [Гиппиус 1999, с. 137].

К «Благовещению Пресвятой Богородицы» может восходить баллада «Благая весть» (1904, оп. 1904). Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Луки (Лк. 1, 26–38). Но здесь возможно и неканоническое толкование. Мережковский цитирует начало этого стихотворения в книге «Тайна Трех: Египет и Вавилон» (1925), рассказывая о вавилонской жрице на башне [Мережковский , с. 137].

К «Апокалипсису» в довоенный период восходит только элегия «Белая одежда» (1902, оп. 1903). Прецедентное высказывание – обращение к Ангелу Сардийской церкви: «Побеждающий облечется в белые одежды…» (Откр. 3, 5). К элегии дается эпиграф «Побеждающему Я даю белые одежды. Апокалипсис», перифразированный в двух последних ее строках: «Сказал Господь: “Одежду белую // Я посылаю – победившему”» [Гиппиус 1999, с. 140].

Все вышеперечисленные стихотворения, за исключением «Благой вести» написаны за короткий период времени, 1900–1903 гг. и опубликованы в 1902–1903 гг. («Благая весть» – всего годом позже). Многие из них созданы в жанрах «молитвы» или «послания».

Это не случайно. В 1901–1903 гг. в Петербурге проходили Религиозно-философские собрания, одним из организаторов которых был муж Гиппиус, Д. С. Мережковский. Роль самой Гиппиус отмечал В. В. Розанов, она входила в число членов-устроителей собраний и активно участвовала в работе журнала «Новый путь» (1902–1905), где публиковались и протоколы собраний, и некоторые ее стихотворения (в частности, «Белая одежда»).

Кроме открытых Религиозно-философских собраний, Мережковские организовали еще своего рода «церковь», вылившуюся в их с Д. В. Философовым «тройственный союз». Именно в 1901–1902 гг. они проводили собственные «богослужения», для которых Гиппиус пробовала писать молитвы: «Я стала работать над молитвами, беря их из церковного чина и вводя наше» [Гиппиус 1999, т. 1, с. 112].

Основные идеи, пропагандируемые и в закрытых, и отчасти в открытых собраниях – это идеи Мережковского: неохристианство, религиозный модернизм. Они и определили выбор Библии как прецедентного текста для процитированных выше стихотворений. Эти стихотворения обращены к узкому кругу друзей-единомышленников, которые стали «своими» в кругу Мережковских, или, возможно, предполагались стать – как В. Я. Брюсов, к которому обращено послание «Сообщники». Поэтому стихи полны скрытых намеков, расшифрованных А. В. Лавровым в комментариях к стихотворениям Гиппиус [Лавров 1999]. Некоторые религиозные образы и символы в ее поэзии (кроме канонического смысла) имеют еще один, тайный эзотерический смысл, связанный с доктриной Мережковского. Кроме того, во многих стихотворениях вместо имени Бога Гиппиус употребляет слова Он, Ты, Господь, Творец, Отец, Сын. Насколько канонично их значение, нельзя утверждать однозначно.

В военный период – от Первой мировой до окончания Гражданской войны, 1914–1920 гг., – картина меняется. В Евангелии выделяются новые ситуации: «Рождество Христово», «Сретенье Господне», «Изгнание торгующих из храма», «Притча о потерявшейся овце», «Второе пришествие Христа», а «Распятие Христово» осмысляется по-новому. Гиппиус трижды обращается к Откровению Иоанна Богослова, появляются в ее стихотворениях и отзвуки Ветхого Завета. В ряде случаев можно выделить «первичные» и «вторичные» прецедентные тексты.

К «Рождеству Христову» восходит молитва «Белое» (1914, оп. 1914). Как описано в Евангелии от Луки, небесное воинство во главе с Ангелом Господнем славит Бога и взывает: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2, 14). У Гиппиус в молитве славословие цитируется: «Мир на земле, в человеках благоволение…» [Гиппиус 1999, с. 213]. Стихотворение написано перед праздником Рождества Христова в первый год войны.

К «Сретенью Господню» восходит строка из молитвы «Адонаи» (1914, оп. 1918). Это слова Симеона Богоприимца к Богоматери: «и Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец» (Лк. 2, 35). В молитве у Гиппиус:

Ты губишь плоть… Но, Боже, матерям –
Твое оружие проходит душу! [Гиппиус 1999, с. 205].

К «Изгнанию торгующих из храма» восходит второе стихотворение из цикла «Шел» (1918, оп. 1918). Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Иоанна: «И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Ин 2, 15). Гиппиус предполагает повторение ситуации:

Он придет, Он не минует,
В ваши храмы и дворцы,

К вам, убийцы, изуверы,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемеры,
Фарисеи и слепцы!

Вот, на празднике нечистом
Он застигнет палачей,
И вопьются в них со свистом
Жала тонкие бичей.

Хлещут, мечут, рвут и режут
Опрокинуты столы… [Гиппиус 1999, с. 229].

С «Притчей о потерявшейся овце» может быть соотнесена строка из первого стихотворения цикла «Шел». Слова Иисуса Христа: «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее?» (Лк. 15, 4). В стихотворении Гиппиус: «Он искал своих невинных // Потерявшихся детей» [Гиппиус 1999, с. 228].

Первое стихотворение цикла посвящено «Белому и Блоку», второе – «Всем, всем, всем». Это реакция Гиппиус на отступничество прежних единомышленников, принявших революцию. Поэтому она вспоминает не только Евангельские образы, но и их толкование у вышеназванных поэтов, в поэмах «Христос воскресе» (1918) и «Двенадцать» (1918) соответственно. Таким образом в ее цикле «Шел» и послании «А. Блоку» (1919, опубл. посм.) появляются первичный и вторичный прецедентные тексты. В послании отсылка идет исключительно к поэме «Двенадцать»: «Впереди 12-ти не шел Христос» [Гиппиус 1999, с. 335].

К «Тайной вечере», омовению ног ученикам, восходит гимн «Он» (1915, оп. 1915). Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Иоанна: «Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан» (Ин. 13, 5). У Гиппиус: «Склонясь, умыл усталым ноги» [Гиппиус 1999, с. 210]. Гимн имеет политический смысл, кончается словами «И Он – еврей» [Гиппиус 1999, с. 210] и публикуется в сборнике «Щит», изданный в пользу «Общества вспомоществования бедствующему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий».

К «Распятию Христову» восходит уже упоминавшаяся молитва «Адонаи». Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Иоанна: «При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина» (Ин. 19, 25). У Гиппиус о ней напоминают строки: «Ужели не довольно было Той, // Что под крестом тогда стояла, рано?» [Гиппиус 1999, с. 206].

К «Страшному суду» восходят послание «Свеча ненависти» (1918, оп. 1921) и элегия «Сказать – не поверят» (1919, оп. 1921). Прецедентная ситуация может быть соотнесена с пророчеством Иисуса Христа в Евангелии: «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отдели одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую» (Мф. 25, 31–32) и с текстом Апокалипсиса: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20, 12). О суде напоминают строки из послания:

«Что значу я? Не мне отмщенье, // Не мой над ними будет суд» [Гиппиус 1999, с. 231] и элегии «Сказать – не поверят» (1919, оп. 1921): «И близится черед, // Свершается суд…» [Гиппиус 1999, с. 339]. Суд этот только грозит предателям в первом послании и уже совершается над всеми – во второй элегии.

Поскольку в «Свече ненависти» речь идет о предательстве, соглашательстве по отношению к большевикам, то в послании вспоминается прецедентное имя Иуды как знак и символ совершаемого:

Но вас, Иуды, вас, предатели,
Я ненавижу больше всех [Гиппиус 1999, с. 231].

К «Апокалипсису» восходят: молитва «Белое» (1914, оп. 1914), элегия «Непоправимо» (1916, оп. 1920), элегия «Может быть…» (1918, оп. 1922). Уже цитируемое обращение к Ангелу Сардийской церкви повторено в молитве: «дай побеждающей одежду белую…» [Гиппиус 1999, с. 213]. Гиппиус может вспоминать и Новый Завет, и собственное раннее стихотворение. Один из всадников Апокалипсиса (снятие второй печати): «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Ин. 6, 4), – упоминается в первой элегии «Непоправимо»:

Нас затоптал – не проехал мимо! –
Тяжелый всадник на коне рыжем [Гиппиус 1999, с. 216].

Светопреставление (снятие шестой печати): «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» (Ин. 6, 14), – описывается во второй элегии «Может быть…»: «просто совьется свиток звездный, // если дочитан – до конца» [Гиппиус 1999, с. 232].

Итак, сама мировая война, революция и гражданская война осмысливаются как Апокалипсис, конец света, причем не одной Гиппиус. Сразу вспоминается цикл В. В. Розанова «Апокалипсис нашего времени» (1918) и статья Д. С. Мережковского «Царство Антихриста» (1921).

В военное время Гиппиус обращается и к Ветхому завету. Мотивы «Отмщения» и «гнева Господня» упоминаются в молитве «Адонаи». О них говорится, например, в «Пятой книге Моисеева. Второзаконии»: «У меня отмщения и воздаяние, когда поколеблется нога их <…>» (Втор. 32, 35); «гнев Господень» много раз описан в Ветхом завете:

во «Второй книге Моисеева. Исходе», «Четвертой книге Моисеева. Числах», «Пятой книге Моисеева. Второзаконии», «Книге Иисуса Навина», «Книге Судей Израилевых», «Первой книге Царств», «Второй книге Царств», «Четвертой книге Царств» и др. У Гиппиус об этом говорится в строках: «И вот опять, опять ты – Иегова // Кровавый Бог отмщения и гнева!» [Гиппиус 1999, с. 205], т. е. Первая мировая война толкуется как проявление «гнева Господня». Называются два имени ветхозаветного Бога: «Адонаи» и «Иегова».

Таким образом, прецедентные ситуации связаны уже не с религиозно-философскими воззрениями узкого кружка, а с политическими событиями, происходящими в России. Стихотворения обращены к широкому кругу читателей. С расширением круга читателей, изменением тематики меняются и ситуации, и имена; появляются новые тексты (не только Евангелие, но и Ветхий Завет и Апокалипсис), повторенные же приобретают новые смыслы, окрашиваются в тона гнева, негодования и отчаяния.

Третий, эмигрантский, период творчества Гиппиус как будто объединил камерность первого и патетику второго; здесь звучат и ранние мотивы, связанные с собственными религиозными переживаниями и идеями Мережковского, и национальные, общеэмигрантские темы. Публицистическую поэзию Гиппиус пишет в первые годы эмиграции, «вдогонку» стихам военного времени и принимая активное участие в антибольшевистской борьбе, организовывая вместе с Мережковским «Союз Духа» (или «Союз непримиримых») и пр.

Из земной жизни Иисуса Христа вспоминается «Сретенье Господне», «Благословение детей» и «Воскрешение Лазаря».

К «Сретенью Господню» восходит молитва «Господи, дай увидеть!» (опубл. посмертно). Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Луки (Лк 2, 22–39). Гиппиус вспоминает Симеона Богоприимца:

Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию [Гиппиус 1999, с. 344].

Это эмигрантская ностальгия.

К «Благословению детей», возможно, восходит послание «Воскресение» (1933, оп. 1933). Эта прецедентная ситуация уже вспоминалась

в довоенной молитве «Нескорбному учителю». Вторая строфа послания начинается строкой: «Посмотри, как блаженны дети» [Гиппиус 1999, с. 275].

К «Воскрешению Лазаря» восходит баллада «Лазарь» (1918–1939, оп. 1938). Прецедентная ситуация описывается в Евангелии от Иоаннна (Ин. 11, 1–44). Окончание евангельской строки: «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (Ин 11, 44), – практически повторено в последней строке баллады:

И выйдет обвязанный пеленами:
«Развяжите его. Пусть идет» [Гиппиус 1999, с. 281].

Интересно, что прецедентное имя – «Лазарь» – появляется только в книге, первоначально баллада называлась «Рыжее кружево (о Петербурге)» (1922, оп. 1923) и прецедентное имя прямо не упоминалось, но подразумевалось. «Рыжее кружево» – это кровь, «девочка с красной лейкой» – революция, «Строитель» – Петр, а с воскрешенным Лазарем может быть соотнесен и Петербург (в первом варианте) и шире – вся Россия. Для эмиграции это символ чрезвычайно значимый. «Лазарь» – одно из лучших стихотворений Гиппиус, не случайно оно помещено в конце последнего ее прижизненного сборника «Сияния» (1938). Место строки в строфе, строфы в стихотворении и стихотворения в сборнике для нее всегда значимо, эта значимость растет прямо пропорционально расположению.

К «Явлению Иисуса Христа апостолу Фоме и другим ученикам» восходит послание «Воскресение» (1933, оп. 1933), посвященное Мережковскому. Прецедентная ситуация описана в Евангелии от Иоанна (Ин 20, 26–29) Упоминается прецедентное имя – апостола Фомы, а прецедентное высказывание, слова апостола Фомы: «Господь мой и Бог мой!» (Ин 20, 28), – не приводится, но подразумевается:

Нету слов об этом на свете,
Кроме слов – последних – Фомы [Гиппиус 1999, с. 275].

К «Страшному суду» восходит элегия «Досада» (1933, оп. 1938). О прецедентной ситуации, «Воскресении мертвых», говорится в Ветхом (Иов. 19, 25–26; Ис. 26, 19; Дан. 12, 2–3; Иез. 37; Ос. 13, 14) и Новом Завете: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время,

и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Ин. 5, 25). С этой ситуации соотносится строка элегии: «Когда я воскрес из мертвых» [Гиппиус 1999, с. 275].

Уже не только общий, «Страшный суд», но и «Частный суд» после смерти человека волнует Гиппиус. К «Частному суду» восходит баллада «Придверник» (оп. 1938). О нем говорит апостол Павел в «Послании к евреям»: «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27). В балладе Гиппиус лирический герой кается перед «стариком» (вероятно, апостолом Петром) преддверии «суда». Старик просит героя рассказать, в чем он был «невиноват» и тот отвечает: «В измене // Я был невинен на земле!» [Гиппиус 1999, с. 369]. После чего старик «дрожащею рукою, // Дверь отомкнул передо мною: // “Суда не будет. Проходи”» [Гиппиус 1999, с. 370].

Интересно, насколько по-разному различные поэты описывают одну и ту же сцену, как выражается в этом их характер! Та же ситуация у Н. С. Гумилева начинается словами:

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит [Гумилев 1988, с. 239].

Наконец, в эмигрантской поэзии Гиппиус можно найти и «вторичные» прецедентные феномены. В элегии «Вечноженственное» (оп. 1928) дважды повторено перечисление «Сольвейг, Тереза, Мария…» [Гиппиус 1999, с. 266]. Это обозначение мифологемы «Мать – сестра – невеста», используемой Мережковским еще в дореволюционной трилогии «Царство Зверя». Имя Марии может быть соотнесено и с именем Богоматери, и с именем героини книги Мережковского «Иисус Неизвестный» (1932–1934).

В поэме «Последний круг (Новый Дант в аду)» (опубл. посмертно) описан ад и упоминается прецедентное имя – апостола Иоанна, но представляется, что прецедентным текстом здесь является «Божественная комедия» Данте.

Повторение некоторых имен и сюжетов показывает их значимость для Гиппиус. Больше всего ситуаций, связанных с земной жизнью Иисуса Христа, но они различны. Дважды Гиппиус обращается к «Сретенью Господню» и «Распятию Христову», но выделяет в них разные моменты. По сути, повторяется только «Благословение детей». У самой Гиппиус детей не было, но интересно в этой связи замечание

о ней поэта Вяч. Иванова «…она женщина нежная и страстная, мать по призванию» [Гиппиус 1999, с. 45].

Иуда один раз называется, один раз подразумевается. Это символ предательства, которое Гиппиус обличает с наибольшей страстностью, вменяя себе в единственную заслугу – отсутствие измены (во многих стихотворениях). Верность определенному учению, идее, человеку (для нее самой – Мережковскому) – важнейшая для нее ценность. Может быть, поэтому она с такой последовательностью продолжает в своих стихах идеи мужа.

И, наконец, «белые одежды», которые она неоднократно вспоминает, – символ победы. Представляется, что это психологическая самохарактеристика – сама она очень сильный человек, не сломленный многими трагическим обстоятельствами ее жизни.

Почему Гиппиус обращается к Библии?

Прежде всего потому, что она верит в Бога. У нее было православное детство, православная бабушка, «сибирячка, с темной старой иконой в углу, с зеленой перед ней лампадкой, с чулком в руках и с рассказами о Симеоне-столпнике и Николае Чудотворце. Бабушка, которой я, когда выучилась читать, читала “Жития святых”, а когда маленькая сестра моя умирала, – говорила мне, шестилетней: “Помолись за нее, детская молитва доходчива”. Я молилась – сестра выжила» [Гиппиус 1991, с.184]. Поэтому в таких ее стихотворениях, как «Дар», «Нескорбному учителю», «Воскресение», «Досада» образы каноничны, мысли и чувства не противоречат ортодоксальному христианству: это чувства любви, раскаяния, надежды на прощение грехов.

Как соратник Мережковского, член его «церкви» она обращается к Библии как к источнику прецедентных феноменов, но толкует их в духе неохристианства, религиозного модернизма. Это стихотворения «Любовь», «Христу», «Сообщники», «Белая одежда», «Тринадцать», «Вечноженственное». В эмиграции влияние Мережковского на творчество Гиппиус продолжается и она сама сохраняет верность его идеям.

И, наконец, при осмыслении событий национального значения (Первой мировой войны) Гиппиус обращается к Ветхому и Новому Завету, поскольку дореволюционная русская культура имела православную основу. Эти стихи адресованы широкому кругу читателей. Атеизм большевиков еще усилил религиозную образность ее политических стихотворений. Отсюда обращение к Библии в стихах

«Адонаи», «Белое», «Он», «Непоправимо», «Может быть…», «Сказать – не поверят», «Лазарь», «Господи, дай увидеть!».

Таким образом, выбор прецедентных феноменов в поэзии Гиппиус определяется временем создания стихов, историко-культурной и общественно-политической ситуацией, читательской аудиторией, для которой они предназначены. Должна быть учтена и «предтрадиция»: воспитание самого поэта в православии и христианские основания отечественной культуры XIX – начала XX вв., которые русская эмиграция старалась сохранить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиппиус З. Н. Живые лица. Воспоминания. Книга II. Тбилиси : Мерани, 1991. 384 с.

Гиппиус З. Н. О бывшем // Зинаида Гиппиус. Дневники : в 2 т. М. : НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 89–164.

Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с.

Гумилев Н.С. Стихи. Поэмы. Тбилиси : Мерани, 1988. 496 с.

Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис, 2017. 192 с.

Лавров А.В. Примечания // Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 1999. С. 447–558.

Мережковский Д. С. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 14. Тайна Трех: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа. М. : Дмитрий Сечин, 2017. 807 с.

УДК 1751

Л. К. Свиридова

доктор филологических наук, профессор каф. методики преподавания иностранных языков Института иностранных языков,
профессор каф. методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
e-mail: sviridova.l.k@hotmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ТОЖДЕСТВА В СФЕРЕ ДУХОВНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается принцип мыслительного построения синонимического ряда слов как одна из закономерностей проявления категории тождества, лежащая в основе речевой коммуникации. В этом плане сформированы три ведущих категориальных значения, которые определяют каждый из трех уровней пирамиды языковых абстракций, а именно: корреляции, характеризующей уровень сознания; коррективности, характеризующей уровень языка; элективности, характеризующей уровень речи. Их единство позволяет выделять в том или ином универсальном значении, с одной стороны, требуемую категорию-наименование как общий конгломерат относительно тождественных слов-наименований, а с другой – размежевать эти слова-наименования по степени количественно-качественных значений. Такой подход к анализу языковых фактов привел к необходимости определять их семантическую нагрузку через количественную наполняемость слова, условно рассматривая его как входящее в единый смысловой ряд, качественно равный условно исчисляемой единице. Отсутствие хаотичности в выборе слов из данного ряда и формирование его однозначного понимания как отправителем, так и получателем информации, определяется различным расположением слов-наименований на единой для них линии количественно-качественного ряда, условно равного единице, исчисляемого от 0,1 до 1,9. Иллюстративным материалом для анализа послужила лексика духовно-родственных отношений, показавшая, что качественные и количественные различия идут в двух направлениях: во-первых, в гендерном, во-вторых, в неравнозначности количественной доли общего для лексем данной сферы признака. Для проведения более глубокого анализа в исследовании были использованы понятия узкого и широкого плана, что позволило более четко выделить сферы слов-наименований в категории-наименовании. Указанный принцип анализа, будучи основанным на единстве корреляции, коррективности и элективности, выступает в качестве внутренней закономерности, которая лежит в основе языка как общечеловеческого явления, позволяя осуществлять акт коммуникации.

Ключевые слова: категория тождества; язык; речь; речевая коммуникация; слово; синоним; общекатегориальное значение родства.

L. K. Sviridova

Doctor of Philology, Professor at the Department of Methods
of Teaching Foreign Languages, Institute of Foreign Languages,
Moscow State Pedagogical University;
e-mail: sviridova.l.k@hotmail.com

LEXICAL FORMS OF THE EXPRESSION OF IDENTITY IN THE SPHERE OF SPIRITUAL AND FAMILY RELATIONS

The article reveals the principle of the mental construction of synonymic series of words as one of the regularities in the manifestation of the category of identity in the process of speech communication. In this respect, three leading categorical values are formed that determine each of the three levels of the pyramid of language abstractions: correlation, correctivity and electivity. The first characterizes the level of consciousness, the second characterizes the level of language, and the third characterizes the level of speech. Their unity makes it possible to represent the required universal meaning and to single out in this universal meaning two things: on the one hand, the necessary category of nomination as a common conglomerate related to identical words of nomination is distinguished and, on the other hand, it permits to separate these words of nomination by the degree of quantitative and qualitative meanings. This approach to the analysis of linguistic facts caused the necessity to determine their semantic load through the quantitative measure of quality which is contained in every word, belonging to this category of nomination as a definite row that is conditionally equal to one. The absence of randomness in the choice of required words from this series and the formation of the atmosphere of understanding by both the sender and the recipient of information is determined by the different arrangement which the conglomerate of words occupies on the single line of quantitative-qualitative series conditionally equal to one, estimated from 0.1 to 1.9. The illustrative material for analysis was the lexis of spiritual and kinship relations, which showed that qualitative and quantitative differences proceed in two directions: firstly, in gender, and secondly, in the inequality of the quantitative share of the common feature of lexemes in this sphere. To carry out a deeper analysis, the concept of a narrow and broad perspective was introduced in the study, which more clearly allowed us to identify the spheres of words of nomination in the category of nomination. Based on the unity of correlation, correctivity and electivity, this principle of analysis represents an internal language law that underlies the basic foundation of language as a universal phenomenon and allows to realize the act of communication.

Key words: category of identity; language; speech; speech communication; word; synonym; general category meaning of kinship.

Как известно, двадцатое столетие в филологии ознаменовано введением в изучение языковой материи третьего уровня абстракции, а именно – выделением речи как отдельного самостоятельного феномена. Его функционирование основывается на обязательном единстве с двумя

уровнями – уровнем сознания и уровнем языка, как бы завершая пирамиду языковых построений и становясь в известной мере ее вершиной. Само выделение речи, предложенное Ф. де Соссюром [Соссюр 1999], позволило посмотреть на язык как на общечеловеческое явление, которому свойственны общие для него и типологически повторяющиеся законы внутреннего развития, а на речь как на явление, основывающееся на языке, но способное выходить за пределы этих повторяющихся законов и, таким образом, видоизменять язык [Шемчук 2013].

Мы полагаем, что в основе возможности разделения языковой материи на три уровня – сознание, язык, речь – лежит пронизывающая всю языковую материю категория тождества [Свиридова 2013]. Данная категория является связующим звеном, позволяющим молниеносно связывать мысль с объектом языковым знаком, который, во-первых, максимально приближает к сути данного объекта; во-вторых, передает его как бы «одевая» в ту языковую оболочку, которая имеет языковое значение, закрепленное за ним в языковом вокабуляре; в-третьих, элективно, т. е. избирательно выбирается говорящим в процессе коммуникации из синонимичного ряда слов как наиболее соответствующий речевой ситуации.

В настоящее время каждому из этих уровней соответствует определенное значение [Кошевая 2013]. Для первого уровня это значение корреляции как соотнесения с объектом. Для второго – это значение коррективности как соотнесения мысли с существующем в языке понятием, для выражения которого язык располагает определенной системой словарных единиц. Эта система образует категорию наименования, объединяющую всю синонимичную группу слов, относящуюся к данному объекту. Третий, речевой, уровень характеризуется значением элективности, или избирательности, т. е. значением, которое будучи связанным с речевой ситуацией сужает категорию-наименование и ведет к максимально тождественному выбору из всей категории-наименования одного требуемого слова-наименования. В связи с этим слово-наименование не просто включает в себя значение тождества, а как бы завязывает его в единый смысловой узел.

По отношению к этому слову все слова категории-наименования, несмотря на свою синонимичную близость, оказываются исключенными из акта речи. Естественно, в этом плане встает вопрос о границах тождества и степени различий слов наименований внутри той же

категории тождества, передающей одно и то же понятие как относящееся к тому же объекту.

Мы, анализируя систему наименований в их речевом статусе, предложим положительно зарекомендовавшее себя разделение вокабуляра на три основные группы: а) конкретизированную лексику; б) ассоциативную лексику; в) агглютинативную и сенсативную лексику [Свиридова 2013]. Все эти группы слов-наименований при выражении того же понятия ведут себя по-разному. Например, понятие «страх» может быть представлено через сенсативную единицу междометного типа (“Oh!”, «ах!» и т. д.), ассоциативного типа («Прочь!», «Вон!»), конкретизированного типа («Боже!», «Страшно!», «Horror!» и т. д.).

За последнее время не случайно лингвистика обогатилась большим количеством научных трудов, которые позволяют посмотреть на фактологический материал с принципиально новых позиций. Тем не менее причиной, в известной мере тормозящей и препятствующей этому развитию, можно считать отсутствие и недостаточную разработанность научного аппарата по вопросам речевых категорий. К числу таких речевых категорий, которые способны реализовать непрерывную линию корреляции, коррективности и элективности является, как отмечалось выше, категория тождества. Она является тем обязательным языковым стержнем, который лежит в основе акта коммуникации.

В этом процессе выбор требуемого слова-наименования, как мы полагаем, осуществляется на основе определенного вида градаций. Причем градаций не просто качественных – качество у слов-наименований, воспроизводящих одну и ту же категорию наименования, одно – это, например, чувство любви, или состояние здоровья, или духовные, или родственные отношения, на которых мы и остановимся.

Итак, все три значения, свойственные категории тождества, и выделяющие слово-наименование из относительно замкнутой сферы категории наименования, как бы завязывает категорию тождества в едином узле именно со словом-наименованием. При этом категория тождества позволяет оппозиционировать выбранное слово-наименование всем другим словам, сосуществующим в виде синонимичных внутри категории-наименования. Само выделение осуществляется на качественно-количественной основе и происходит это следующим образом.

Коммуникация в речи осуществляется путем молниеносного соотнесения мысли с объектом, названным соответственным словарным

знаком. Далее проистекает опять же молниеносный процесс соотнесения названного слова с устойчивым рядом слов, относящихся к тому же объекту, но занимающих в нем различные количественно-качественные градации. Мы не случайно говорим не просто о качественных градациях, а о градациях количественных, так как этот обычно не учитываемый фактор является, по нашему мнению, ведущим в относительно замкнутой сфере синонимичных рядов.

Если мы возьмем сферу духовных и родственных отношений, то выбор, т. е. элективность, основывается на трех взаимосвязанных моментах: во-первых, на тождестве выбранного человеком словарного знака; во-вторых, на его вхождении в уже имеющуюся сферу языковых синонимов, соотнесенных с общим понятием как с категорией-наименованием; в-третьих, с местом, занимаемым выбранным словом в данной категории-наименовании. Последний момент оказывается весьма значимым в осуществлении всего процесса коммуникации, так как он предполагает не только выделение требуемого по смыслу качественного признака, который характеризует всю категорию-наименование как сферу синонимичных слов-наименований, но и определение места, которое должно принадлежать ему в этой сфере. А это уже не только качественный, но и количественный признак, характеризующий данное слово-наименование в плане его различий в ряду тождественных словарных единиц, т. е. внутри всего синонимичного ряда. Например, мать, сестра, брат, свекровь, крестный и т. д., относящихся к тому же значению духовно-родственных отношений, которые составляют категорию-наименование «семья». Эта категория-наименование, с одной стороны, входит в универсальное понятие «человек», но с другой – выделяется как относительно самостоятельная по отношению к другим сферам, типа: социальных отношений, производственных отношений, территориальных отношений и т. п.

Однако даже внутри своей собственной сферы родственных и духовных отношений слова-наименования не выстраиваются в единый произвольный ряд, а, напротив, занимают в этом ряду свои довольно строго фиксированные места. При этом характерны следующие обстоятельства. Эти места определяются внутренними закономерностями, но уже не языка, а речи. Мы считаем возможным выделить в них следующие основные факторы.

Первый фактор определяется гендерной разделенностью объектов, представленных в данных категориях-наименованиях. Так,

с одной стороны, имеем женщину с относящимися к ней словами-наименованиями типа: сестра, невеста, жена, мать, крестная, невестка, свекровь, теща и т. д. С другой стороны, имеем аналогичную картину в мужском роде. Ср.: жених, муж, отец, крестный, зять, свекр, тесть, брат и т. д. Или в духовной сфере подобные ряды с учетом, например, того, что женщине отводится роль, связанная с монашеским служением, типа: настоятельница, послушница, монахиня и т. д., а мужчине звания, связанные со служением в храме, монастыре, удалении от мирской жизни, типа: духовник, батюшка, алтарник, дьякон, старец и т. д.

Разделение по гендерному признаку не касается только неполовозрелых особей человеческого рода, которые обычно причисляются грамматически к среднему, т. е. нейтральному роду. Ср.: «дитя», *das Madchen* в немецком языке; *child* – в английском употребляемом обычно с местоимением *it*; «ребенок», хотя и имеющий грамматически мужской род, но употребляемый как по отношению к мальчику, так и по отношению к девочке.

Вторым основополагающим моментом в построении духовно-родственных отношений, как нам представляется, выступает фактор количественных градаций внутри названных словарных единиц. Все они относятся к конкретизированной лексике, поскольку называют объект в его логическом соотнесении с универсальным значением «человек» и в его понятийном соотнесении с категорией наименования. Итак, имеем духовно-родственные отношения: универсальное значение «человек» и общекатегориальное значение родства (духовного и кровного). И в первом, и во втором случае проявляют себя две ярко выраженные закономерности, которые мы формулируем следующим образом.

1. Обязательное наличие общего признака, необходимого для каждой из рассматриваемых подгрупп (духовной и родственной).

2. Обязательное наличие различий проявляющихся: во-первых, в неравнозначности количественной доли общего для них признака, т. е. в определенной ступенчатости их построения, которая не зависит от коммуниканта, а определяется объективным статусом объекта; во-вторых, это различие объективно определяется диаметральной противоположностью значений по изначально заложенному в них гендерному признаку.

Сложность рассмотрения поставленной проблемы заключается, на наш взгляд, в том, что, относясь к одному и тому же общеуниверсальному значению «человек» и входя в ту же категорию-наименования «духовно-родственных отношений», входящие в нее слова-наименования различаются по тому месту, которое они фиксировано занимают на линии расположения по отношению друг к другу. Так, например, ядром в категории-наименования родственных отношений является гендерное разделение по линии «отец – мать», а к категории духовного родства таким словом-наименованием можно считать слово «патриарх» в православном христианском мире, «Папа Римский» в католическом христианском мире. Приближение или отдаление остальных слов-наименований к или от ядра определяется не произвольным выбором говорящих, а исключительно той мерой количественного признака, которая заключена в каждом из них.

Разделение по гендерному признаку проявляет себя, как отмечалось выше, по диаметральному противопоставлению пола: мужской – женский. Но главным в этой связи является тот факт, что приближение или отдаленность каждого слова-наименования, входящего в эту фиксировано замкнутую категорию словарных единиц, обязательно определяется изменением исходного количественного потенциала.

Если таким исходным потенциалом мы условно назовем два гендерно сопряженных слова «отец – мать», то также условно их можно приравнять количественно к единице, т. е. считать, что исходно их количественный потенциал равен единице. Называясь обобщенно одним общим словом «взрослые», они внутри себя противопоставляются такому обобщенному слову-наименованию, как «дети», т. е. введенная нами условная единица в синонимичном ряду количественно распадается на два ряда слов. Первый представляет ряд «дети», т. е. количественно недошедшие до состояния взрослые, как равные единице, и поэтому представляющие собой единицу с числовым минусом, типа 0,1, условно равная слову типа «сосунок» или с несколько большим числовым количеством, условно равным 0,2, типа «младенец», или с еще большим количеством, равным 0,4, типа «малыш», или с еще большим количеством равным 0,6, типа «девочка», или с количеством 0,8, типа «подросток», приближающимся в количественном увеличении к значению «взрослый», но еще не равный ему. С другой стороны, имеет место движение к другому количественному

полюсу, когда имеет место построение количественной доли того же качества, но сверх единицы, т. е. до 1,9, поскольку до этого предела единица сохраняется в рамках своего качественно-количественного состояния. В этом ряду могут быть расположены такие слова, как бабушка, прадед и т. д.

Аналогичное явление наблюдается в сфере духовного родства, с той разницей, что отношение идет до числового значения 1,9, обозначаемого словом-наименованием «патриарх», а к единице могут приравниваться такие слова-наименования, как «настоятель» и далее – слова-наименования, соотносящие наше сознание с церковными служителями по степени занимаемой ими должности внутри церковной иерархии.

Следовательно, само значение кровно-духовного родства состоит как бы из двух планов – широкого и узкого. Широкий план является стержневым. Он соединяет все слова-наименования в единый класс синонимичных слов как качественно-количественную категорию наименования. Второй план выступает как узкий, поскольку он действует внутри данного класса, представляя его в количественном выражении, условно от 0,1 до 1,9.

При этом необходимо отметить, что качество, представляющее собой смысловой стержень всей группы синонимичных слов, поэтому является логико-смысловым стержнем всей этой категории наименования, сохраняя положительное свойство в любом выразителе как слове-наименовании, какое бы место по отношению к единице, т. е. к условному ядру, оно бы не занимало, и как количественно мало оно не было бы (типа «внутриутробный ребенок» или «трудник») или, напротив, являлось количественно нагруженным (типа «старец», «патриарх»).

Положительный характер, т. е. принадлежность любого из данных слов-наименований ко всей категории-наименования определяется тем фактом, что такое слово существует в языке как знаковое – оно является маркированным признаком реально существующих, зафиксированных в языке и употребляющихся в речи отношений. Поэтому внутри всей группы, как категории духовно-родственных отношений слова-наименования, выступают тождественными в смысле формирования данной категории. Но хотя внутри самой категории эти слова-наименования различаются количественной характеристикой

определенного признака, они как составной компонент, относящийся к той же количественно-качественной единице, противополагаются тем словам-наименованиям, в которых количественный признак данного качества полностью отсутствует, например, «чудовище» или «бес» и т. д.

Объясняется это тем обстоятельством, что фактором, связующим широкий и узкий план слов-наименований является ведущее универсальное значение «человек», представленное через тождество количественно-качественных градаций внутри различных категорий-наименований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кошевая И. Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–67.

Свиридова Л. К. К вопросу о синтезированном типе лексических единиц // Проблемы теории языка и переводоведения. М. : Изд-во МГОУ, 2004. Вып. 24. С. 54–59.

Свиридова Л. К. Категория тождества в процессе осознания объекта. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 4. С. 58-62.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. Ш. Балли и А. Сеше ; пер. с фр. А. Сухотина ; под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та,1999. 432 с.

Шемчук Ю. М., *Андреева А.В*. Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 2. С. 86–92.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета

Гуманитарные науки

Выпуск 15 (810)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University

Humanitarian Sciences

Issue 15 (810)

Ответственные за выпуск 15 (810)

доктор филологических наук, профессор Т. С. Сорокина;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
доктор философских наук, профессор И. В. Малыгина

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 12.12.2018 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17,1
Заказ № 145

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=rus&vest_type=gum

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна